

Каждый новый
роман Робин Хобб —
это повод для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Корабль судьбы

САГА
О ЖИВЫХ
КОРАБЛЯХ
Книга 3

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб
Корабль судьбы

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хобб Р.

Корабль судьбы / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2000 — (Мир
Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-13347-1

Повелители Трех Стихий, гордые и прекрасные драконы возвращаются в мир. Вырвалась на свободу из векового заточения Тинталья, расправила мерцающие синевой крылья – и обнаружила, что она единственная из своего племени, парящая в небесах. Ведь морским змеям, чтобы превратиться в драконов, нужно подняться вверх по течению реки, к берегам, покрытым песком памяти, а путь туда преграждает отмель. Нет больше Старших, которые издревле помогали драконам и оберегали их коконы. Значит, ничего не остается, кроме как обратиться за помощью к «мгновенно живущим» – людям. Трилогия о живых кораблях переведена мастером художественного слова писательницей М. Семёновой, автором «Волкодава» и «Валькирии».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-13347-1

© Хобб Р., 2000

© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Пролог	8
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	67
Глава 6	82
Глава 7	107
Глава 8	123
Глава 9	138
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Робин Хобб

Корабль судьбы

Эта книга посвящается Джейн Джонсон и Эни Гроэл, чья неусыпная забота не позволяла автору расслабляться

Robin Hobb
SHIP OF DESTINY
Copyright © 2000 by Robin Hobb

© М. Семёнова, перевод, 2017
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Книги Робин Хобб – в первую очередь о людях. Здесь не найдешь идеальных рыцарей в сияющих доспехах, сеющих разумное, доброе, вечное, или злобных темных властелинов, которых хлебом не корми, дай позлодействовать. У каждого есть убеждения, цели, мотивы... Главным козырем писательницы становится психологическая достоверность персонажей. И в то же время мир, хоть и созданный почти за десять лет, выписан поразительно реалистично и скрупулезно, вплоть до мельчайших деталей. В итоге – все девять книг о Шести герцогствах стали прекрасными образчиками современной фэнтези, пропустить которые не вправе ни один любитель жанра.

Мир фантастики

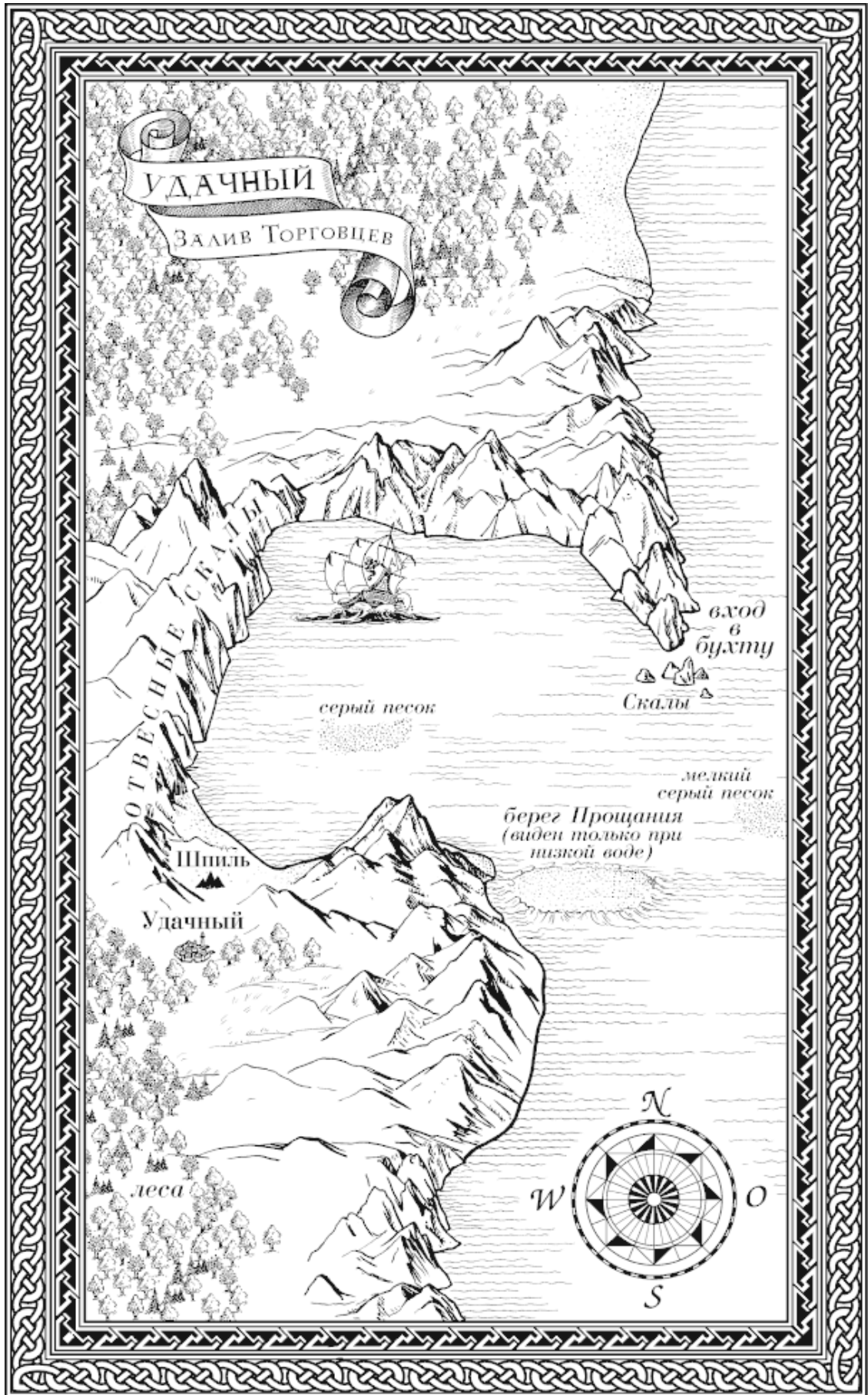
Совершенно необыкновенная сага... Образы всегда превосходны, Хобб любит и знает море, и все, о чем она пишет, немедленно оживает.

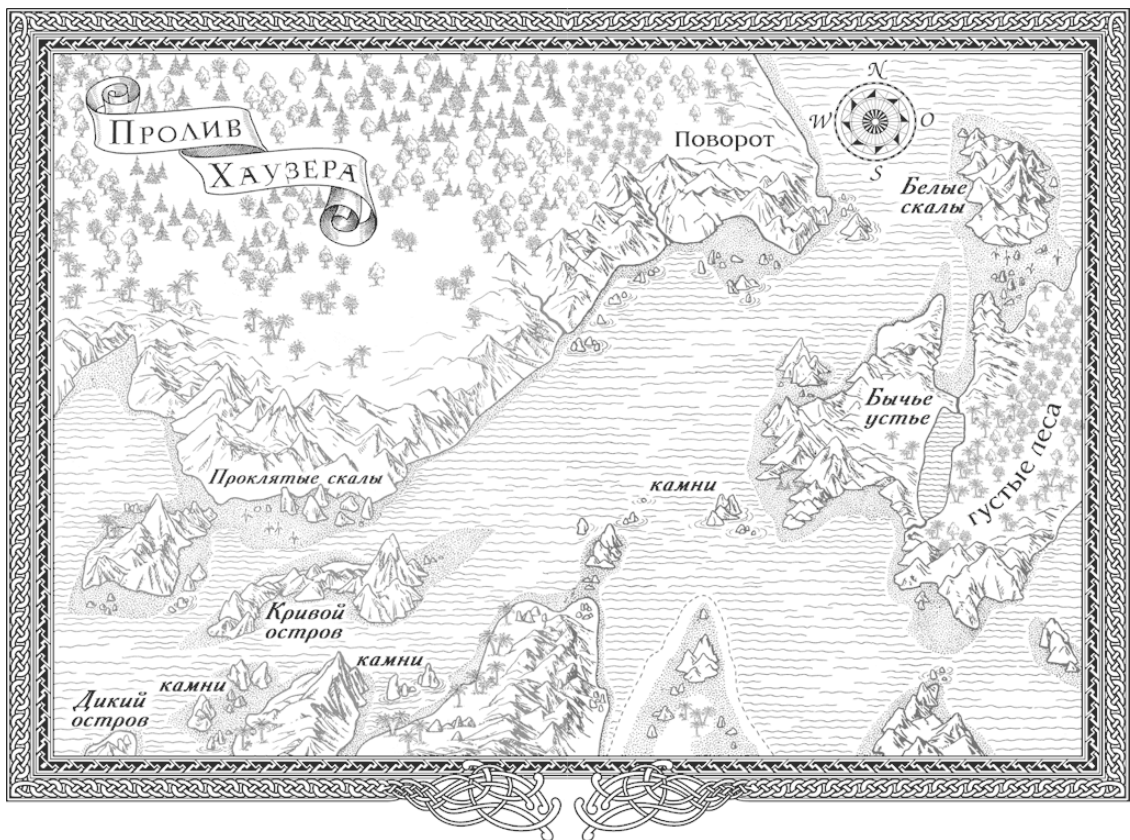
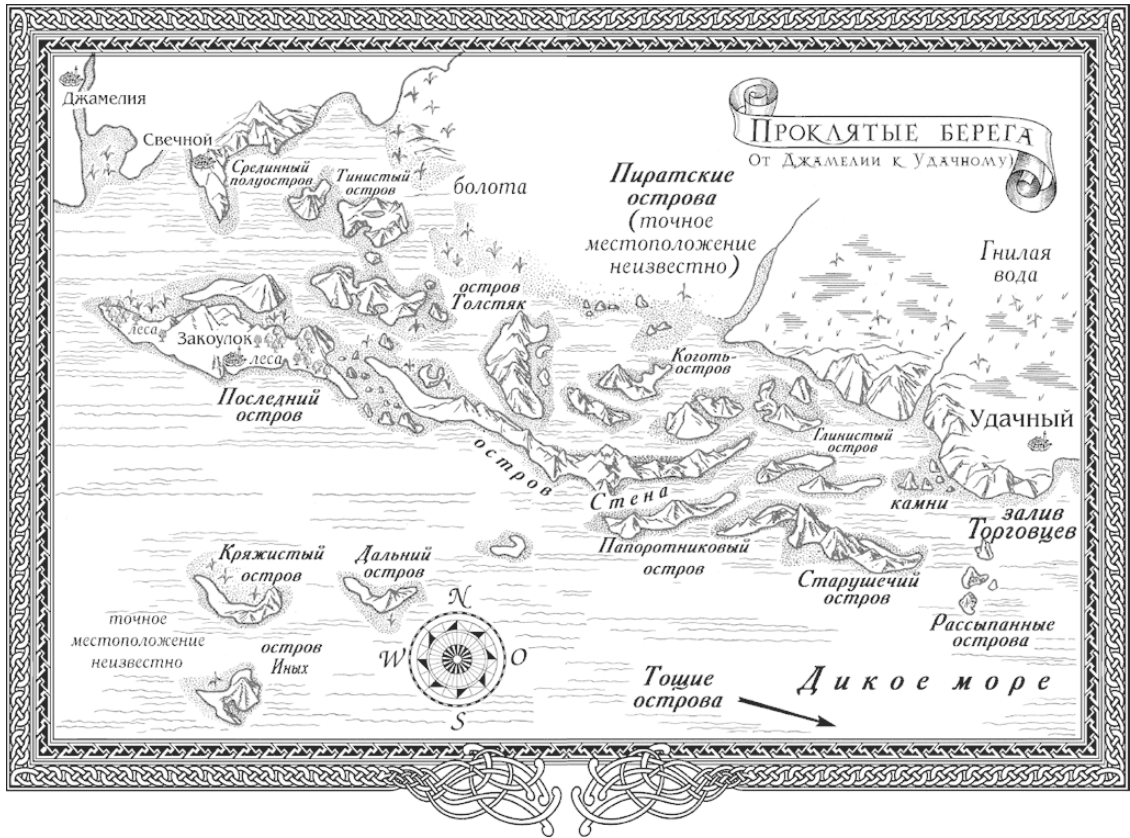
Booklist

Каждый новый роман Хобб – это повод для праздника. Вместе с миллионами ее поклонников я несказанно рад любой возможности побывать в Шести герцогствах, в Дождевых чащобах и на Внешних островах, и я жду не дожусь, когда она возьмет меня в следующее путешествие.

Джордж Р. Мартин

* * *

Пролог Та, Кто Помнит

Она пыталась представить себе, что это значит – быть совершенной. Необремененной изъясными...

В тот день, когда она вылупилась, она оказалась схвачена еще прежде, чем успела переползти по песку и попасть в прохладные соленые объятия моря. Та, Кто Помнит, не зря носила свое имя: она была обречена с ужасающей ясностью помнить мельчайшую подробность того невеселого дня, ибо память была главнейшим ее свойством, да что там – основным оправданием ее существования. Она была сосудом воспоминаний, живым хранилищем памяти. И не только о собственной жизни, хотя бы даже и с момента первоначального образования зародыша в яйце. Та, Кто Помнит, несла в себе воспоминания почти бесконечной цепи жизней, происходивших прежде нее. Яйцо – морская змея – кокон – дракон... и снова яйцо. Они все были в ней, все ее предки. Не каждой морской змее доставались подобный дар и подобное бремя. Таких, как она, хранящих совокупную историю своего рода, всегда было не много. Но большого числа никогда и не требовалось.

А ведь она родилась совершенной. Крохотное тельце было гладким и гибким, и безупречные чешуйки покрывали его. Она выбралась из яйца, взрезав кожистую скорлупу особым шипом, которым была снабжена ее мордочка. Надо сказать, что она немного припозднилась с рождением. Остальной выводок уже высвободился и уполз в воду, испещрив прибрежный песок извилистыми следами – готовая тропа, по которой ей оставалось только проследовать. Море властно манило ее к себе каждым вздохом прибоя, каждым всплеском волны. И она отправилась в путь, ерзая по сухому песку под лучами палящего солнца. Она уже обоняла, уже чувствовала во рту вкус морской соли, уже совсем рядом были солнечные блики, плясавшие на волнах...

Но ей так и не удалось завершить свое первое путешествие.

Ее обнаружили Богомерзкие.

Они окружили ее, загородив своими тяжеловесными тушами путь к манящему океану. Ее подняли с песка и поместили в пещерный пруд, наполнявшийся во время прилива. И стали держать там, кормя мертвечиной и не позволяя поплавать на свободе. Она так ни разу и не пропутешествовала со своим народом в теплые южные моря, столь изобилующие пищей. Не обрела телесной силы и крепости, которую дает вольная жизнь. Но природа все же брала свое, и она росла и росла, пока пруд, выдолбленный в каменных скалах, не превратился для нее в тесную лужу. Воды в этой луже едва хватало, чтобы смачивать ей жабры и чешую, да и что это была за вода, наполовину состоявшая из ее собственного яда и телесных отходов. А легкие даже не могли толком расправиться внутри туго свернутого тела.

Вот так она и жила – пленница в застенке у Богомерзких.

Сколь долго ей пришлось там томиться? У нее не было никакой меры времени, ясно было лишь одно: ее плен продолжался несколько жизней обычных представителей ее рода. Вновь и вновь чувствовала она властный позыв отправиться в путешествие и не находила покоя, изнемогая от необходимости странствовать и невыносимого желания увидеться со своими. Ядовитые железы в глубине ее горла распухали, мучительно переполняясь. Она едва не сходила с ума от воспоминаний, которые рвались наружу, требуя выхода. Она билась в своем узилище, замышляя беспощадную месть Богомерзким, державшим ее здесь. Жгучая ненависть к тюремщикам и так составляла обычный фон ее мыслей, но в подобные периоды это чувство достигало небывалого яростной остроты. Переполненные железы источали в воду наследную память, она барахталась в сплошном яде, вдыхая и выдыхая мириады воспоминаний.

И вот тогда-то к ней приходили Богомерзкие.

Они заполняли ее темницу, доставали воду из каменного пруда и напивались допьяна. А потом выкрикивали друг дружке сумасшедшие пророчества да просто бесились и буйно бредили в лучах полной луны.

Они крали память ее народа. И на основе этой краденой памяти силились заглянуть в будущее.

...А потом ее освободил этот двуногий – Уинтроу Вестрит. Он приехал на остров Богомерзких, чтобы собрать для них сокровища, вынесенные морем на береговой песок. Взамен он ждал от них прорицания. Даже теперь, стоило Той, Кто Помнит, лишь подумать об этом, как ее гриву встопорщивал прилив яда. Богомерзкие пророчествовали только тогда, когда могли унюхать облик будущего в том прошлом, которое похитили у нее. Они ведь не обладали истинным даром Видения. Если б знали, думалось ей, небось смекнули бы, что вместе с двуногими к ним явилась гибель! И непременно остановили бы Уинтроу Вестрита. Ан нет – ведь смог же он ее отыскать и освободить...

Между прочим, неожиданный освободитель был для нее загадкой. Она соприкоснулась с ним кожей, их воспоминания смешались благодаря ее ядам. И все равно она никак не могла взять в толк, что же подвигло двуногого выпустить ее на свободу. Он был из породы мгновенно живущих. Его воспоминания были такими короткими, что большинство даже не запечатлелось в ее сознании. Зато она почувствовала его участие, сострадание и душевную боль. Она поняла: он рисковал своим кратковременным существованием ради того, чтобы вернуть ей свободу. И ее растрогало мужество, присущее, оказывается, созданию, столь мимолетно приходящему в этот мир. И она поубивала Богомерзких, пытавшихся захватить ее и Уинтроу. А потом, когда Уинтроу и другие двуногие готовы были погибнуть в бушующем море, она помогла им вернуться к себе на корабль...

Та, Кто Помнит, широко распахнула жабры, вбирая тайну, несомую волнами. И так, она вернула маленького двуногого на корабль, чтобы неожиданно обнаружить, как манит и пугает ее этот самый корабль. Вот он впереди – серебристая тень возле поверхности. Вода напитана его тревожащим ароматом. Та, Кто Помнит, продолжала следовать за ним, вбирая нечто смутное, порождающее зыбкие тени воспоминаний.

От корабля пахло не так, как положено пахнуть обычному кораблю. Это был безошибочно узнаваемый запах ее племени! Вот уже двенадцать приливов плыла она за ним следом, но так и не приблизилась к разгадке и не поняла, как подобное вообще может быть. А ведь она хорошо знала, что такое корабль. У Старшего народа были корабли, но ничего общего с тем, что она видела и обоняла сейчас. Ее предкам-драконам – а могли ли солгать их воспоминания? – часто доводилось скользить в небесах над кораблями, игривым взмахом крыла заставляя крохотные скорлупки неистово раскачиваться.

Да. Те корабли не были чудом. А этот был.

Каким образом корабль может пахнуть морской змеей? Да еще и не просто змеей? Его запах был запахом Той, Кто Помнит, и объяснения этому не существовало.

Между тем змею снедало острое чувство долга, потребность более острая, нежели голод или стремление найти себе пару. *Тебе пора!* – властно звучал внутренний голос. – *Более того: ты можешь опоздать!*

Ей непременно следовало быть сейчас со своим народом. Вести их вековечным путем, бережно хранимым в ее воспоминаниях. Подпитывать их менее стойкую память своими могучими ядами, способными пробудить то, что дремлет в их собственных душах.

Зов рода кипел в крови Той, Кто Помнит. Пришло время меняться – и ничего нельзя с этим поделать. Она в который раз прокляла уродство своего зелено-золотого тела, столь неук-

люже дергавшегося в воде. Долгое заточение лишило ее выносливости, насущно необходимой теперь. Ей проще было плыть в кильватере¹ корабля, чье движение увлекало ее вперед.

Жизни, как правило, нет особого дела до наших желаний, и Той, Кто Помнит, пришлось уговаривать свою совесть. Она будет следовать за серебряным кораблем, пока тот движется в более-менее подходящем ей направлении. Это поможет ей привыкнуть к длительному плаванью, выработать силу и выносливость, которых ей так сейчас недостает. Заодно она сможет поразмыслить о тайне этого корабля и разгадать ее, если получится. Но отвлечь себя от жизненно важной цели она этой тайне нипочем не позволит. Ближе к берегу она покинет корабль и займется поисками родни. Она разыщет змей по запаху и поведет их к устью великой реки, в верховьях которой расположены чудесные грязевые поля. Будут устроены коконы... и через год, примерно в это же время, юные драконы впервые станут пробовать крылья.

Эту клятву она твердила про себя все двенадцать приливов, пока следовала за кораблем. А когда вода прибывала в тринадцатый раз, ее слуха достиг звук, от которого у Той, Кто Помнит, чуть не разорвалось сердце.

Где-то затрубил морской змей!

Она немедленно покинула кильватерную струю корабля и нырнула вниз, уходя от отвлекающих голосов волн на поверхности. И прокричала в ответ, а потом неподвижно повисла в воде и замерла, вслушиваясь.

Но кругом была лишь тишина.

Разочарование было безмерным. Неужели она обманулась? В темнице у Богомерзких она временами принималась истошно кричать, выплескивая свое горе, так что под сводами подземелья звенело многократное эхо ее отчаянных воплей. Подумав об этом, Та, Кто Помнит, даже ненадолго зажмурилась. Нет, она не будет мучиться самообманом. Она вновь широко раскрыла глаза. Она была, как прежде, одна.

Змея решительно устремилась в погоню за кораблем, успевшим уйти вперед. Его запах давал ей хотя бы тень ощущения товарищества в пути.

Случившаяся заминка вновь болезненно напомнила ей о слабости ее тела, жестоко изувеченного заточением. Потребовалась вся ее воля, чтобы победить усталость и принудить себя двигаться вперед со всей быстротой. А мгновением позже...

Мгновением позже вся ее усталость бесследно исчезла. Ибо мимо нее, точно мимолетная вспышка, пронесся белый змей.

Кажется, он вообще не заметил ее, целенаправленно стремясь за серебряным кораблем. Наверное, подумалось ей, его запутал странный запах, исходящий от этого судна! Ее множественные сердца неистово застучали.

– Я здесь! – прокричала она ему вслед. – Сюда! Я здесь! Я Та, Кто Помнит, я наконец-то вернулась!

Но белый даже не обернулся. Он стремительно удалялся, его мощное тело без усилия струилось в толще воды. Та, Кто Помнит, смотрела ему вслед, не в силах поверить своим глазам. Потом кинулась догонять, окончательно забыв про усталость. Только дышать почему-то сделалось совсем тяжело.

Она обнаружила его в тени, которую отбрасывал серебристый корабль. Змей скользил в столбе затененной воды совсем рядом с его днищем, без умолку бормоча и поскуливая, словно бы разговаривая с близкими досками... вот только в его бормотании ничего понять было нельзя. Его ядовитая грива была отчасти встопорщена, так что в воде оставался слабый след источаемых соков. Та, Кто Помнит, следила за его бессмысленными движениями, и в ее

¹ *Кильватер* – след на воде после прохождения судна. Следовать в кильватере, в кильватерном строю – имеется в виду расположение движущихся кораблей таким образом, что линия строя совпадает с линией курса. (*Здесь и далее – примечания переводчика.*)

душе нарастал медленный ужас. Все ее чувства, все инстинкты вплоть до самых глубинных буквально криком кричали, предупреждая об опасности. Потому что, похоже, ей пришлось столкнуться с сумасшедшим.

Но как бы то ни было, он оказался самым первым соплеменником, увиденным ею с момента рождения. И родственное чувство все-таки пересилило отвращение и страх. Она осторожно подобралась ближе.

– Приветствую тебя, – произнесла она робко. – Не ищешь ли ты Ту, Кто Помнит? Если это так, я перед тобой.

Громадные алые глаза враждебно сверкнули в ответ, могучие челюсти предупреждающе клацнули.

– Мое! – прозвучал хриплый рык. – Мое! Моя еда! – И он прижал вздыбленную гриву к корпусу корабля, поливая его текучими ядами. – Корми! – потребовал он затем. – Дай жрать!

Та, Кто Помнит, шарахнулась прочь. Белый продолжал нагло тереться о серебристые доски. Восприятия Той, Кто Помнит, достигло смутное эхо беспокойства, исходившее от корабля. Странно... Все происходившее было подозрительно похоже на сон. И, как положено сновидению, содержало дразнящие намеки на нечто важное, когда кажется, еще миг – и поймешь, что к чему. Неужели корабль в самом деле отзывался на яды и вопли белого змея? Нет-нет, невозможно.

Их всех просто дурачил странный и дурманящий запах, исходивший от корабля.

Та, Кто Помнит, расправила гриву, чувствуя, как наливаются мощными ядами все ее волоски. Это придало ей уверенности. Она вновь приблизилась к белому змею. Он был крупней и наверняка сильнее ее, у него было могучее тело опытного бойца. Но не в том дело: она знала, что способна убить его. Да, она, немощная калека, вполне могла парализовать его своим ядом и отправить на дно.

Подумав об этом, она вдруг поняла, что способна даже на большее. Она может *просветить* его... и оставить в живых.

– Слушай же меня, белый змей! – протрубила она. – Я поделюсь с тобой памятью, я передам тебе воспоминания нашего рода, и они помогут тебе восстановить утраченное. Готовься же воспринять мой подарок!

Он не обратил на ее слова никакого внимания и даже не подумал готовиться, но это не имело значения. Она исполняла свое предназначение. То, ради чего когда-то вылупилась из яйца. Он будет самым первым восприимчивым ее дара, и не важно, вольным или невольным. Она ринулась к нему со всей быстротой, какую могла выжать из своего не очень-то послушного тела. Он решил, будто она нападает, и повернулся к ней с развернутой гривой, но какое ей было дело до его слабеньких ядов? Налетев, она обвила его и одновременно тряхнула гривой, высвобождая самые могучие и действенные соки, самые сокровенные, способные тотчас захватить его сознание и раскрыть тайную память, гораздо более давнюю, чем накопленная его собственной жизнью. Белый отчаянно забился, но скоро замер в ее хватке длинным неподвижным бревном. Рубиновые глаза так и не закрылись веками, лишь тарасились от пережитого потрясения. Последняя попытка сделать судорожный вздох – и он стал полностью неподвижен.

Теперь она могла только поддерживать его. Она обняла его, продолжая медленно плыть. Корабль начал постепенно отдаляться от них, но она следила за ним почти без сожаления. Этот змей в ее объятиях был гораздо важнее любых тайн, которые уносило с собою судно двуногих. Она бережно поддерживала его, изгибая шею, чтобы заглянуть ему в глаза. Вот они замерцали и опять замерли. Ей показалось, будто миновала тысяча жизней. Он вдыхал и впитывал воспоминания своего рода. Она дала ему насытиться воспоминаниями, а потом осторожно обволокла пленника успокаивающими соками, которые позволили тайной памяти отступить назад в глубину, выпуская на первый план воспоминания его коротенькой жизни.

– Помни, – тихо выдохнула она, налагая тем самым на него ответственность за возвращенное наследие предков. – Помни – и будь.

Некоторое время белый змей по-прежнему вяло обвисал в ее кольцах. Но вот по его телу прошла слабая дрожь: он вернулся к настоящему, к собственной жизни. Вот его глаза замерцали, завращались; взгляды встретились. Он вскинул голову. Она ждала благоговейной признательности, но...

Он смотрел на нее так, словно она была в чем-то перед ним виновата.

– Почему? – требовательно спросил он, застав ее совершенно врасплох. – Почему тебе понадобилось делать это сейчас? Теперь, когда слишком поздно? Я мог спокойно умереть, так и не догадавшись, кем и чем мог бы стать. Почему ты не позволила мне остаться бессмысленным зверем?

Эти слова так потрясли ее, что она попросту выпустила его из объятий. Он негодуяще высвободился и стрелой улетел прочь сквозь толщу воды. То ли ему было невыносимо тошно в ее обществе, то ли он попросту удирал – она так и не поняла. Обе вероятности казались равно невыносимыми. Как же так? Возвращенная память должна была наполнить его душу радостным осознанием предназначения. Откуда же это яростное отчаяние?

– погоди! – крикнула она ему вслед. Но угрюмые, сумеречные глубины уже поглотили белого змея. Неуклюже извиваясь, она последовала было за ним, понимая, что ей не по силам мериться с ним быстротой. – Не может быть, чтобы мы безнадежно опоздали! И потом, мы все равно должны попытаться!

Но слова были бессильны. Доброловище оставалось пустым.

Итак, он бросил ее. Она вновь осталась одна. Нет, она не могла с этим смириться. Неловко двигаясь, она все-таки плыла вперед, широко раскрыв пасть в поисках запаха, отмечавшего след белого змея. Увы, этот запах становился все слабее, пока окончательно не рассеялся. Белый змей был слишком быстр для нее. Вернее, она была слишком медлительной. Куда ей, калеке, за кем-то гоняться!

Отчаяние было едва не болезненной прилива ядов в переполненных железах. Она вновь попробовала воду.

Никакого следа.

Она поплыла зигзагами, с каждым разом стараясь захватывать все больше пространства и усердно принюхиваясь... Наконец-то она учуяла слабенький след, и все ее сердца так и подпрыгнули, исполняясь решимости. Она что было сил заработала хвостом, пытаясь все-таки догнать беглеца.

– Постой! – протрубила она. – Пожалуйста, погоди! Мы с тобой – единственная надежда нашего племени! Выслушай меня! Ты должен меня выслушать!

Знакомый запах неожиданно сделался гуще. *Единственная надежда нашего племени...* Эта мысль донеслась к ней сквозь толщу воды, точно смутное эхо. Так, будто слова были не высказаны должным образом, в воду, а скорей выдохнуты в тонкий воздух Пустоплеса. Но Той, Кто Помнит, хватило и этого призрачного ободрения.

– Я иду к тебе! – вслух пообещала она, продолжая со всем упорством продвигаться вперед.

Но когда она вплотную приблизилась к источнику запаха, ей не удалось рассмотреть поблизости ни единого живого создания. Лишь вверху, над ее головой, скользил у самой поверхности серебряный корпус странного корабля.

Часть первая Конец лета

Глава 1 Дождевые Чащобы

Малта вновь и вновь погружала самодельное весло в поблескивающую воду, с каждым гребком посылая маленькую лодку еще немного вперед. Весло представляло собой всего-навсего кедровую досочку, и, перенося ее с борта на борт, Малта неизменно хмурилась при виде капель, неизбежно падавших внутрь лодки. С этим, увы, ничего поделать было нельзя. Кроме несчастной досочки, у нее все равно ничего подходящего не было, а грести лишь с одного борта значило беспомощно вертеться кругами. Несомненно, ядовитые капли из-за борта так и въедались в днище под ногами, но Малта строго-настрого запретила себе думать об этом. Лучше надеяться, что чуточка воды из Дождевой реки не успеет наделать особой беды. Еще следовало крепко верить, что белый, словно из порошка состоящий металл на внешней поверхности лодки уберезет ее от разъедающего действия воды... хотя кто мог в том поручиться?

Малта решительно отмела подобную мысль. В конце концов, плыть было не так уж и далеко.

В ее теле не осталось ни единой жилки и косточки, которые бы не болели. Она трудилась всю ночь напролет, стараясь добраться сама и доставить своих спутников в Трехог. Каждое усилие заставляло измочаленные мышцы жаловаться и стонать. «Немного осталось», – в который раз повторила она про себя, как заклинание. Немного-то немного – но вот двигались они мучительно медленно. Голову Малты раскалывала тошнотворная боль, но хуже всего, пожалуй, был зуд на лбу, где подживал глубокий рубец. Вот так всегда. Почему свербеть и чесаться начинает именно там и тогда, когда нет ну никакой возможности почесаться?

Она осторожно вела крохотное суденышко между громадными стволами и змеящимися корнями деревьев, составлявшими прибрежные плавни Дождевой реки. Здесь, под покровом влажного леса, звезды в ночном небе казались принадлежностью иного и не вполне реального мира – так редко их удавалось увидеть. Малту вели сквозь чащу далекие огоньки совсем другого рода. Далеко впереди горели светильники всяческого города на деревьях – Трехога. Они сулили путникам тепло и безопасность, а главное – ох! – отдых.

У подножия гигантских деревьев еще лежала глубокая тень, но по вершинам уже начали перекликаться птицы, а это означало, что на востоке уже занималась заря. Сюда, вниз, солнечный свет доберется еще очень не скоро, да и тогда это будут всего лишь отдельные лучи в темно-зеленых сумерках, мало напоминающих день. И только там, где пролегли протоки пошире, молочно-белая вода станет переливаться серебром на ярком свету.

Нос лодки уткнулся в невидимый затопленный корень и застрял. Опять! Малта закусила губу, чтобы не взвыть от досады. И без того пробираться по лесным плавням было все равно что отыскивать путь в сложном запутанном лабиринте, где половина препятствий еще и скрыта от глаз. И приходилось то и дело сворачивать, потому что на пути оказывались бесконечные корни или груды плавника, принесенного течением. Теперь ей чудилось, что огни впереди (начинавшие к тому же еще и меркнуть) были едва ли ближе, чем в начале опасного плавания. Малта пересела на банке² и перегнулась на борт – ощупать веслом бессовестную

² На банке, банка – здесь: скамейка для гребца.

корягу. Потом, кряхтя от натуги, уперлась и высвободила лодку. Вновь погрузила досочку в воду, и суденышко двинулось, обходя затаившуюся препону.

– Почему бы тебе не выгрести вон туда, где деревья пореже? – поинтересовался сатрап.

Верховный властитель всея Джамелии, и прочая, и прочая сидел на корме, поджав колени к самому подбородку. Его Сердечная Подруга по имени Кикки, снедаемая страхом, съежилась на носу.

Малта даже не повернула головы.

– Когда тебе, – холодно проговорила она, – изволит прийти желание взять доску и помочь грести либо править, вот тогда и будешь давать ценнейшие указания. Которые я, может быть, и послушаю. А до тех пор – не заткнулся бы ты, а?

По правде сказать, ее уже блевать тянуло от напыщенной властности мальчишки-сатрапа. Помноженной на его полную непригодность к какому-либо полезному делу.

– Но ведь дураку ясно, что там гораздо меньше препятствий, – не унимался владыка Джамелии. – Мы могли бы плыть намного быстрее!

– Ага, намного, – ядовито хмыкнула Малта. – Аж прям во весь дух. Особенно если нас подхватит течение да вынесет на стремнину, в главное русло.

Сатрап испустил мученический вздох.

– Город находится ниже по течению, а стало быть, течение будет нам помогать. Почему не воспользоваться? Я смог бы прибыть туда, куда желаю, со всей быстротой!

– Ну да, – устало кивнула Малта. – Со свистом мимо города – и прямо в море.

– А далеко еще? – жалобно захныкала Кикки.

– Сама посмотри и прикинь, – огрызнулась Малта.

Она как раз переносила весло с борта на борт, и капля воды все-таки угодила ей на колено. Сперва было щекотно, потом начало болезненно жечь. Улучив мгновение, Малта промокнула пострадавшее место краешком изодранной юбки. На теле осталась грязная глинистая полоса. Платье было сплошь в земле после неописуемой ночи, проведенной в комнатах и коридорах погребенного города Старших. Неужели все это происходило лишь сутки назад? Невозможно поверить. Столько всего разного произошло, что хватило бы на добрых три года. Малта пробовала восстановить последовательность событий, но в памяти царил ужасающая мешанина. Она отправилась в туннели, чтобы дать бой драконице и заставить вредную тварь оставить Рэйна в покое. Но почти сразу началось землетрясение, а когда она все-таки разыскала драконицу... Вот с этого момента пошла безнадежная путаница. Лежа в своем коконе, драконица внедрила в сознание Малты весь груз воспоминаний, вместившем которых являлся обширный чертог. Малта прожила жизни всех, кто когда-либо здесь обитал, и едва не захлебнулась в их воспоминаниях. И не могла четко припомнить ничего из случившегося потом – до того момента, когда ей удалось вывести сатрапа и его Сердечную Подругу из рушившихся лабиринтов наружу. Все было точно во сне. Все казалось ей теперь наваждением.

И кстати, только теперь до нее начало доходить, что торговцы Дождевых чащоб прятали там сатрапа и Кикки, чтобы их защитить.

«Действительно? В самом деле?..» Малта мельком посмотрела на Кикки, скукожившуюся на носу. Эти двое были бережно охраняемыми гостями – или все-таки, скорее, заложниками? Надобно думать, решила она наконец, тут было того и другого понемножку. Во всяком случае, ее личные симпатии были полностью на стороне жителей Чащоб. А стало быть, чем раньше она передаст им с рук на руки сатрапа и Кикки, тем оно и лучше. Заложники или гости – эти двое всяко были полезным козырем на переговорах с чванливыми вельможами Джамелии, «новыми купчиками» и калсидийцами. Что греха таить! Впервые повстречавшись с ним на балу, она была ненадолго ослеплена исходившим от него иллюзорным ощущением власти. Да, именно иллюзорным. Внутри блестящей конфетной обертки оказался никчемный, корыстный, насквозь продажный мальчишка. Сбагрить его с рук поскорее – да и вздохнуть спокойно!

Она вновь пригляделась к огонькам, призывно мерцавшим впереди. Выведя сатрапа и Кикки из гибнувшего города Старших, она обнаружила, что их занесло весьма далеко от того лаза, которым она проникла в туннели. Трехог лежал за обширным топким болотом пополам с речными отмелями, заросшими лесом. Малте пришлось ждать темноты и путеводных огоньков города – только тогда решила она покинуть берег в суденышке не менее древнем, чем засыпанные землею руины. Теперь дело шло к рассвету, а она все гребла и гребла к городским огонькам. И трепетно надеялась, что злополучное и рискованное путешествие подходит-таки к концу.

А что ей еще оставалось?

Город Трехог зиждился на ветвях и сучьях чудовищных деревьев. Маленькие жилища попросту раскачивались в воздухе, подвешенные на верхушечных ветках. Обширные семейные обиталища устраивались ниже и простирались от ствола до ствола, там, где никакая непогода не могла их поколебать. Сами стволы были обвиты бесконечными лестницами, на которых хватало места и мелким торговцам-лоточникам, и менестрелям, и нищим. Земля же между корнями деревьев несла в себе двойное проклятие: непролазную болотистость, к тому же ядовитую, и близость к местам, где зарождались землетрясения. Правду сказать, имелось и несколько сухих мест. Все это были крохотные островки у основания непомерных стволов.

Малта направляла лодку вперед, и огромные деревья, среди которых приходилось лавировать, временами казались ей колоннами в храме какого-то давно забытого бога. Вот суденышко в очередной раз наскочило на что-то и снова засело. Вода плескала об это что-то, и не было похоже, что они налетели на корень.

– Что там? – спросила Малта, вглядываясь вперед.

Кикки даже не соизволила повернуть голову и посмотреть. Так и сидела, обхватив руками колени. Кажется, она даже боялась спустить ноги на деревянные полки. Малта только вздохнула. Мысль о том, что у Сердечной Подруги что-то не в порядке с головкой, уже не впервые посетила ее. Может, девка сбрендилась от слишком сильных вчерашних переживаний? А может (тут Малта про себя покривилась), она отродясь была глуповата и потребовались время и обстоятельства, чтобы это во всей красе проявилось? Ладно. Малта положила досочку, служившую ей веслом, и, низко пригнувшись для равновесия, перебралась на нос. Лодка закачалась, отчего Кикки и сатрап в один голос испуганно вскрикнули. Малта не обратила на их дружный взвизг никакого внимания. Ей удалось рассмотреть, что лодка въехала носом в плотную путанку из прутьев, травы и всякого мусора, принесенного течением. В потемках не удавалось лишь оценить, далеко ли все это простиралось и можно ли прорваться или лучше обогнуть. Да, похоже, течение натащило сюда многовато всякой всячины, устроив целую плавучую запруду, слишком толстую, чтобы лодочка могла раздвинуть ее силой.

– Пойдем в обход, – сообщила она своим спутникам, но сама в сомнении прикусила губу.

Идти в обход означало опасно приблизиться к главному руслу и его беспощадным стремнинам. Что ж... Как справедливо выразился сатрап, течение всяко понесет их к Трехогу, а не назад. Может, даже облегчит ее труд, такой тяжелый и неблагодарный. Хватит бояться! Малта вновь взялась за весло и направила лодку мимо засоренной протоки, на чистую воду.

– Нет, это невыносимо! – вдруг воскликнул сатрап Касго. – Я грязен! Меня кусают насекомые! Я голоден и страдаю от жажды! И все по вине этих ничтожных обитателей Дождевых чащоб! Которые привезли меня сюда якобы для того, чтобы укрыть от опасности! А что на самом деле? Стоило мне оказаться в их власти, как я стал жертвой бесчисленных утеснений и прямых оскорблений! Они надругались над моим величием самодержца, поставили под удар мое и без того хрупкое здоровье, да что там, даже саму жизнь! Несомненно, эти люди вознамерились сломить мой дух, но, несмотря на все тяготы, я им не поддамся! Дайте только выбраться отсюда, и они изведают всю сокрушительную мощь моего гнева! Тем более что здешние жители, как я понимаю, устроились здесь самочинно, не потрудившись никак закрепить

свои притязания перед нашим законом. Следовательно, они не имеют никаких прав ни на эту землю, ни на те сокровища, которые с давних пор выкапывают из ее недр и продают за немалые деньги! Стало быть, они нисколько не хуже пиратов, бесчинствующих в водах Внутреннего прохода. И поступать с ними надо соответственно!

У Малты хватило дыхания насмешливо хмыкнуть.

– Что-то этот гром не из тучи, – сказала она и чуть не добавила вторую половину поговорки: «...а из навозной кучи». – На самом деле ты куда больше зависишь от их расположения и доброй воли, чем они – от твоей. Вот возьмут и продадут тебя любому, кто больше заплатит, и какая им разница, что с тобой будет дальше? Убьют, или будут в заложниках держать, или на трон обратно посадят – им-то что за печаль? А что касается прав и закона... Их право жить здесь подтверждено установлением самого сатрапа Эсклеписа, твоего предка. Изначальная хартия, дарованная первым торговцам Удачного, определяла лишь размер участка земли, который каждый мог взять для себя, но не место его расположения. Вот жители Чашоб и решили застолбить себе владения именно здесь. А мы – у себя на берегу залива. Те и другие участки существуют издревле, это право свято чтят, а кроме того, оно очень хорошо обеспечено законодательством Джамелии. В отличие, кстати, от притязаний «новых купчиков», которых по твоей милости за последнее время тут у нас развелось...

Некоторое время оба высокопоставленных пассажира потрясенно молчали. Потом сатрап выдал сухой смешок.

– Как забавно, – сказал он, – слышать такие речи в их защиту, да еще от тебя! Малолетняя неотесанная деревенщина! Видела бы ты себя! Грязная, как я не знаю что, одетая в ужасные тряпки... да и мордашку тебе эти повстанцы навсегда изуродовали. А ты еще за них заступаешься! С чего бы? Дай угадаю. Должно быть, ты понимаешь, что ни один приличный и здоровый мужчина никогда уже не пожелает тебя. Значит, твоя единственная надежда – выскочить замуж за одного из этих уродцев, для которого ты, верно, сойдешь за красавицу... и спрятаться за вуалью, чтобы никто больше не видел твоего безобразия. Что ж, разумно! Пожалуй, если бы не все эти глупости с восстанием, я даже выбрал бы тебя в Сердечные Подруги. Помнится, Давад Рестар неплохо о тебе отзывался, да и мне твои жалкие потуги танцевать и вести разговор показались даже трогательными в их бесконечной провинциальности. Но теперь? Пфуй! – Лодочка даже покачнулась лишний раз, так энергичен был его презрительный жест. – Что может быть отвратительней красивой женщины, чье лицо оказалось испорчено безнадежным уродством? Право, в лучших домах Джамелии тебя и в служанки не взяли бы... даже в рабыни. Под кровом благородных семейств должна царить гармония. Там не место ходячим недоразумениям вроде тебя!

Малта не стала оборачиваться к нему. Она и так вполне могла представить, как кривятся в презрительной улыбке его губы. Она попыталась рассердиться на него, сказав себе, что это всего-навсего самоуверенный молодой хлюст. Но... она в самом деле ни разу не смотрелась в зеркало с той самой ночи, когда все они едва не погибли в карете, опрокинувшейся под откос. Пока она выздоравливала в Трехоге, ни единого зеркала поблизости как-то все не оказывалось. Ее мать и даже Рэйн усердно делали вид, будто не замечают рубца у нее на лице. Однако вещее сердце говорило ей, что на самом деле все было не так. Мать наверняка переживала... просто потому, что она ее мать. А Рэйн чувствовал себя виноватым в случившемся. И... похоже, шрам в самом деле был скверным. Она ведь ощупывала его, и он казался ей длинным и рваным. И теперь спрашивала себя: а может, от него пошли уродливые морщины? Может, у нее всю физиономию на сторону перекосило?

Она плотнее перехватила весло, продолжая упрямо грести. Нет уж, не будет она щупать рубец прямо сейчас. Не доставит она им подобного удовольствия. Малта стиснула зубы, подгоняя лодку вперед.

Еще несколько взмахов... И вдруг суденышко заскользило легче, постепенно набирая разгон. Его начало ощутимо заворачивать в сторону, а когда Малта вонзила весло в воду, отчаянно пытаясь направить лодку обратно на мелководье, ее попросту крутануло. Она торопливо подхватила со дна еще одну доску и сунула ее сатрапу:

– Придется тебе править, пока я гребу! Не то нас так и вынесет на самую середину!

Он уставился на протянутую доску, потом неохотно взял ее.

– Править? – спросил он недоуменно. – Это как?

Хороший вопрос для правителя огромной страны!

– Сунь эту доску в воду за кормой, – объяснила Малта по возможности спокойно. – Держи крепко и старайся направить нас к берегу, а я буду грести в том направлении!

Изящные руки сатрапа держали доску так, словно никогда раньше им не доводилось прикасаться ни к каким деревяшкам. Малта снова схватила свое весло, начала грести. Резко обозначившаяся мощь течения поразила ее. И, несмотря на все ее усилия, их неудержимо несло от берега прочь. Вот их вытащило из-под сени нависших деревьев на яркий утренний свет... Блики, игравшие в молочной воде, нестерпимо резали глаза, привыкшие к густой тени. Потом с кормы раздалось раздраженное восклицание и почти одновременно – всплеск. Малта оглянулась. У сатрапа в руках ничего не было.

– Река! – пожаловался он. – Прямо выхватила ее у меня!

– Недоумок! – заорала Малта. – Чем нам теперь править?

Лицо самодержца потемнело от гнева.

– Да как смеешь ты так со мной разговаривать! Сама ты дура непроходимая, если вообразила, будто с этого будет какой-то толк! Проклятая доска даже не имела формы, присущей веслу! И потом, никакой надобности в ней отнюдь не было! Разуай глаза, девка! Чего нам бояться? Вот он – город! Прямо перед нами! И река сама несет нас туда!

– Не туда, а мимо! – рывкнула Малта. И с омерзением отвернулась, чтобы в одиночку продолжить неравную битву с рекой. Она лишь мимолетно вскинула глаза на величавую панораму Трехога. Отсюда, с реки, висячий город казался единым замком с множеством башен и башенок. Вдоль прибрежных деревьев тянулся длинный наплавной причал. Там стоял «Кендри», однако нос живого корабля был развернут в противоположную от них сторону. Малте не удалось даже разглядеть носовое изваяние. Она продолжала судорожно грести.

– Когда нас поднесет ближе, – прохрипела она, не прекращая работы, – зовите на помощь, да погромче! Может, еще услышат... корабль или кто-нибудь на причале. Тогда, если нас и унесет, за нами отправятся и спасут!

– На причале никого нет, – с довольно-таки гнусным злорадством сообщил ей сатрап. – Вообще нигде никого. Этот ленивый народец еще валяется в постели!

– Никого? – вырвалось у Малты.

У нее больше не было сил. Никаких и ни на что. Кончились. Причем именно тогда, когда требовалось последнее бешеное усилие. Многострадальная досочка беспомощно шлепала по воде, притом что с каждым мгновением их уносило все дальше и дальше от берега. Малта подняла голову и посмотрела на город. Он был совсем близко. Много ближе, чем считанные мгновения назад. И сатрап сказал правду. Кое-где из труб поднимался дымок, но и только. Если бы не эти дымки, Трехог выглядел бы вовсе покинутым.

Сознание глубокой несправедливости происшедшего было поистине всеобъемлющим. Где же все? Куда подевался народ, ежедневно заполнявший лестницы и переходы?

– Кендри! – закричала она, но голос прозвучал тонко и слабо. Казалось, и его, подхватив, умчало течение.

Однако тут до Сердечной Подруги Кикки, похоже, наконец что-то дотумкало.

– Спасите! – по-детски заверещала она и вскочила во весь рост, раскачивая утлую лодку. – На помощь! Спасите!

Сатрап испуганно выругался, а Малта, чуть не потеряв весло, сгребла молодую женщину и заставила снова сесть. Впрочем, от весла теперь действительно не было никакого толку. Они были на самой стремнине. И полным ходом мчались вниз. Мимо Трехога.

– Кендри! Помоги! Помоги нам! Эй, кто-нибудь! Мы здесь, на реке! Спасите нас! Кендри! Кендри!

Отчаяние так перехватило горло, что даже закричать толком не удавалось.

Никаких признаков того, что живой корабль их услышал... А в следующий миг он остался позади, и Малте пришлось обернуться, чтобы взглянуть на него. Кендри смотрел на город, явно очень глубоко о чем-то задумавшись. Потом Малте попался на глаза одинокий горожанин, шедший по воздушному переходу. Он торопился куда-то и тоже на реку не смотрел.

– Спасите! Спасите! – непрерывно кричала Малта, размахивая доской, пока могла видеть город.

Это продолжалось недолго. Скоро Трехог заслонили древесные стволы, близко придвинувшиеся к реке и склонившие над ней ветви. Подхваченная течением лодка стрелой мчалась вперед. Малта опустила руки и замерла, осознавая свое поражение.

Итак... Река в этих местах была глубокой и широкой, такой широкой, что другой берег тонул в постоянном тумане. Вода за бортом выглядела грязновато-белой, словно кто-то разболтал в ней мел. Небо над головой было ярко-синим, и его обрамляли высоко вознесенные вершины пышного дождевого леса. И все. Ни других судов на реке, ни каких-либо признаков человеческого жилья. По мере того как река все дальше оттащила лодочку от топкого берега, таяла призрачная надежда спастись. Но даже если ей и удастся подогнать лодку к берегу, как они выгребут назад против течения? И посуху здесь не пройдешь – сплошная трясиная.

Малта бросила досочку на дно лодки, вернее, та сама выпала у нее из рук. Она негромко сказала:

– А ведь нам, похоже, конец.

* * *

...Рука пульсировала тошнотворной болью. Кефрия скрипнула зубами, но все-таки вынудила себя снова взяться за рукоятки и покатить вперед тачку, которую землекопы только что наполнили. Пол коридора был неровным, и каждый толчок невыносимо отзывался в ее пальцах, не успевших толком зажить. Но, пожалуй, боль была даже и к лучшему. Кефрия почти приветствовала ее. Она знала, что заслужила ее. И потом, острота физических мучений позволяла хоть как-то отвлечься от муки душевной.

Она потеряла их. Своих маленьких птенчиков. Обоих. В одну ночь.

Никогда прежде она не была в этом мире так одинока...

Она лелеяла надежду, пока оставалась хоть какая-то возможность надеяться. Она говорила себе, что в ночь землетрясения Малта и Сельден просто отсутствовали в Трехоге. Ну да, никто не видел их со вчерашнего вечера, но само по себе это еще ничего непоправимого не означало. Но потом... Потом один из новых приятелей Сельдена, заливаясь слезами, сознался, что показал-таки ее мальчику лаз в подземелья. Лаз, который взрослые ошибочно считали давно и надежно закупоренным. Разговор происходил в присутствии Янни Хупрус, и та не стала морочить голову Кефрии утешительной ложью. «А закупорили его, – поведала она Кефрии, – потому что сам Рэйн счел этот проход слишком опасным. Там и без подземных толчков в любой миг мог случиться обвал».

Губы у Янни были совсем белые.

Так что если Сельден вправду полез в древние подземелья да еще Малту с собой зачем-то повел – дети должны были оказаться именно в той части старого города, которая обречена была неминуемо рухнуть.

Между тем с рассвета успело произойти еще два довольно сильных толчка, а уж мелким содроганиям Кефрия и вовсе счет потеряла. Когда, уступая ее отчаянным просьбам, землекопы попытались обследовать тот самый коридор, завалы начались буквально в нескольких шагах от лаза снаружи. А значит, Кефрии оставалось только молиться Са: пусть окажется, что дети успели достигнуть какой-нибудь более надежной части руин. Такой, что могла выстоять во время землетрясения. И теперь сидят где-нибудь в глубине, прижавшись друг к другу и ожидая спасения.

Рэйн Хупрус, кстати, и сам пропал неизвестно куда. Незадолго до полудня он в одиночку отправился вперед подземными переходами, не пожелав дожидаться, пока коридор будет должным образом расчищен и укреплен. Землекопы видели, как он ужом протиснулся в узкую нору, в которую превратился заваленный коридор, и скрылся из виду. А не так давно им попался конец веревки, которой он отметил свой путь. Далее обнаружилось несколько пометок мелом – в том числе и на двери комнаты, отведенной сатрапу. *Безнадежно*, гласила эта последняя надпись. Дверь в самом деле была насмерть закупорена, только густая жижа сочилась из-под нее по полу. Без сомнения, вся внутренность помещения была ею заполнена. А буквально несколькими шагами далее коридор попросту схлопнулся. Это значило, что, если Рэйн шел в том направлении, он либо погиб под обвалом, либо был полностью отрезан им от внешнего мира.

...Кефрия вздрогнула от легкого прикосновения к руке, оглянулась и увидела Янни Хупрус, бледную, осунувшуюся и несчастную.

– Нашли что-нибудь? – спросила Кефрия, просто чтобы не молчать.

– Нет. – Янни очень тихо выговорила это страшное слово. В ее глазах явственно читался страх за сына. – Жижа вновь и вновь заливает коридор, как мы ни стараемся ее вычерпать. Мы решили прекратить здесь работы. Древний народ строил свои города не так, как мы. У нас здания отделены одно от другого, а они возводили один большой улей. Я к тому, что здесь полным-полно пересекающихся коридоров, а значит, можно попробовать подобраться к этой же части города с другой стороны. Артели уже переходят на новые места.

Кефрия уставилась на свою нагруженную тачку. Потом посмотрела в глубину только что откопанного коридора. Там и вправду остановилась работа, люди двигались к выходу на поверхность. Кефрия стояла неподвижно, и людской поток раздвоился, обтекая ее. Мужчины и женщины, до неузнаваемости перемазанные в земле, шагали мимо, ступая тяжело и устало. Лица у всех были одинаково серые от изнеможения и безнадежности. Факелы и фонари в их руках мерцали, коптели, потрескивали. Люди уходили, и в недрах туннеля постепенно становилось совсем темно.

Неужто все и впрямь было напрасно?

Кефрия заставила себя перевести дух и тихо спросила:

– Где будем рыть дальше?

Взгляд Янни стал мученическим. Она выговорила:

– Мы решили, что всем нам необходимо несколько часов передышки. Горячая еда, немного сна – и дело веселее пойдет.

Кефрия не могла поверить собственным ушам.

– Есть? Спать? – переспросила она. – Когда наши дети... где-то там...

Жительница Чащоб ненавязчиво забрала у Кефрии рукоятки тачки, налегла и покатила ее вперед. Кефрия неохотно последовала за ней – а что еще оставалось? Янни так и не ответила на ее скорбный вопрос, лишь заметила:

– Мы разослали птиц в некоторые ближние поселения. Охотники и земледельцы Чащоб непременно вышлют работников нам на подмогу. Наверняка эти люди уже в пути, но, ты же понимаешь, им нужно время, чтобы добраться сюда. Свежие силы – это именно то, что нам необходимо сейчас! – И добавила, оглянувшись через плечо: – Между прочим, некоторым

другим спасательным артелям все-таки повезло. В квартале, который мы называем Ковровой Мастерской, удалось спасти четырнадцать человек, и еще троих нашли в коридорах, где добывали кристаллы огня. Там работа продвигалась быстрее, и, может быть, нам удастся обойти здешние завалы, используя как раз те расчистки. Бендир как раз уже советуется на сей счет с лучшими знатоками города.

– А я думала, – вырвались у Кефрии жестокие слова, – лучше всех город знал Рэйн.

– Знал... то есть *знает*. Вот поэтому-то я крепко надеюсь, что он еще жив. – Янни посмотрела на Кефрию и добавила: – И еще я надеюсь... я полагаю, что если кто-нибудь и мог отыскать Малту и Сельдена, так именно Рэйн. А если он их нашел, вряд ли он полез бы наружу этим путем. Нет, он, скорее, направился бы в более надежную часть города. И поэтому-то я непрестанно молюсь, чтобы кто-нибудь как можно скорее примчался к нам и сообщил, что они все трое выбрались на поверхность. Самостоятельно.

За беседой женщины вышли в обширное помещение, походившее на амфитеатр. В этом покое, некогда, без сомнения, великолепно, землекопы сваливали землю, вывезенную из расчищаемых коридоров. Янни опрокинула тачку, и к безобразной куче посередине пола добавилась еще толика грязи и битого камня. Потом тачка заняла свое место в ряду других таких же. Рядом грудой валялись сплошь залепленные землей кирки и лопаты. Тут обоняния Кефрии коснулись запахи горячего супа, кофе и свежеспеченного хлеба, и голод, которому она так долго отказывала в праве на существование, пробудился к яростной жизни. Она сразу вспомнила, что со вчерашнего дня во рту у нее не было ни крошки.

– А что, уже рассвело? – недоуменно спросила она у Янни.

– Боюсь, давно уже рассвело, – был ответ. – И почему время вечно летит стремглав именно тогда, когда мне хотелось бы вовсе остановить его?

В дальнем конце подземного зала уже стояли козлы, приспособленные как столы, и многочисленные скамейки. Там трудились те, кто не мог участвовать в спасательных работах: дети да старики. Они разливали по мискам суп, присматривали за маленькими жаровнями, над которыми кипели котелки и горшки, расставляли и раздавали посуду. Огромное помещение наполнилось гулом людских голосов, только голоса эти звучали очень безрадостно.

К Янни и Кефрии подбежал мальчик лет восьми. Он нес тазик с водой, на руке у него висело полотенце. От воды шел пар.

– Умывайтесь!

– Спасибо.

Кефрия смыла грязь со здоровой руки и лица. Горячая вода заставила ее осознать, до какой степени она на самом деле озябла. – Повязку надо бы поменять, – заметила Янни, указывая на ее поврежденную руку. Действительно, промокшая материя была забита грязью.

Женщины вытерлись полотенцем, и Янни, снова поблагодарив мальчика, повела Кефрию к столам, где работали несколько врачей. Кому-то всего лишь требовалось смазать свежеработанные мозоли, кому-то массировали спину, разболевшуюся от работы внаклонку. Была, впрочем, работа и посерьезней. Расчистка заваленных туннелей не зря считалась делом опасным. Случались и переломы, и кровавые раны.

Лекарь уже накладывал повязку, когда Янни принесла свежий хлеб, кофе и суп Кефрии и себе.

– Незачем тебе больше сегодня работать, – коротко сообщил Кефрии лекарь. И повернулся к следующему, нуждавшемуся в его помощи.

– Поешь немножко, – сказала Кефрии Янни.

Та для начала взяла кружку с кофе и стала греть ладони. Тепло, исходившее от кружки с горячим напитком, удивительным образом утешало. Кефрия отпила долгий глоток, потом отняла кружку от губ и обвела взглядом амфитеатр.

– Как у вас тут здорово дело поставлено, – выговорила она неуверенно. – Можно подумать, вы ждали, чтобы это случилось. Ни дать ни взять заранее приготовились.

– А так оно и есть, – негромко ответила Янни. – Нынешний толчок необычен разве что своей силой. У нас же здесь все время трясет, а значит, постоянно происходят обвалы. Бывает и так, что какой-нибудь коридор вдруг возьмет да и рухнет без какой-либо видимой причины. Двое моих дядьев погибли в обвалах. Почти каждая семья жителей Чашоб теряет здесь, в подземельях, по одному-два человека каждое поколение. И это одна из причин, почему Стерб, мой муж, так настойчиво убеждает наш Совет подумать об иных источниках благосостояния. Кое-кто, правда, говорит, будто его заботит лишь собственное богатство. Так болтают оттого, что по происхождению он – всего лишь младший сын внука торговца из Чашоб, так что на обширное наследство рассчитывать ему не приходится. Но я-то уверена, что он настаивает на устройстве новых поселений охотников и земледельцев не из себялюбия, а, наоборот, заботясь о нашем народе. Он утверждает, что наше истинное сокровище – наши леса, вполне способные прокормить нас, если только мы научимся как следует пользоваться их дарами. – Янни вдруг поджала губы и резко мотнула головой. – У него даже есть скверная привычка, – продолжала она, – когда в очередной раз случается что-то вроде сегодняшнего, обязательно заявлять: я, мол, вас предупреждал! Тем не менее большинство из нас пока не готово отказываться от старинного города ради лесной добычи. Здесь – вся наша жизнь. Мы привыкли раскапывать, исследовать. Да, здесь нас подстерегает немало опасностей, особенно когда начинает трясти. Но ведь и вы, торговцы Удачного, поколениями ходите в море, зная при этом, что время от времени оно обязательно кого-нибудь забирает.

– Это так, – согласилась Кефрия. Взяла ложку и принялась за еду лишь затем, чтобы очень скоро оставить ее.

Янни, сидевшая напротив, поставила кофейную кружку и негромко спросила:

– Что?

Кефрия сидела неподвижно.

– Я вот о чем думаю, – проговорила она, чувствуя, как заливает душу страшное ледяное спокойствие. – Если мои дети вправду погибли, кто я отныне в этом мире? Мой муж и старший сын тоже в беде, в плену у пиратов, и, вполне возможно, их уже убили. Моя единственная сестра отправилась их разыскивать. Моя мать осталась в Удачном, когда мы оттуда бежали, и я не знаю, что с нею случилось. Сама я приехала сюда только ради детей. И если окажется, что лишь я одна из всей семьи осталась в живых...

Ее голос прервался. Рассудок тщился найти какие-то слова, какие-то возможности для дальнейшего существования ЕСЛИ. Невозможность происшедшего была слишком огромна, чтобы ее должным образом осознать.

Янни улыбнулась довольно странной улыбкой.

– Кефрия Вестрит, – сказала она. – Помнится, всего около суток назад ты по доброй воле собиралась оставить своих детей на моем попечении, сама же хотела вернуться в Удачный, дабы соглядатайствовать там для нас за «новыми купчиками». Кажется мне почему-то, в тот миг ты со всей определенностью знала, кто ты в этом мире такая. И не боялась мысленно отступить от ролей матери, дочери, жены и сестры. Тогда они не заслоняли для тебя весь белый свет.

Кефрия поставила локти на стол и зарылась лицом в ладони.

– Вот мне теперь и кажется, – глухо прозвучал ее голос, – что я несу наказание за сказанное тогда. Что, если Са посчитала, будто я недостаточно ценю своих детей, и решила насовсем отнять их у меня?

– На все воля Са, – вздохнула Янни. – Но такое деяние соответствовало бы одному лишь мужскому аспекту нашего божества. Вспомни лучше древнее, истинное поклонение! Мужчина и женщина, птица, зверь и растение, земля, вода, огонь и воздух – все прославлено в Са, ибо

все это суть проявления Са! Если же божеству присущ и женский аспект, а в женственности присутствует святость – это значит, что она понимает: женщина есть нечто большее, нежели просто мать, дочь и жена. Ни одно отдельное свойство не охватит полноты жизни. В одной грани не увидишь всех отражений!

Это была старая поговорка, некогда служившая могущественным утешением. Теперь хорошо знакомые слова показались Кефрии пустопорожними. Впрочем, они недолго занимали ее мысли. У входа в покой вдруг начался какой-то шум, там столпились люди. Обе женщины повернулись в ту сторону.

– Сиди, отдыхай, – сказала Янни. – Я схожу посмотрю, что там такое.

Однако Кефрия на месте не усидела. Еще бы! А вдруг там обсуждали какие-то новости о Сельдене, Малте или Рэйне? Она выскочила из-за стола и устремилась следом за Янни.

Усталые, чумадые землекопы сгрудились кругом четверки подростков, принесших в помещение ведерки со свежей водой.

– Да говорю же вам – дракон! Огромный серебряный драконище!

Рослый парнишка говорил так, словно бросал своим слушателям вызов. Подземельщики слушали его – кто с задумчивым любопытством, а кто и с откровенным недоверием. Известное дело, мальчишки чего только не выдумают!

– Не, не врет он! – вступился за товарища мальчишка помладше. – Чтоб я провалился, там был самый настоящий драконский дракон! Да такой блестящий, что у меня ажно в глазах зарябило. Правда, не серебряный, а синий. Но блестящий, прям страсть!

– А я так вам скажу – серебряно-синий! – встрял третий маленький водонос. – И побольше самого большого корабля, вот!

Девочка, пришедшая вместе с ними, помалкивала, но глаза у нее так и горели от неподдельного возбуждения.

Кефрия покосилась на Янни, полагая увидеть у той на лице хмурое раздражение: в самом деле, да как осмелились эти юнцы плести всякую небывальщину, когда человеческие жизни висели на волоске? К ее искреннему изумлению, жительница Чашоб побелела так, что стала отчетливо видна тонкая чешуя, окружавшая ее рот и глаза.

– Дракон? – запинаясь, выдохнула она. – Вы... видели... дракона?

Наконец-то дождавшись заинтересованного слушателя, долговязый подросток живо протолкался к Янни сквозь толпу.

– Точно, это был дракон, – подтвердил он. – Совсем как на старых фресках со стенок! Истинная правда, госпожа Хупрус, мы ничегошеньки не придумали! Иду себе, вдруг нечаянно голову поднимаю – а он себе тут как тут, летит по небу что твой сокол! То есть нет, скорее уж, как падающая звезда, только падать он и не думал. Я аж прям глазам своим не поверил! А красив-то был до чего...

– Дракон... – повторила Янни, точно во сне.

– Матушка! – окликнул Бендир. Он был до того грязен, что Кефрия едва узнала его. Подобравшись вплотную, Бендир посмотрел на мальчика, стоявшего перед Янни, потом перевел взгляд на потрясенную мать. – Ага, так ты уже слышала, – сказал он. И пояснил: – Женщина, оставленная присматривать за малышами, только что прислала мальчишку сказать, что видела в небе дракона. Синего дракона...

– Возможно ли? – дрожащим голосом выговорила Янни. – Возможно ли, что Рэйн был прав от начала и до конца? Но если так, то что все это значит?

– Выводов по крайней мере два, – кратко ответил Бендир. – Я отправил поисковую партию верхом, наказав пробираться туда, где, как мне кажется, это создание могло выломиться из-под земли. Если верить словам очевидцев, размеры его таковы, что оно не могло вылезти по туннелям. Скорее всего, оно выбралось сквозь крышу чертога Коронованного Петуха, и мы примерно знаем, где это место. Может, там отыщутся какие-то следы Рэйна. Или,

по крайней мере, мы спустимся сквозь пролом, чтобы поискать еще выживших! – Эти слова сопровождал сдержанный гул голосов. В одних звучало неверие, в других – изумление и восторг. Бендир продолжал громче, чтобы быть услышанным: – Второе же следствие... Не забудем, что это существо может быть настроено враждебно! – Мальчик, стоявший подле него, собрался было возразить, но Бендир строго предостерег: – Красота красотой, но дракон вполне может держать на нас зуб. Что, собственно, мы знаем об их природе? Ведите себя так, чтобы ни в коем случае не вызвать его гнев! Наш дракон совсем не обязательно так благосклонен к людям, как вроде бы утверждают древние мозаики и фрески. Лучше нам вообще его внимание к себе не привлекать.

Тут все заговорили одновременно, обсуждая поразительное известие. Кефрия отчаянно уцепилась за рукав Янни, силясь перекрыть гам:

– Если Рэйн действительно там... Как ты думаешь, может, и Малта найдется поблизости? Янни посмотрела ей прямо в глаза.

– Стучилось то, чего боялся мой сын, – сказала она. – Он боялся, что Малта отправилась в чертог Коронованного Петуха. К драконице, которая спала в подземелье.

* * *

– Никогда не видал ничего краше, – сказал маленький Сельден. Он был еле жив от усталости и уже не говорил, а шептал, но шепот звучал благоговейно. – Как ты думаешь, она возвратится?

Рэйн повернул к нему голову. Сельден сидел на островке мусора и обломков, возвышавшемся над озером грязи. Мальчик смотрел вверх, туда, откуда лился свет, и его лицо еще отражало только что увиденное чудо. Драконица давно скрылась из глаз, но Сельден по-прежнему неотрывно смотрел ей вслед.

Рэйн решил вернуть его с неба на землю.

– Не думаю, что нам следует всерьез рассчитывать на ее помощь, – сказал он. – Давай попробуем выбраться сами.

Сельден тряхнул головой.

– Да я не об этом, – пояснил он. – Мне кажется, она нас вообще не заметила, так что ты, наверное, прав: будем вылезать сами. Я просто к тому, что уж очень хотелось бы еще на нее посмотреть. Она ведь такое чудо. И радость.

Его взгляд снова устремился к пролому в сводчатом потолке. Лицо и одежду Сельдена густо покрывали слои грязи, однако, несмотря на это, мальчишка так и светился.

Солнечные лучи вливались в разрушенный чертог, но особого тепла с собой не несли. Рэйн поймал себя на том, что не может толком припомнить, что это вообще такое – быть сухим. А уж согретым – и подавно. Голод и жажда терзали его нутро, трудно было принудить себя снова двигаться. Тем не менее Рэйн вдруг понял, что улыбается. Да. Сельден был прав. Чудо. И радость.

Купол чертога Коронованного Петуха, давным-давно погребенного под землей, был теперь расколот, словно макушка сваренного всмятку яйца. Рэйн взобрался по нагромождению обломков и стал приглядываться к свисающим древесным корням, что обрамляли маленький клочок неба над головой. Туда, наверх, проложила себе дорогу драконица, но Рэйну плохо верилось, что они с Сельденом вправду сумеют последовать за нею тем же путем.

Между тем чертог быстро заполнялся жижей: болото присваивало себе город, столь долго сопротивлявшийся его власти. Было ясно, что холодная грязь поглотит два человеческих существа гораздо раньше, чем те придумают, как взобраться наверх.

Но даже смертельная опасность не могла заслонить памяти о драконице, все-таки возродившейся после долгих веков заточения в коконе. Сколько Рэйн ни рассматривал древние

шпалеры, мозаики и настенные фрески, они так толком и не подготовили его к чуду созерцания настоящего живого дракона. Чего стоили одни только переливы ее блестящих чешуй: Рэйн обнаружил, что у синего есть множество оттенков, о существовании которых он даже не подозревал. Он знал, что до смертного часа не позабудет, как ее крылья, вялые и бессильные поначалу, постепенно обретали должную мощь и густой насыщенный цвет. Во влажном воздухе еще витал змеиный запах, сопровождавший преобразование. И нигде не было видно ни кусочка вещества, составлявшего ее кокон, – вещества, которое они так долго ошибочно именовали диводревом. Кажется, в своем мгновенном взрослении драконица вобрала его в себя без остатка.

И вот теперь она исчезла в небесах, упорхнула мимолетным видением, оставив Рэйна и Сельдена наедине с угрозой гибели. Ночное землетрясение основательно изувечило стены и своды засыпанного города, проложив достаточно широкие бреши, и теперь болото неотвратимо поглощало его. Так что единственная дорога к спасению лежала наверх. Туда, где сиял клочок голубого неба, такой манящий и недостижимый...

Пузырящаяся жижа облизала края хрустального осколка купола, на котором стоял Рэйн. Потом покрыла эти края и стала подбираться к его босым ногам.

– Рэйн, – позвал Сельден.

Младший брат Малты сидел на верхушке своего островка, и этот островок быстро исчезал, словно таял в наступающей жиже. Выламываясь сквозь расколотый купол, драконица обрушила вниз немало земли и камней и снесла даже дерево, росшее наверху. Дерево упало в грязь и теперь плавало поблизости. Мальчик напряженно хмурился, пуская в ход свою обычную смекалку.

– Рэйн, а что, если мы попробуем как-нибудь поднять ствол и к стенке его прислонить? Потом залезем и...

– Поднимать его у меня пупок развяжется, – перебил Рэйн. – Да и грязь ногам опоры не даст. Другое дело, можно наломать веток и устроить что-то вроде плота. Если справимся, жижа нас сама наверх понесет.

Сельден с пробудившейся надеждой посмотрел на плавающий ствол, потом снова наверх.

– Ты думаешь, грязь и вода этот покой до самой крыши наполнят?

– Полагаю, – от всей души соврал Рэйн. На самом деле он был уверен, что разлив так и не доберется до свода. Так что, скорее всего, придется либо тонуть, либо медленно чахнуть от голода, лежа на плотике. В любом случае, хрусталину, на которой он стоял, быстро заливало. Следовало покинуть ее, причем как можно раньше. Рэйн перепрыгнул на кучу мшистой земли, обрушенной сверху, но та оказалась слишком податливой и буквально ушла у него из-под ног. Грязь была гораздо более текучей, нежели он полагал. Все же Рэйн дотянулся до плавающего ствола, уцепился за ветку и выбрался на нее. Сейчас разлив был глубиной примерно по грудь и плотностью напоминал жидкую кашу. Провалишься – и будет не вылезти. Так или иначе, Рэйн сумел подобраться почти вплотную к Сельдену и протянул ему руку. Мальчик решительно прыгнул, покидая рассыпающийся островок, не долетел, шлепнулся в грязь и проворно переполз по поверхности, благо его-то она еще могла выдержать. Рэйн поймал его и втащил к себе на ствол. Сельден прижался к нему, стуча зубами от холода. Его одежда липла к телу, грязь плотно покрывала волосы и лицо.

– Вот бы нам сюда мои инструменты, – вздохнул Рэйн. – Жаль, их теперь уже не достанешь. Надо будет ломать ветки, сколько сумеем, и складывать их крест-накрест, чтобы не расплзались.

– Я так устал, – пожаловался Сельден. Вернее, не пожаловался, а просто сообщил о своем состоянии. Он снизу вверх посмотрел на Рэйна, и его взгляд вдруг стал очень внимательным. – А ты не очень страшный, – сказал он жителю Чащоб. – Даже вблизи. Честно, мне было ужас до чего любопытно взглянуть, как ты выглядишь без этой своей вуали! В туннелях, при свечке, я

тебя толком-то и не разглядел. А когда у тебя глаза засветились синими огоньками, так даже страх разобрал. Но только поначалу! Потом даже хорошо было: посмотрел – и сразу видно, где ты находишься.

– Вправду светятся? – рассмеялся Рэйн. – На самом деле вроде как рановато! Это обычно происходит с людьми постарше. Мы даже считаем это признаком достижения зрелости.

– Вот как, – восхитился Сельден. – Нет, правда, при дневном свете ты выглядишь совсем как обычный. У тебя почти нет никаких наростов, только чешуйки по векам и возле рта.

Сельден откровенно разглядывал его, ничуть этого не стесняясь.

– Что касается наростов, – заговорщицки усмехнулся Рэйн, – они, может, тоже появятся. С возрастом.

– А Малта боялась, что ты весь оброс ужасными бородавками, – выдал Сельден тайну старшей сестры. – Ее часто подружки этим дразнили, а она сердилась на них. Ой! – До Сельдена внезапно дошло, что его слова звучали довольно-таки бестактно. – Ну, то есть я имею в виду, это она поначалу боялась, когда ты только начал за нею ухаживать. А последнее время я совсем даже ничего от нее и не слышал насчет бородавок, – виновато поправился он. Еще раз посмотрел на Рэйна, потом отполз от него по стволу, выбрал ветку и стал тянуть ее, силясь сломать. Ветка не поддавалась. – Трудно, – сказал Сельден.

– У нее, я думаю, было много пищи для размышлений и без моих бородавок, – пробормотал Рэйн.

От слов Сельдена у него неприятно похолодело на сердце. Неужели Малта в самом деле придавала такое значение его внешности? Не случится ли так, что он покорит ее своими деяниями – и лишь затем, чтобы она в ужасе отвернулась, увидев его лицо? Горькая мысль посетила его: а что, если она погибла и он так никогда и не узнает наверняка? Или он сам сгинет здесь, в этом подземелье, и ей так и не доведется взглянуть на него без вуали?

– Рэйн? – нерешительно окликнул его Сельден. – Слушай, давай правда ветки ломать.

Рэйн запоздало сообразил, насколько далеко успели завести его невеселые мысли. Что ж, давно пора отбросить бесплодные размышления и употребить оставшиеся силы, чтобы попытаться спастись! Он взялся за колючий сук и отломил от него отросток.

– Не пытайся ломать толстые ветки, займись лучше прутьями, – посоветовал он Сельдену. – Они гибкие, сплетай их, как делают кровельщики, когда...

Окружающий мир вновь содрогнулся, и Рэйн невольно осекся, а потом судорожно вцепился в древесный ствол, потому что сверху, из пролома, градом полетела земля. Сельден испуганно заверещал, прикрывая ладонями голову. Рэйн быстро перебрался к нему и обнял, закрывая своим телом от сыпавшихся обломков. Старинная дверь чертога вдруг закрипела и со стоном повисла на одной петле. Внутрь покоя хлынул напористый вал воды, перемешанной с грязью.

Глава 2

Торговцы и торгаши

Легкий шорох шагов послужил Ронике единственным предупреждением. Пожилая женщина так и замерла над грядкой в огороде, где застало ее неожиданное вторжение. Шум донесся с подъездной дорожки, по которой раньше подкатывали кареты. Роника подхватила корзинку с собранной репой и кинулась в тень виноградной беседки. Резкое усилие свело судорогой натруженные мышцы спины, но она не обратила особого внимания на их жалобу. Шут с ней, со спиной, – тут речь могла идти о самой жизни! Очень осторожно и тихо она опустила корзинку наземь у своих ног и не дыша, выглянула между широкими, в ладонь, лапчатыми виноградными листьями. Из этого более-менее надежного укрытия ей удалось рассмотреть молодого мужчину, подходившего к парадной двери. Плащ с капюшоном не давал приглядеться к лицу, но, судя по тому, как осторожно он крался, его намерения были очевидны.

Вот он взошел по ступеням, усыпанным опавшей листвой. Помедлил возле порога. Под его сапогами заскрипели битые стекла – мужчина всматривался в царившую внутри темноту. Потом толкнул высокую дверь, оставленную приоткрытой. Она со стоном растворилось пошире, и мужчина проскользнул в дом.

Роника отважилась перевести дух... и задумалась. Скорее всего, это был очередной мародер, надумавший проверить, не найдется ли тут чем поживиться. Что ж, его ждало скорое разочарование. Все, на что не позарились калсидийцы, давным-давно растащили соседи. Пусть еще раз обшарит разгромленный дом – да и уматывает подобру-поздорову. В любом случае в доме не осталось ни единого предмета, за который Роника стала бы рисковать своей жизнью. Начни она выгонять этого парня, самой может не поздоровиться.

Все так. Но, предаваясь столь разумным и здравым рассуждениям, бабушка Малты уже кралась к дверям фамильного особняка, сжимая в руке дубинку, с которой последнее время ни под каким видом не расставалась.

Поднимаясь по замусоренным ступеням, перешагивая через осколки стекла, она умудрилась не произвести ни единого шороха. Осторожно заглянула в прихожую. Незваного гостя нигде не было видно. Беззвучно проскользнув дальше, Роника застыла, внимательно вслушиваясь. Вот где-то в глубине дома открылась дверь... Кажется, негодяй действовал вовсе не наугад. Неужели это был кто-то из ее прежних знакомых? А если так, со злом он пришел или с добром? Ох, навряд ли вправду с добром! В старую дружбу и верность прежних союзников Роника Вестрит больше не верила. А в то, что кто-то просто пришел повидаться, рассчитывая застать ее дома... ой, да не смешите меня!

Она сбежала из Удачного много недель назад, на другой же день после летнего бала. В ночь перед этим напряжение, связанное с появлением у гавани калсидийских наемников, породило-таки взрыв. На балу в Зале Торговцев со скоростью пожара распространился слух: пока старинные семьи предаются веселью и танцам, калсидийцы-де предприняли высадку. Из уст в уста передавалась весть о заговоре «новых купчиков», собравшихся взять власть в Удачном, а сатрапа захватить как заложника. И этой сплетни хватило, чтобы начался погром и пожар. Странники старинных семейств дрались в гавани с «новыми купчиками» и с калсидийцами. Корабли захватывались и поджигались один за другим. Снова вспыхнули таможенные причалы – символ власти сатрапа. Но на сей раз ими дело не ограничилось. Поджоги и беспорядки перекинулись на город. Обозленные «новые купчики» принялись палить богатые магазины на улице Дождевых Чашоб. В отместку начали тут и там вспыхивать их собственные лабазы. И, как венец всего происходившего, кто-то пустил красного петуха на сам Зал Торговцев Удачного.

А тем временем в гавани все длилось сражение. На одном фланге нападавших встали калсидийские боевые галеры, прежде выступавшие в качестве джамелийских сторожевиков; на другом – калсидийские же корабли из числа прибывших вместе с сатрапом. Между ними оказались зажаты живые корабли Удачного, поддержанные торговыми и рыболовными судами поселенцев с Трех Кораблей. И вышло так, что исход битвы был решен именно их единством и мужеством. В сгустившейся темноте крохотные суденышки незаметно подкрадывались к здоровенным галерам – и о вражьи палубы и борта неожиданно разбивались горшки с пылающей смесью масла и смолы. Так что калсидийцам очень скоро стало не до блокированных в гавани удачнинских кораблей – едва успевали тушить свирепое пламя. Шлюпки и лодочки наседали на них, словно тучи гнуса на грузных быков. И калсидийцы, занятые сражением на улицах и причалах Удачного, спустя время с ужасом увидели, что их корабли попросту удирают из гавани! Совершенно неожиданно захватчикам пришлось обороняться, а потом и вовсе отставать хотя бы свою жизнь – о добыче уже речи не шло.

На следующее утро все было тихо, лишь дым змеился сквозь ветви деревьев, увлекаемый летним ветерком. Торговцы Удачного вновь безраздельно владели своим портом. Вот тогда-то, воспользовавшись передышкой, Роника и уговорила дочку с внуками оставить город и искать укрытия у народа Чащоб. Кефрия, Сельден и жестоко пострадавшая Малта сумели, по счастью, добраться до одного из живых кораблей. Сама Роника осталась дома. Ей, прежде чем думать о бегстве, следовало уладить кое-какие важные дела. Первым долгом она спрятала семейные бумаги в тайнике, который еще давным-давно устроил ее покойный муж, Ефрон. Потом они с Рэйч собрали кое-что из еды и одежды и направились на ферму Инглби. Эта ферма, некогда доставшаяся Ронике от родителей, располагалась не очень далеко от Удачного. Ничего особенного имение собою не представляло, так что можно было надеяться – при любом раскладе там вправду будет не слишком опасно.

По дороге туда Роника отважилась сделать всего один крюк. Она вернулась к тому месту, где накануне рухнула с откоса карета Давада Рестара, угодившая в засаду бунтовщиков. Роника спустилась по лесистому склону холма и разыскала тело Давада. Забрать его с собой и устроить ему достойные похороны у нее просто не хватило бы сил, но она сочла необходимым хотя бы прикрыть его. У Давада было полно родственников, но на их помощь рассчитывать не приходилось: он давно стал чужим для своей семьи. И к Рэйч Роника обращаться не стала. У той были с Давадом слишком страшные личные счеты. Но как не отдать последнюю дань уважения человеку, который много-много лет был ей верным другом? Даже притом что последние годы дружба с ним сделалась небезопасной. Роника долго искала достойные слова, чтобы произнести над усопшим, но в конце концов просто покачала головой и тихо произнесла: «Нет, Давад Рестар, ты не был предателем. Я-то уж знаю. Да, ты был жаден и в конце концов от жадности поглупел, но чтобы ты сознательно предал Удачный? Ни за что не поверю».

Сказав так, она устало потащилась обратно вверх, где ждала ее Рэйч. Служанка ни словом не упомянула о человеке, сделавшем ее рабыней. Если она и находила некое удовлетворение в смерти Давада, то, по крайней мере, не выражала его вслух, и Роника была ей весьма за это признательна.

Калсидийские галеры и парусники довольно долго не показывались в водах Удачного, и Роника стала даже надеяться, что установится мир. Однако произошло нечто худшее, чем вторжение. Торговцы из старинных семей и «новые купчики» все-таки схлестнулись в открытой резне. Сосед встал против соседа, а те, кто не был связан ни с теми ни с другими, старались нажиться за счет обеих сторон. Вновь начались пожары и уличные схватки. Бежав из города, Роника с Рэйч миновали немало горящих домов и перевернутых повозок. Дороги были уже запружены беженцами. Среди них шли и ехали люди, ведшие свое происхождение из «старых», из «новых» и вовсе с Трех Кораблей, здесь были нищие и купцы, слуги, беглые рабы и вольные рыболовы. Всех выгнала из домов неожиданная междоусобица. Даже здесь, на дорогах,

среди беженцев то и дело вспыхивали заварушки, раздавались оскорбления и угрозы. Некогда веселая пестрота большого приморского города над синим заливом внезапно распалась на тысячи зловещих осколков. В первую же ночь бегства Ронику и Рэйч кто-то обворовал. Пока они спали, у них украли сумки с едой. Что ж, они продолжали идти, уверенные, что у них хватит выносливости добраться до Инглби даже и на голодный желудок. Сотоварищи по несчастью рассказывали, будто калсидийцы все же вернулись и теперь всю жгут город. К вечеру второго дня женщин остановили молодые люди в плащах с капюшонами и потребовали отдать какие ни есть драгоценности. Роника ответила им, что отдавать нечего. Ее тут же сбили с ног, выхватили мешочек с нехитрыми пожитками и устроили обыск, бесцеремонно вытряхнув все вещи в дорожную пыль. Другие беженцы проходили мимо, старательно отводя взгляды. Никто не вмешался. Разбойники приступили было с угрозами к Рэйч, но бывшую рабыню пронять оказалось не так-то легко. По счастью, в это время внимание грабителей привлекла добыча пожирнее – какой-то мужчина, ехавший с двумя слугами на тяжело нагруженной тележке. При виде капюшонов слуги кинулись наутек, оставив хозяина умолять и надирать горло, пока разбойники потрошили выюки. Решительная Рэйч ухватила хозяйку за руку и силой потащила ее прочь, шепча на ухо: «Бежим, бежим! Все равно мы ничего сделать не сможем, самим надо спастись...»

Все же она оказалась не совсем права, что и выяснилось не далее как следующим утром. Они наткнулись на тела хозяйки чайной лавочки и ее дочери. Люди, шагавшие по дороге, просто обходили мертвых и торопились дальше. Роника не смогла так поступить. Остановившись, она взглянула в искаженное лицо убитой. Она так и не вспомнила, как звали несчастную, но чайный лоток на Большом рынке тут же возник в памяти. И эта девушка, дочь, с неизменной улыбкой протягивавшая Ронике покупки... Они не были ни из «новых купчиков», ни по давню из старинных семейств – просто самые обычные люди, поселившиеся в чудесном торговом городе и ставшие маленьким узелком в его большом пестром ковре. И вот теперь их не стало. И не калсидийцы убили двух этих женщин. Их порешили удачнинские. Свои.

Вот тут-то Роника повернулась на пятке и двинулась назад в город. Она не взялась бы внятно объяснить Рэйч, почему решила вернуться. Она даже предложила той идти вперед в Инглби без нее. Роника и сейчас не могла толком разобраться в причинах собственного решения. Может быть, ей показалось, что ничего более страшного, чем уже пережитое, с ними не произойдет. Отчасти так оно и было. Душа, если можно так выразиться, обрастала мозолями. Вернувшись, она увидела, что ее дом осквернен и разграблен. А на стене кабинета Ефрона кто-то накорябал: ПРЕДАТЕЛИ. Но даже эта надпись оказалась бессильна причинить Ронике новое горе. Тот Удачный, который она любила и знала, погиб безвозвратно. И если этому месту суждено было быть пусту – не лучше ли и самой погибнуть с ним вместе?

И все-таки Роника Вестрит была не из тех женщин, которые просто опускают руки и сдаются. Дни потекли один за другим; они с Рэйч постепенно обжили домик садовника, и их быт даже некоторым странным образом начал налаживаться. Внизу, в городе, все еще дрались. Иногда Роника поднималась на верхний этаж большого дома. Оттуда был виден порт. Дважды калсидийцы пытались взять его штурмом. Оба раза их сбрасывали обратно в море. Ночной ветер приносил далекие крики и запах паленого. То и другое Роника воспринимала вчуже. Ее душу больше не волновало ничто.

В маленьком домике легко было поддерживать чистоту и тепло, да и внешний вид его, сугубо неприятельский, скорее отпугивал, нежели притягивал любителей чужого добра. При домике были огород, запущенный сад и сколько-то кур, а много ли надо двум немолодым женщинам? Они собирали на берегу сухой плавник для очага, и тот, пропитанный солью далеких морей, горел синими и зелеными язычками. Роника предпочитала не гадать о том, что с ними будет, когда наступит зима. Наверное, думалось ей, придется погибнуть. Но никто не скажет о ней, будто она ушла смиренно и даже с охотой. Нет уж! Она погибнет, сжимая в руке оружие!

Собственно, это-то врожденное упрямство и заставляло ее теперь красться с дубинкой наготове по следу взломщика, проникшего в ее разграбленный дом. Она еще не очень знала, что именно сотворит, когда окажется носом к носу с негодяем. Больше всего, пожалуй, было бескорыстного любопытства: и чего, спрашивается, ему все же здесь надо?

В доме уже поселился пыльный запах, присущий заброшенному жилью. Все самое ценное имущество Вестритов было распродано еще летом, когда они добывали деньги на экспедицию по вызволению захваченной пиратами «Проказницы». Оставшееся имело ценность, скорее, духовную: всяческие диковины и безделушки – памятки былых плаваний Ефрона, да старая ваза, доставшаяся Ронике от матери, да стенная шпалера, которую они с Ефроном вместе выбирали чуть не на другой день после свадьбы, да... Нет, незачем попусту перечислять даже мысленно. Все равно ничего не вернешь, так лучше уж отпустить. Прошлое и так хранится в сердце, зачем отягощаться еще и вещественными напоминаниями?

Роника на цыпочках миновала двери, сшибленные с петель ударами чьих-то сапог. Лишь мельком покосилась во внутренний дворик, где валялись осколки разбитых горшков и бурели останки мертвых растений. Вперед, вперед за этим парнем в плаще! Куда все же он направляется? Вот он опять мелькнул впереди. Вошел в какую-то комнату...

В комнату Малты. В спальню ее внучки.

Роника подкралась поближе. Он что-то бормотал еле слышно. Она отважилась одним глазом заглянуть в комнату. Потом выпрямилась и требовательно спросила:

– Что ты здесь забыл, Сервин Трелл?

От испуга юноша испустил дикий вопль и мгновенно вскочил на ноги. Он, оказывается, стоял на коленях возле постели, на которой раньше спала Малта. Теперь на ее подушке лежала одинокая красная роза. Сервин смотрел на Ронику – белое лицо, ладонь прижата к груди. Его губы двигались, но не произносили ни звука. Потом он увидел дубинку у нее в руках, и глаза у него округлились пуце прежнего.

– Ох, да сядь ты, – не без раздражения велела ему Роника. Бросила дубинку в изножье постели и сама последовала собственному совету. – Что все-таки ты здесь забыл? – повторила она устало, заранее, впрочем, зная ответ.

– Жива. Ты жива, – тихо выговорил Сервин. Поднес руки к лицу и стал тереть глаза. Роника поняла, что парень пытался скрыть слезы. – А почему ты не... А что с Малтой? Она тоже в порядке? Люди говорят... я такого наслушался... – И Сервин тихо осел на постель рядом с розой, уложенной на подушку. Погладил подушку ладонью. – Мне рассказали, что вы уехали с бала вместе с Давадом Рестаром. Потом пришла весть о нападении на его карету. Нападавшим нужны были только сатрап и Рестар... по крайней мере, так все говорят. Все сходятся на том, что вас никто бы и пальцем не тронул, если бы вы не оказались с Рестаром. Он умер, я знаю. Некоторые намекают, будто им известно, что случилось с сатрапом, но никто толком не рассказывает. А когда я принимался расспрашивать о Малте и других членах вашей семьи... – Сервин запнулся и густо покраснел, но все же принудил себя продолжать. – Тут все на меня орут, будто вы предатели, будто вы заодно с Рестаром... и всякое такое. Что вы даже якобы собирались продать сатрапа «новым купчикам», которые сговорились его убить и устроить так, чтобы обвинение пало на старинные семейства Удачного, и тогда-то Джамелия наслала бы на нас тучи калсидийских наемников, чтобы взять город и на корню передать его «новым»... – Юноша снова замолк было, но сделал над собой усилие и выговорил: – У некоторых даже язык поворачивается болтать, что-де вы заслужили все, что с вами случилось. Такую жуть несут, что уши вянут. А я... я был уверен, что вы все погибли. Грэйг Тенира пытался за вас заступаться, он говорил, что все наветы на вас – сплошная чушь, и не больше. Но он ушел на «Офелии» охранять устье Дождевой реки, а кроме него, никто не взял вашу сторону. Я как-то раз открыл было рот, да кто ж меня слушал? Я для них – сопливый юнец! Мой папенька, тот прямо звереет, если я при нем Малту упомяну. Дейла хотела оплакать ее, ну, мы же думали, что вы все

погибли... так он ее в комнате запер и пригрозил выпороть, если она еще хоть раз ее имя произнесет. Представляешь? А ведь ему никогда раньше и присниться не могло – Дейлу выпороть.

Роника спросила напрямик:

– Чего же он так боится? Он думает, люди и на него навесят ярлык предателя, если узнают, что ему небезразлична судьба прежних друзей?

Сервин стыдливо кивнул, да так и не поднял головы.

– Папеньке, – сказал он, – и так страшно не нравилось, что Ефрон пригред Брэшена, когда его выкинули из семьи. А тут еще вы сделали его капитаном «Совершенного» и вручили ему все бразды, как будто впрямь верили, что он сумеет вызволить «Проказницу». Папа так и сказал: вы, мол, пытаетесь выставить нас дураками. Всем показываете, что вывели в люди сына, от которого он сам отказался.

– Во имя Са! Давненько же я подобной чуши не слыхивала! – Роника чуть не плюнула от негодования. – Да, Брэшен действительно выбился в люди, но это целиком и полностью его собственная заслуга. Твоему папаше гордиться бы им надо, а не на Вестритов зуб точить! А он, я посмотрю, рад-радешенек, что нас ославили как предателей.

Сервин неотрывно смотрел в пол. Ему было совестно. Когда он наконец решился повернуться к Ронике, темные глаза парня показались ей глазами его старшего брата.

– Ты... боюсь, ты права, – сказал он. – Слушай, не мучь меня, расскажи все как есть! Удалось ли Малте спастись? Она тоже прячется здесь? Вместе с тобой?

Ронике понадобилось долгое мгновение. Какую толику правды можно было вверить ему? У нее и в мыслях не было терзать паренька неизвестностью, но, право, его нежные чувства не стоили того, чтобы подвергать свою семью опасности.

– Когда я последний раз видела Малту, – ответила она наконец, – моя внучка была ранена, но весьма далека от смерти. Провалиться бы им, тем, кто напал на карету, а потом бросил бедную девочку, посчитав мертвой! Теперь она с братом и матерью укрылась в надежном месте, там, куда не доберется никакая опасность. Прости, но большего я тебе рассказать не могу!

Она ни за что не созналась бы, что ей самой было известно не намного больше. Кефрия и внуки уехали с Рэйном – Малтиным ухажером из Чащоб. И если ничего не пошло наперекосяк, они добрались до живого корабля «Кендри», а тот, в свою очередь, сумел выбраться из гавани Удачного, вокруг которой уже сжималась осада, и потом унес их вверх по Дождевой реке. А значит – опять-таки если все прошло благополучно, – они теперь находились в безопасности и уюте Трехога. Увы, последнее время небольшое шло своим чередом, так, как следовало бы. И что самое печальное, дочь с внуками при всем желании не могли прислать Ронике весточку.

Стало быть, единственное, что ей оставалось, – молиться Са и уповать на ее милость.

Тем временем облегчение вернуло на лицо Сервина Трелла живые краски. Он дотянулся и коснулся розы, уложенной на подушку.

– Спасибо, – прошептал он с молитвенным благоговением. А потом испортил возвышенность момента, ляпнув: – Теперь у меня есть хотя бы надежда!

Роника едва удержалась, чтобы не поморщиться. Вот сейчас ясно, что сопливо-чувствительную жилку в семействе не унаследовала разве что Дейла. Роника решительно переменяла тему разговора:

– Лучше расскажи-ка мне, что сейчас творится в Удачном!

Его, казалось, удивил и озадачил этот вопрос.

– Ну-у... – протянул он. – Вообще-то, я знаю не многое. Папаша нам, собственно, не разрешает особо отлучаться из дому. Он, по-моему, еще надеется, что все как-нибудь образуется и жизнь в Удачном потечет как прежде. Если он узнает, что я смылся, ох и будет же мне! Но... ты же понимаешь, я иначе не мог.

И он снова прижал руку к груди – туда, где сердце.

– Да-да, все понятно. – Роника упорно стаскивала его с небес наземь. – Что хоть ты видел, пока добирался сюда? И почему отец так упорно держит вас взаперти?

Юноша напряженно сдвинул брови и уставился на свои руки. Руки, к слову сказать, у него были весьма холеные.

– Так... – начал он. – Ну, на данный момент порт опять наш. Правда, все может когда угодно перемениться. Народ Трех Кораблей очень нам помог, но ты же сама понимаешь: пока корабли заняты боем, некому ни рыбу ловить, ни товары на рынок доставлять. Так что еда знай дорожает – особенно если учесть, сколько лабазов сгорело. Какой грабеж в городе происходил – это вообще словами не передать! Людей избивали до полусмерти и обирали до нитки только за то, что они пытались что-то продать или купить! Кое-кто говорит, что это безобразничают молодчики из «новых», другие катят бочку на беглых рабов, которые ушли от хозяев и теперь стараются пожить чем только могут. На рынке, само собой, пусто. Кто пытается торговать – рискует отчаянно. Серилла велела городской страже перекрыть остатки сатрапской таможенной пристани. Она думала использовать птиц-вестников, которые там содержались, чтобы послать весть в Джамелию о том, что у нас тут творится, ну и, опять же, ихние новости разузнать. Вот только большинство птиц погибло в огне и дыму. Люди, кого она там поставила, недавно перехватили вернувшуюся птицу, да вот Серилла не очень-то делится новостями. А город... какую-то часть его удерживают «новые купчики», какую-то – наши. Люди Трех Кораблей и кто там еще – они как бы колеблются. Что ни ночь, так где-нибудь драка. Мой папаша все гневается, отчего никто не вступает в переговоры. Он говорит, истинные торговцы должны знать: можно выправить и спасти что угодно, если как следует поторговаться и заключить разумную сделку! Его послушать, во всем виноваты «новые». А те, конечно, во всем винят нас. Они утверждают, что мы похитили сатрапа. Ну, я уже говорил – папа убежден, что вы, Вестриты, помогали похитить сатрапа, с тем чтобы потом его убили и повесили это дело на нас. Старинные семейства последнее время вконец переругались между собой. Кое-кто считает, что надо бы признать Сериллу, Сердечную Подругу сатрапа, чуть ли не главой города, во всяком случае, поручить ей отстаивать наши интересы в Джамелии. Другие кричат, что настало время Удачному вообще от Джамелии отмежеваться. А «новые купчики» – те по-прежнему признают главенство Джамелии, зато верительными грамотами Сериллы, прости, подтереться готовы. Они избili посланника, которого она к ним отправила под флагом перемирия, и отослали его обратно со связанными руками и со свитком, привешенным к шее. В этом послании они обвиняли ее в государственной измене, в участии в заговоре с целью низложения сатрапа. Еще они написали, что это наше нападение на сатрапа и его верные сторожевые суда привело к насилию в гавани и обратило против нас наших калсидийских союзников. – Сервин облизнул губы и добавил: – А в конце они пригрозили, что, когда придет их время и сила будет на их стороне, пускай, мол, никто пощады не ждет. – Сервин перевел дух, и Ронике показалось, будто его молодое лицо враз повзрослело. – В общем, – проговорил он, – повсюду полный бардак. И никакого просвета не видно. Некоторые мои приятели полагают, что надо бы нам взяться за оружие уже как следует и просто утопить «новых купчиков» в море. Роэд Керн вообще стоит за то, чтобы перебить тех из них, кто не смотает удочки по-быстрому. Его послушать – надо нам вернуть то, что они украли у нас. И многие сыновья торговцев с ним соглашаются. Они говорят, что Удачный станет прежним Удачным, только когда все «новые» начисто из него уберутся. Кое-кто придумал даже, что надо их всех переловить и каждому предложить: отъезд или смерть! А еще иные поговаривают о тайных налетах на тех, кто водил дела с «новыми», а самих «новых», мол, надо поджигать до тех пор, пока они отсюда не уберутся. Я даже слышал краем уха, что молодой Керн с приятелями что ни ночь где-то шорох наводят. – Он как-то жалко покачал головой. – Наверное, потому-то папаша и старается, чтобы я не очень из дому отлучался. Не хочет, чтобы я во что-нибудь такое влип. – И неожиданно он посмотрел Ронике прямо в глаза. – Нет, я не трус! Но влипать действительно неохота.

– Вот тут вы правы, – кивнула Роника. – И твой папа, и ты. Погромами все равно ничего не решить. Это только даст им право на еще большее насилие против нас! – И пожилая женщина покачала головой. – А что до того, что Удачный станет прежним... Поверь мне, мальчик: этому уже не бывать. – Она вздохнула и спросила еще: – А когда в следующий раз соберется городской Совет?

Сервин передернул плечами.

– Они, – сказал он, – вообще ни разу не собирались с тех пор, как все это началось. По крайней мере, официально не собирались. Все владельцы живых кораблей ушли в море – гоняются за калсидийцами. Что до прочих... некоторые бежали из города, а остальные заперлись по домам, заложили окна и двери и носа не кажут наружу. Несколько раз главы Совета заседали и советовались с Сериллой, но она убедила их воздержаться от общего сбора. Она хочет достичь примирения с «новыми купчиками» и использовать свой авторитет представителя сатрапа для достижения мира. И в переговоры с калсидийцами хочет вступить.

Роника поджала губы и некоторое время молчала. Эта Серилла определенно забрала в свои руки много власти, думалось ей. И что там за новости из столицы, которыми она не пожелала делиться? Нет, чем скорее соберется Совет и выработает хоть какой-нибудь план по наведению в городе порядка, тем скорее Удачный встанет на путь исцеления, насколько это возможно. С чего бы Серилле противиться такому ходу вещей?

– Сервин, ты мне вот что скажи, – проговорила она затем. – Как ты думаешь, если я отправлюсь к Серилле, будет она со мной говорить? Или меня как предательницу убьют прямо на месте?

В глазах юноши боролись отчаяние и стыд.

– Я... я не знаю, – выдавил он наконец. – Я вообще ни за кого из моих бывших друзей не поручусь, на что он способен, а на что нет. Вот тебе пример: торговца Доу нашли висящим в петле. От его детей и жены – ни слуху ни духу. Поговаривают, будто он повесился, когда увидел, что все идет не по его замыслу. А другие считают, что это собственные шурья его вздернули, чтобы срам с себя смыть. И вообще пересуды об этом, как бы тебе сказать, не приветствуются.

Роника некоторое время не отвечала. Что ж, она могла еще какое-то время укрываться здесь, на руинах родового гнезда, и когда в конце концов ее убьют, пересуды об этом событии тоже быстро затихнут – как не слишком приветствуемые. Можно, конечно, и другую ухоронку себе подыскать. Но зиму не уговоришь повременить с наступлением, да и решение она уже приняла. Насчет смиренной кончины. Значит, получается, что остается только в открытую бросить «им» вызов. Глядишь, еще и высказаться удастся, прежде чем кто-нибудь ее грохнет.

– Ты можешь передать от меня записку Серилле? – спросила Роника. – Где она поселилась?

– В бывшем доме Давада Рестара. Но я... Пожалуйста, Роника. Такая записка... я не посмею. Мой отец... стоит ему только прознать...

– Ну да. Конечно, – оборвала она его путаные извинения. Она понимала, что может насмерть застыдить Сервина и тем вынудить его исполнить ее волю. Это было бы проще пареной репы. Стоило лишь упомянуть, что в случае отказа Малта назвала бы его трусом. Нет. Использовать бедного мальчика и, возможно, пожертвовать им во имя собственной безопасности? Еще чего. Она пойдет сама.

Она и без того пряталась слишком долго.

Роника поднялась на ноги.

– Отправляйся домой, Сервин, – сказала она. – И сиди там. Слушай своего папу, он плохого не посоветует.

Юный Трелл медленно встал. Некоторое время он пристально разглядывал бабушку своей Малты, потом смущенно потупился.

– Ты... тебе здесь... в смысле, ты хорошо устроилась, одна-то? У тебя есть что покушать?

– У меня все в порядке. Спасибо, что спросил.

Забота Сервина странным образом растрогала Ронику. Она как бы свежим взглядом окинула свои руки, перепачканные и натруженные постоянной возней в огороде, с траурной каймой под ногтями. Зрелище было не из приятных. Ей сразу захотелось убрать руки за спину, но она не поддавалась этому побуждению.

Сервин тяжело вздохнул:

– Ты передашь Малте, что я приходил? Что я о ней беспокоился?

– Обязательно передам. Дело за малым, мне надо только ее снова увидеть, а этого, боюсь, еще долго не произойдет. Ладно, Сервин, поторопись домой. И обещай мне, что отныне будешь во всем слушаться папу. У него, надобно думать, и так забот полон рот, а тут еще ты начнешь голову в петлю совать!

Эти последние слова заставили его расправить плечи и вызвали едва заметную улыбку.

– Я знаю, – кивнул он. – Но ты же понимаешь, я не мог не прийти. Я места себе не находил, пока не знал наверняка, что с нею случилось! – Он помолчал и спросил совершенно по-детски: – А можно я Дейле расскажу?

Ох! Дейла! Насколько Ронике было известно, сплетниц подобного калибра во всем Удачном насчитывались единицы. А впрочем... Впрочем, Сервин не узнал здесь ничего опасного для Кефрии и детей.

– Можешь, – разрешила она. – Но пусть она побожится никому ни полсловечка не говорить. Пусть пообещает вовсе ни под каким видом о Малте не упоминать! Скажи, что это будет величайшей услугой, которую она может своей подруге оказать! Видишь ли, чем меньше народу станет гадать об участии Малты, тем в большей она будет безопасности.

Сервин свел брови. На вкус Роники – несколько театрально.

– Да. Естественно. Я понимаю. – И склонил голову. – Прощай, Роника Вестрит!

– Прощай, Сервин Трелл, – ответила она ему в тон.

Подумать только – всего какой-то месяц назад само его пребывание в этой комнате было делом абсолютно немислимым. А теперь гражданская война в Удачном все перевернула с ног на голову. В том числе и вековые правила хорошего тона. Роника смотрела, как уходил Сервин Трелл, и ей казалось, что вместе с ним исчезали последние ниточки в ту прежнюю, такую привычную жизнь. Все, что управляло поведением людей, обратилось в ничто. На какой-то миг Роника ощутила себя такой же обесчещенной и обобранной, как эта комната, в которой она стояла. Но потом... потом на нее накатило странное чувство свободы. А собственно, что ей осталось терять? Ефрон давно умер. И после смерти мужа в ее жизни не было ни единого мгновения, не отмеченного разрушением какой-то частицы привычного мира. И вот не осталось совсем ничего... только она одна – сама по себе. И это, в частности, означало, что теперь она вольна была поступать, как ей вздумается. Ни Ефрона, ни детей больше нет у нее – ответ держать не перед кем.

Новая жизнь никаких приятных перспектив с собой не несла. Но хотя бы интересной Роника имела право ее сделать, ведь верно?

Дождавшись, чтобы шаги Сервина окончательно отдалились и смолкли, пожилая женщина покинула бывшую спальню внучки и неторопливо обошла дом. Она избегала ходить по этим комнатам со дня своего возвращения, когда выяснилось, что особняк разграблен. Зато теперь она заставила себя заглянуть в каждый угол, внимательно обозревая труп своего прежнего мира. Осталось кое-что из мебели, слишком тяжелое для налетчиков. Уцелели некоторые занавеси и ковры. Все остальное, что представляло хоть какую-то ценность, вымели подчистую. Они с Рэйч разжились здесь посудой и скромными одеялами, на которые не позарились воры, но о разных приятных жизненных мелочах грешно было даже упоминать. Они пользовались разношерстными тарелками и ставили их на голый дощатый стол. И давно забыли, что такое постельное белье.

И ничего – жизнь продолжалась.

Уже взявшись за щеколду кухонной двери, Роника заметила одинокий, запечатанный воском горшочек, что закатился в угол и тем избежал корыстного внимания. Роника нагнулась и подобрала его. Из-под крышки немного текло. Она облизнула палец. Вишни. Заготовленные на зиму вишни. Роника криво улыбнулась и сунула горшочек под мышку. Хотя что-то хорошее ей удалось с собой унести.

* * *

– Госпожа Подруга?

Серилла подняла глаза от карты, которую внимательно изучала. Мальчик-слуга, замерший в дверях кабинета, почтительно смотрел вниз, себе под ноги.

– Да, – отозвалась Серилла.

– Там одна дама хочет видеть тебя, госпожа.

– Я занята, – был ответ. – Пускай придет позже.

Право слово, мальчишка мог бы и не отвлекать ее. Ему было отлично известно, что сегодня она не собиралась больше никого принимать. Час был уже поздний, а она и без того провела всю вторую половину дня в душной комнате, битком набитой торговцами из старинных семейств, и порядком устала, тщетно пытаясь заставить их проявить здравый смысл. Эти люди умудрялись придирается даже к совершенно очевидным вещам. Например, некоторые продолжали настаивать, что власть ей вручить может только голосование их Совета. Торговец Ларфа договорился даже до прямой грубости. Он сказал, что Удачный должен разбираться с наболевшими трудностями сам, без подсказок и советов из Джамелии! Ну вот как прикажете быть с такими людьми? Она ведь показывала им верительные грамоты, те самые, что вымучила у сатрапа. Эти грамоты она составляла сама, а это значило, что сколь угодно искусный знаток не нашел бы к чему прицепиться. Так почему они не желали попросту признать ее власть? Ведь документы провозглашали ее полномочным представителем сатрапа, а Удачный по-прежнему был частью сатрапских владений.

Вновь и вновь рассматривала она карту города. Итак, на сегодняшней день старинные семейства сумели не дать осаждающим замкнуть свою гавань, но платой за это достижение стало полное прекращение торговли. Долго при таких обстоятельствах городу не продержаться, и калсидийцам это было отлично известно. То-то они покамест не предпринимали новых попыток открытого штурма. Торговля была дыханием и кровью Удачного, и калсидийцы попросту душили город – неторопливо, но верно.

А упрямые торговцы упорно не желали раскрыть глаза и увидеть истину! Как ни крути – Удачный всегда был и теперь оставался уединенным поселением на не слишком-то дружественном берегу. Своими силами он никогда не мог себя прокормить. На что ему рассчитывать в открытом противостоянии с воинственной державой вроде Калсиды? Серилла уже прямо задавала этот вопрос предводителям удачинского Совета. Ответ гласил: не впервой. Выдюжим. «Не впервой? – негодовала она про себя. – Ну конечно. Только в прежние времена у вас за спиной была вся мощь Джамелии. И вам не приходилось иметь дело с „новыми купчиками“, которым калсидийское нашествие может оказаться не так уж немило». Она-то знала, сколь многие из этих самых «новых» поддерживали прочные связи с Калсидой. Благо именно Калсида была главным потребителем рабов, коих «новые» возили через Удачный.

Серилла вновь вызвала в памяти сообщение, кем-то отправленное с почтовой птицей и перехваченное для нее Роэдом Керном. В послании говорилось о калсидийской флотилии, которая вот уже нагрянет сюда, чтобы стереть в порошок мятежных торговцев и сполна отплатить им за убиение сатрапа.

От одной мысли об этом Серилле делалось холодно. Как быстро прибыла злополучная записка! Ни одна птица, даже самая быстрая, не могла успеть долететь! А значит, сети заговора оказались воистину обширными. И ниточки тянулись в самое что ни на есть высшее столичное общество. Кто-то заранее оповестил Джамелию о гибели сатрапа да еще и позаботился, чтобы улики указывали на торговцев из старинных семей. И быстрота, с которой оттуда ответили, лишь подтверждала: именно этой новости там и ждали.

Оставалось прикинуть, насколько широко успела раскинуться зловещая паутина. И Серилла отнюдь не была уверена, что сумеет искоренить основное ядро заговора, даже если вправду сумеет до него докопаться. Ах, если бы Роэд Керн и его люди поменьше спешили в ту ночь, когда захватывали сатрапа! Уцелей Давад Рестар и Вестриты, из них, вероятно, удалось бы вытрясти правду. Но Рестар погиб, а Вестриты исчезли непонятно куда. А значит, ответов от них уже не добиться.

Серилла отодвинула карту и взялась за другую. Это было настоящее произведение искусства, обнаруженное ею в библиотеке Рестара. Великолепно исполненный план города и окрестностей еще и содержал массу полезных сведений. Каждый земельный надел, изначально выделенный тому или иному знаменитому семейству, был отмечен гербовыми цветами данной фамилии. Уже своей рукой Давад привнес на лист основные участки, так или иначе «застолбленные» «новыми купчиками». Серилла пристально вглядывалась в карту, пытаясь сообразить, можно ли тут сделать какие-то выводы о возможных союзниках Рестара. Она долго хмурилась в раздумье, потом взяла перо, обмакнула его в чернила и сделала для себя несколько пометок. Надо будет, решила она, иметь в виду местечко под названием Барбарисовый холм. Когда все отгремит и уляжется, там можно будет выстроить славную летнюю резиденцию. Надо думать, торговцы Удачного будут только рады уступить ей этот надел. Или, будучи полномочной наместницей сатрапа, она сама его к рукам приберет.

Серилла откинулась в огромном кресле и мимолетно пожалела о том, что покойный Рестар был так высок ростом и тучен. Все в этой комнате было слишком велико для нее. До такой степени, что порою она сама себе казалась ребенком, вздумавшим поиграть во взрослые игры. Кстати, сходное впечатление на нее производило и само удачнинское общество. Ведь на самом деле ее присутствие здесь представляло собой сплошной блеф. Начиная с верительных грамот за подписью сатрапа, которые она добыла во время его болезни буквально выкручиванием рук. Вот на таком шатком основании зиждилась вся ее власть, все ее притязания. А во главе угла вообще лежало допущение, что Удачный был и оставался неотъемлемой частью Джамелии. Серилла, помнится, испытала настоящее потрясение, обнаружив, сколь прочные корни пустила в среде торговцев идея отделения и самостоятельности. Это грозило уже окончательно выбить почву у нее из-под ног. Серилла даже задумалась, не сделала ли она ошибку: может, лучше ей было встать на сторону «новых»? Хотя нет. Кое-кто из них все-таки понимал, что джамелийским вельможам сатрап и самим до смерти надоел. А значит, если уж в самой столице его власть повисла на волоске, то что говорить о положении дел здесь, в наиболее удаленной провинции?

И уж в любом случае слишком поздно было колебаться и отступать от намеченной линии. Серилла сделала выбор и взялась играть роль. Стало быть, теперь ее главная и единственная надежда – играть хорошо до самого занавеса. Если она преуспеет, Удачный до конца дней станет ей домом. Сбудется ее давняя мечта: она ведь знала, что здесь, в Удачном, женщина может добиться тех же прав, что и мужчина.

Удобно устроившись на подушках, она обвела комнату глазами. В кабинете горели камин и множество свечей по стенам. Теплый свет огня играл на полированном дереве стола. Серилле нравилась эта комната. То есть, конечно, стенные занавеси попросту оскорбляли ее вкус, да и многочисленные книги на полках были подобраны безыдейно и к тому же выглядели захватанными, но ведь все это легко можно переменить! В целом дом смотрелся чуть ли не по-

деревенски, и вначале это здорово выводило ее из себя, но теперь, когда бывшие Рестаровы хоромы стали принадлежать ей, начало даже нравиться. Некоторым образом помогало чувствовать себя законной частицей Удачного. Другие дома старинных семейств, где ей довелось побывать, были выдержаны в том же духе. Ну что ж. Она приспособится.

Серилла пошевелила пальцами ног в уютных мерлушковых тапочках. Раньше они принадлежали Кикки и были ей самую капельку маловаты. Серилла даже подумала, что у той, может быть, как раз сейчас мерзнут ноги... хотя, впрочем, жители Дождевых чащоб наверняка содержали высокопоставленных заложников со всеми мыслимыми удобствами. Серилла не сдержала самодовольной улыбки. Месть оказалась блюдом, приносящим наслаждение даже мелкими порциями. Притом что сатрап, вероятно, еще не додумался, кого ему следовало благодарить за столь бурную череду приключений.

– Госпожа Подруга?

Мальчишка-слуга опять возник на пороге.

– Я же сказала, что занята! – тоном предупреждения отрезала ученая дама. А про себя подумала, что удачнинские слуги понятия не имели о должной почтительности по отношению к господину. Всю свою сознательную жизнь Серилла изучала Удачный, но эти занятия так и не подготовили ее к ужасающей простоте здешних нравов. Вот и теперь она едва не закрипела зубами, ибо мальчишка, вместо того чтобы молча исчезнуть, отважился возражать.

– Я сказал этой даме, что ты занята, госпожа, но она знай твердит, что ей надо всенепременно с тобой встретиться, – осторожно ответил юный слуга. – Она говорит, что ты не по праву завладела домом Давада Рестара. Она хотела бы выслушать твои объяснения на сей счет, а не то прямо сразу возьмет и отправится в Совет с жалобой от имени его законных наследников!

Серилла швырнула перо на стол. Подобные речи она не собиралась терпеть ни от кого вообще, а уж от слуги...

– Давад Рестар был предателем, – сказала она. – Своими действиями он сам лишил себя каких бы то ни было прав. И своих наследников вместе с собой! – Тут до нее дошло, что она как будто произносит перед мальчишкой те самые «объяснения», которых от нее требовали. Ее терпение лопнуло. – Вот что, скажи ей, пусть убирается! Нет у меня на нее времени. И не будет!

– Скажи мне это сама, – прозвучало в ответ. – Да и посмотрим, сумеешь ли ты меня переспорить.

Серилла озадаченно вскинула голову. Ее глазам предстала весьма немолодая женщина, стоявшая на пороге. Она была очень просто одета – как говорят в таких случаях, бедно, но чисто. Никаких украшений, однако волосы, поблескивавшие сединой, были тщательно уложены в подобающую прическу. И если отбросить все внешнее и судить по осанке и манере держаться, женщина определенно была из славной старинной торговой семьи. Ее лицо показалось Серилле смутно знакомым, но тут как раз ничего удивительного не было – все старинные семьи Удачного состояли между собой в более или менее отдаленном родстве; вплоть до того, что кое-кто сам себе доводился двоюродным братом.

Серилла испепелила женщину взглядом.

– Поди прочь! – потребовала она без обиняков. И с напускным спокойствием вновь взялась за перо.

– Нет, я не уйду. Пока не получу удовлетворения. – В голосе женщины звучала холодная ярость. – Давад Рестар не был предателем. Это ты его так заклемила, чтобы наложить руку на его имущество и владение. Наверное, для тебя это в порядке вещей – обобрать мертвого, несмотря даже на то, что именно он предоставил тебе гостеприимство под кровом этого дома. Но твои ложные обвинения навлекли беду и на меня! Семья Вестритов подверглась нападению, нас едва не убили, меня выгнали из дому, мои вещи разворовали, и все это из-за твоей клеветы! Знай же, что я не намерена с нею мириться. Если ты вынудишь меня пойти с этим делом в Совет, то очень скоро убедишься, что деньги и власть не имеют здесь такого влияния на

правосудие, как у вас в Джамелии. Когда мы впервые явились сюда, мы, будущие торговцы, не многим отличались от нищих. И наше общество стоит на том, что произнесенное слово нерушимо обязывает человека, невзирая на то, беден он или богат. Если бы мы не верили друг другу на слово, мы бы просто не выжили. И это, в частности, означает, что лжесвидетельство у нас почитается одним из тяжчайших грехов. Гораздо более тяжким, чем ты себе представляешь!

«Так это же Роника Вестрит!» – запоздало сообразила Серилла. Да, сейчас та мало чем напоминала элегантную пожилую даму на балу в Зале Торговцев. Прежним осталось только незыблемое достоинство. Серилле пришлось даже напомнить себе, что при власти здесь не Роника, а она сама. Напомнить – и мысленно произнести целую речь, чтобы убедить себя в этом. Ей было жизненно важно не допускать на сей счет никаких сомнений и не давать кому бы то ни было повода для них. То есть чем скорее она справится со старухой, тем оно и лучше. Серилла обратилась памятью к дням своей службы при сатрапском дворе. Как она в те времена поступала с подобными жалобщиками?

Для начала она напустила на себя бесстрастный вид и сказала:

– Не трать мое время бесконечным перечислением надуманных претензий. Тебе не удастся меня запугать ни угрозами, ни пустопорожними выводами! – Она вновь откинулась к спинке кресла, всем видом изображая невозмутимую уверенность. – Известно ли тебе, кстати, что ты сама ходишь под обвинением в измене? Так что в твоём положении врываться сюда и сыпать дикими обвинениями не только глупо, но попросту смехотворно! Скажи спасибо уже за то, что тебя до сих пор в цепи не заковали!

Говоря так, она все старалась поймать взгляд юного слуги. Мальчишке полагалось бы давно сообразить, что к чему, и со всех ног мчаться за помощью. Но нет – он лишь со жгучим вниманием прислушивался к словесному поединку.

Между тем Роника нисколько не оробела, наоборот, в ней лишь ярче разгорелся внутренний пламень.

– Ты поступаешь по джамелийской привычке, – сказала она. – Вы ведь там привыкли лизать пятки тиранам. Но это Удачный! И здесь мой голос звучит так же громко, как твой! И мы не заковываем людей в цепи, не дав им сперва возможности доказать свою правоту. Поэтому я требую права обратиться к Совету Удачного! Я желаю либо очистить имя Давада, либо пусть мне покажут убедительные свидетельства его измены. И в любом случае я требую дать его останкам достойное погребение! – Старая женщина понемногу двигалась через комнату, крепко сжав сухонькие кулачки. Она оглядывала помещение и замечала сделанные в ней перестановки, и было видно, что приметы хозяйничанья Сериллы смертельно оскорбляют ее. Она заговорила четко и по-деловому: – Я хочу, чтобы движимое и недвижимое имущество Давада было передано его законным наследникам. Я хочу, чтобы мое собственное имя было очищено от той грязи, которой его успели полить. Я жду извинений от тех, кто подверг опасности мою дочь и внуков. И не только извинений, но также возмещения ущерба, причиненного моему дому! – Роника приблизилась вплотную к остолбеневшей Подруге. – И знай, что, если ты вынудишь меня обратиться к Совету, там меня выслушают. Здесь не Джамелия, пойми наконец! Здесь никто не пропустит мимо ушей жалобу торговца из старинной семьи, какие бы обвинения над ним ни висели!

Недоумок-слуга окончательно заробел и кинулся наутек. Серилле мучительно хотелось выскочить за дверь и завопить: «Убивают!» Увы, она не решалась даже встать на ноги, чтобы Роника, чего доброго, в самом деле ее не убила. Она, кажется, и так уже вполне выдала свой страх – у нее отчаянно тряслись руки, и она ничего не могла с этим поделать. У нее не было сил противостоять такому напору. Не было с тех самых пор, как ее... НЕТ! Она не будет думать об этом, иначе можно окончательно лишиться остатков решимости. Вот тогда и окажется, что случившееся на корабле бесповоротно надломило ее. Нет, нет, нет! Она не допустит, чтобы кто-то или что-то возымело над ней подобную власть! Она будет сильной.

– Отвечай мне! – внезапно потребовала старая женщина.

Серилла так и подпрыгнула от неожиданности, судорожное движение рук разметало на столе бумаги. Роника нависла над столом, ее глаза яростно полыхали.

– Как смеешь ты притворяться, будто не замечаешь меня? Я – Роника из старинной фамилии Вестритов, торговцев Удачного! Да кто ты вообще такая, чтобы сидеть тут и молча пялиться на меня?

По иронии судьбы эти слова были едва ли не единственными, что могли – и смогли – вывести Сериллу из ступора, вызванного паническим ужасом. Ибо этот самый вопрос она то и дело задавала себе самой все прошедшие дни. И заучивала ответ перед зеркалом, пытаясь самоутвердиться. Теперь настал момент, когда это действительно помогло. Она поднялась на ноги, и ее голос не так уж заметно дрожал.

– Я – Серилла, присяжная Сердечная Подруга сатрапа Касго. Более того, я являюсь его полномочной представительницей здесь, в Удачном. При мне документы, собственноручно подписанные сатрапом как раз на случай нынешнего положения дел. Пока он вынужден скрываться, дабы не подвергать опасности свою жизнь, мое слово есть его слово, мои решения суть решения нашего самодержца, и мое правление обладает не меньшей полнотой, нежели его собственное. Я самолично расследовала обстоятельства измены Давада Рестара и нашла его несомненно виновным. А стало быть, по законам Джамелии все его имущество перешло в собственность трона. И поскольку именно я представляю здесь трон, то и восприемницей имущества выступила именно я!

Казалось, старуха на миг дрогнула, и Серилла воодушевилась. Взяв перо, она сделала вид, будто готова вновь заняться бумагами. Потом опять подняла на Ронику взгляд.

– Что касается тебя, – сказала она, – то на сегодняшний день прямых доказательств твоей вины у меня нет. По этой причине я не отдавала касаясь тебя никаких официальных указов. Остерегись же дразнить меня, чтобы я не занялась твоим делом вплотную! Забота о мертвом предателе и без того делает тебе весьма мало чести. Поди же прочь, если у тебя сохранилась хоть капля рассудка!

И она придвинула бумаги – дескать, свободна.

Как жарко она молилась про себя, чтобы старуха просто ушла! Пусть только скроется за дверь. Вот тут-то Серилла мигом отправит за нею вооруженную стражу. Она поджала пальцы ног и уперлась ими в пол, чтобы не так стукались одна о другую колени.

Молчание затягивалось. Серилла не смела поднять взгляд. Она страстно ждала, чтобы Роника Вестрит тяжело вздохнула и потащилась прочь, признавая себя побежденной.

Случилось прямо противоположное.

Кулачок пожилой женщины с такой силой обрушился на столешницу, что из чернильницы едва не выплеснулись чернила.

– Здесь не Джамелия! – рявкнула Роника. – Это Удачный! Здесь правда и справедливость утверждаются уликами и делами, а не указами! – Лицо Роники было настоящей скульптурной маской яростной решимости. Она нагнулась над столом, самым пугающим образом оказавшись с Сериллой нос к носу. – Если Давад в самом деле предатель, тому должны быть железные доказательства! В этих самых записях, в которых ты роешься! Ему случалось творить немалые глупости, но что-что, а счета у него всегда были в полном порядке!

Серилла вжалась в кресло. Сердце у нее бешено колотилось, в ушах стоял гул. Мысли «полномочной представительницы» пребывали в полнейшем беспорядке, она не знала, что говорить и как поступать, а всего более ей хотелось вскочить на ноги и удрать без оглядки. Так бы она, без сомнения, и поступила, да вот беда – руки и ноги совсем перестали слушаться. Но потом, к своему величайшему облегчению, она заметила позади Роники мальчика-слугу, да не одного, а в обществе нескольких почтенных торговцев.

Серилла преисполнилась такой благодарности за это неожиданное появление, что слезы обожгли ей глаза.

– Хватайте ее! – выкрикнула она, и голос прозвучал умоляюще. – Она мне угрожает!

Роника весьма спокойно повернула голову и оглядела вошедших. Те, в свою очередь, испытали явное потрясение, и оно пригвоздило их к месту. Роника медленно выпрямилась, поворачиваясь к Серилле спиной.

– Мое почтение, господа, – холодно-учтиво прозвучал ее голос. – Торговец Друр. Торговец Конри. Торговец Дивушет. Я искренне рада, что вам было угодно появиться именно сейчас. Возможно, это поможет мне получить ответы на некоторые вопросы!

Выражение лиц трех достойных мужей отчетливо сказалось Серилле, что ее плачевное положение не сильно переменялось к лучшему. Потрясение. Неподдельное чувство вины. Все это, впрочем, было очень быстро спрятано под вежливо-деловитыми минами.

Один только торговец Дивушет не сразу отвел глаза.

– Роника Вестрит! – выговорил он так, словно перед ним предстала воскресшая из мертвых. – А я был уверен, что ты...

И он обернулся к своим спутникам. Но те уже полностью овладели собой.

– Что случилось? – начал было торговец Друр, но Конри перебил:

– Боюсь, мы помешали частной беседе. Право, мы вполне можем зайти и попозже.

– Ни в коем случае, – очень серьезно ответила Роника, как будто обращались не к Серилле, а к ней. – Если, конечно, вы не желаете отдать вопрос моей жизни и смерти на единоличный откуп Подруге. То, что мы с ней здесь обсуждали, по всей справедливости должно решаться Советом торговцев, а не Подругой сатрапа. Господа, как вы, без сомнения, знаете, моя семья подверглась жестокому нападению, которое, помимо прочего, послужило поводом для очернения нашей репутации столь существенным, что нашим жизням отныне угрожает опасность. Все началось с предательского убийства торговца Рестара, после чего убийцы залили его имя грязью, дабы их деяние выглядело законным возмездием. И я пришла сюда требовать, чтобы Совет со всем вниманием рассмотрел это дело и восстановил справедливость!

Глаза Дивушета стали неподвижными и холодными.

– Справедливость уже свершилась, – сказал он. – Рестар был предателем. Это все знают! Его слова не произвели на Ронику особого впечатления.

– Я это уже много раз слышала. Все что-то знают, но ни одна живая душа не предъявила мне ни единого мало-мальского доказательства!

– Роника, будь благоразумна, – упрекнул ее Друр. – Удачный наполовину разрушен. Идет гражданская война. Совету некогда заниматься разными мелочами.

Но Роника стояла на своем твердо.

– Убийство – не мелочь! – был ответ. – А рассмотрение жалобы любого торговца из старинной семьи составляет святую и непреложную обязанность Совета. Его затем ведь и образовали когда-то, чтобы всякий торговец мог воззвать к справедливости вне всякой зависимости от того, хорошо у него идут дела или худо! И вот я требую, чтобы эта обязанность была исполнена. Я утверждаю, что убийство Давада и нападение на моих близких произошло из-за ничем не обоснованных слухов. Это был не суд над предателем, а самое что ни на есть предательское деяние! Вы полагаете, что разоблачили и казнили преступника, а я утверждаю, что истинные преступники разгуливают на свободе. Что случилось с сатрапом, лично мне неизвестно. А эта дама только что намекнула, что знает! В ту ночь он был захвачен и увезен силой. Вряд ли с этим фактом так уж хорошо согласуются ее слова, что он «вынужден скрываться, дабы не подвергать опасности свою жизнь»! По мне, больше похоже на то, что Удачный дал себя втянуть в джамелийский заговор по низложению сатрапа, в результате которого нас же еще во всем и обвинят. Кроме того, насколько мне известно, госпожа Подруга намерена начать с калсидийцами переговоры. Позволительно спросить, господа, что она рассчитывает им предложить, дабы заста-

вить их смягчиться? Что она предполагает открыть от владений и достатка Удачного? Покамест отсутствие сатрапа приносит ей сплошную выгоду, дает богатство и власть. Быть может, преследуя некие личные цели, она подбила кого-то из торговцев на похищение государя?.. Если это действительно так, то вот вам и изменники, и измена. Может быть, если убийство Давада для Совета есть мелочь, не стоящая рассмотрения, хоть это привлечет его высокое внимание? Или возможность заговора – тоже пустяк, решаемый, как тут недавно выразились, в «частной беседе»?

Вот когда у Сериллы окончательно пересохло во рту. Трое мужчин неуверенно переглянулись. Слова безумной старухи явно заставили их многое пересмотреть. Сейчас они обратятся против нее!

Мальчишка-слуга снова замаячил в коридоре. Потом в глубине наметилось движение, и в комнату вступили Роэд Керн с Крионом Трентором. Роэд, высокий и худощавый, во всех отношениях подавлял своего низенького мягкотелого спутника. Длинные черные волосы Роэда были связаны в хвост, как у воинов из варварских стран. В его темных глазах всегда тлел какой-то звериный огонек; теперь они горели откровенной кровожадностью заматеревшего хищника. Он посмотрел на Ронику. В присутствии этого молодого торговца Серилле обычно делалось отчетливо не по себе, но теперь она готова была благодарить Небеса за то, что явился именно он. Уж он-то против нее не пойдет!

– Здесь произносили имя Давада Рестара, – сурово начал Роэд. – Если кому-то не по сердцу тот способ, которым он окончил свои дни, пусть разговаривает со мной!

Он с вызовом смотрел на Ронику, и вызов был принят. Роника выпрямилась еще сильнее и бесстрашно подошла к нему вплотную. Ростом она была ему едва до плеча. Ей пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему прямо в глаза.

– Сын торговца, – сказала она, – признаешь ли ты, что на твоих руках кровь торговца из старинной семьи?

Кто-то из старших торговцев испуганно ахнул, и даже Роэд на мгновение замаялся: ничего подобного он явно не ожидал. Крион нервно облизал губы. Потом у Роэда вырвалось:

– Рестар был предателем!

– Докажи мне это! – взорвалась Роника. – Докажи мне это, и я замолчу. Хотя нет! Был он предателем или нет – все равно то, что с ним сделали, было не справедливой карой, а убийством. Да что я! Вы себе самим это докажете, господа мои! Подозревать Давада Рестара в намерении похитить сатрапа! Да какая нужда ему была похищать человека, и так гостившего у него в доме! И вот еще что. Объявив Давада предателем и решив, что его убийство искоренило опасный заговор, вы навредили сами себе. Настоящие заговорщики – если вправду был такой заговор – в данное время живехоньки и могут продолжать творить зло. Подумайте: а что, если кто-то, искусно дергая ниточки, вынудил вас пойти на то, чего вы, по вашим словам, опасаетесь всего больше? А именно похитить сатрапа и навлечь на город державный гнев Джамелии? – Она справилась с собой и снова заговорила ровным голосом, очень спокойно: – Я знаю, что Давад не был предателем. А вот в дураках запросто мог оказаться. Да, его считали ловким пронырой, но, как говорится, на всякого мудреца довольно простоты. Мог он нарваться на кого-нибудь куда коварней себя. Вот что я предлагаю, почтенные господа. Нужно тщательно изучить бумаги Давада, все время спрашивая себя, кто мог его использовать? Мы ведь торговцы. И он был торговцем. А значит – в чем выгода? И кому выгодно? – Роника Вестрит обвела глазами всех присутствовавших по очереди. – вспомните как следует все, что вам было известно о Даваде. Он что, заключил хоть один договор, если не был железно уверен, что сделка принесет ему выгоду? Полез хоть раз на рожон? Сунул голову туда, где было опасно? Да, в общественной жизни он был изрядным растяпой, еще немного – и его перестали бы принимать не только старинные семьи, но и «новые купчики». И вот такому-то человеку вы приписываете духовную силу и опыт, чтобы возглавить заговор против самого могущественного властителя в этом

мире? – Тут Роника презрительным кивком головы указала на Сериллу. – Спросите-ка у госпожи Подруги, откуда она почерпнула сведения, чтобы сделать подобные выводы. Возможно, она назовет какие-то имена. Сравните их со списком тех, кто вел дела при посредстве Давада, и, вероятно, получите хоть какую-то печку, от которой можно будет плясать. А когда придете к тем или иным ответам – милости прошу ко мне домой. Я буду там. Если, конечно, сын торговца Керна не сочтет, что наилучший выход из создавшегося затруднения – это убить еще и меня!

Роника стояла перед ним собранная и прямая, как меч, вынутый из ножен. И смуглый молодой красавец неожиданно побледнел, так что вид у него сделался ну просто больной.

– Давада Рестара просто выбросило из кареты, – проговорил он наконец. – Никто, собственно, не намеревался его убивать.

– От ваших намерений никому теперь ни жарко ни холодно, – с ледяным спокойствием ответила Роника. – Вы, между прочим, и о нас даже не подумали позаботиться. А ведь Малта слышала, что именно ты сказал, бросая ее умирать там. Она видела и слышала тебя. И ей удалось выжить отнюдь не благодаря кому-то из вас. Итак, господа мои, торговцы и сыновья торговцев! Я думаю, нынче вечером у вас будет много пищи для размышлений. Засим честь имею кланяться!

И пожилая женщина в потрепанном платье выплыла из комнаты с величием императрицы. Проводив ее взглядом, Серилла испытала ни с чем не сравнимое облегчение. Увы, благодать длилась недолго. Роника-то ушла, но торговцы остались, и под их взглядами Серилле сразу стало ужас как неуютно. Она мигмом вспомнила свой вскрик, сопроводивший их появление, и съежилась. Но все-таки решила исправить положение дел.

– Эта женщина не в своем уме, – сообщила она им, понизив голос. – Как вовремя вы появились! Я думаю, еще немного – и она накинулась бы на меня! – И добавила уже совсем тихо: – Пожалуй, следовало бы ограничить свободу передвижений несчастной, для ее же блага разумеется!

– В то, что выжил еще кто-то из членов ее семьи, мне не очень-то верится, – начал было Крион.

– Да заткнись ты! – оборвал приятеля Роэд Керн. Обвел комнату хмурым взглядом и заявил: – Я согласен с Подругой. Роника Вестрит спятила. Входить в Совет с требованием разбирательства по поводу убийства! Неужели она не понимает, что гражданскому праву не место во время войны? На войне нужны сильные люди, способные действовать! Если б в ночь первых поджогов мы стали ждать сбора Совета и тем паче его решений, в городе сейчас хозяйничали бы калсидийцы! Вот тогда-то и сатрап был бы мертв, и на нас уже давно повесили бы всех собак. В ту ночь мы действовали без всяких Советов, и это принесло нам победу! Мы спасли город! Мне жаль, что Рестар и женщины Вестритов угодили под горячую руку и пострадали, когда мы умыкали сатрапа... ну так нечего было лезть с ним вместе в карету. Они сами выбрали его в спутники, а с ним и свою судьбу!

– Умыкали? – поднял бровь торговец Друп. – А мне-то рассказывали, что это мы предотвратили умыкание, задуманное «новыми купчиками».

Но Роэд Керн ничуть не смутился.

– Ты прекрасно знаешь, что именно я имею в виду, – проворчал он и отвернулся. Подошел к окну и стал смотреть наружу, в сгустившуюся темноту, словно желал проследить за удалявшейся Роникой.

Друп покачал головой. У него в волосах было порядочно седины, но сейчас он определенно выглядел старше своих лет.

– Я знаю, что мы изначально имели в виду, но все нечаянным образом пошло так, что... – И он замолчал, не договорив. Потом медленно обвел глазами людей в кабинете. – Между прочим, именно по этой причине мы и явились сюда сегодня, Подруга Серилла. Мы с друзьями

начали крепко опасаться, что, пытаясь сберечь Удачный, мы на самом деле сделали опасный шаг к разрушению самой его сути.

Лицо Роэда потемнело от гнева.

– А я, – перебил он, – пришел заявить, что мы, молодые, – мы, составляющие это самое сердце! – находим, что, напротив, опасно останавливаться на полпути. Ты хочешь вступить в сношения с «новыми купчиками», так ведь, Друр? Невзирая на то, как они разок уже поступили с нашим переговорщиком? Ты, похоже, готов запродать им мое законное наследство ради того, чтобы купить себе спокойную старость. Что ж, пусть твоя дочь сидит дома за кружевом, пока мужчины умирают на улицах Удачного. Может, она позволит тебе ползать на коленях перед «новыми», раздавая им наши права ради установления мира, – но мы не позволим! А то мало ли что ты еще выкинешь. Ты, наверно, и дочку свою готов калсидийцам отдать, чтобы мира добиться?

Лицо торговца Друра побагровело, как индюшачья борода. Он сжал кулаки.

– Тише, господа мои, тише, – негромко вмешалась Серилла. Напряжение в комнате звенело как натянутые струны, и в сплетении этих струн она чувствовала себя пауком в паутине. Вот все они повернулись к ней и стали ждать, что она скажет. Серилла восторжествовала, и ее восторг мгновенно выжег страх и беспокойство, владевшие ею мгновение назад. Торговцы Удачного рассорились между собой, и обе стороны пришли к ней за советом. Ну чем не победа? Чем не свидетельство их о ней высокого мнения? Надо только суметь удержать в руках эту власть, и до конца жизни ей не о чем будет заботиться. Итак, приступим. Но осторожно. Очень осторожно.

– Я предвидела, что подобный миг однажды наступит, – изящно солгала она. – Это была одна из причин, побудивших меня уговорить сатрапа приехать сюда и самолично разрешить назревающий спор. Вы видите друг в друге едва ли не вражеские группировки... но с точки зрения всего остального мира вы – неделимое целое. И вам, господа торговцы, пора взглянуть на себя именно так! Я ни в коем случае не имею в виду... – Серилла чуть повысила голос и предостерегающе подняла руку, ибо заметила, что Роэд Керн уже набрал в грудь воздуха, собираясь возразить. – Я ни в коем случае не имею в виду, что ради этого вам придется поступаться чем-то исконным и изначальным. Торговцы и их сыновья могут быть совершенно уверены, что сатрап Касго не отнимет у вас ничего из пожалованного сатрапом Эсклеписом. Но если вы не будете достаточно осмотрительны, вы можете все потерять, потому что времена изменились, и вам следует принять это и признать. Поймите, что Удачный перестал быть глухими задворками страны, как когда-то. Более того, он вполне способен занять достойное место среди главных торговых портов всего мира. Но для этого он должен сделаться более терпимым и многоукладным, нежели раньше. И притом не растерять своеобразных качеств, которые делают его неповторимой драгоценностью в сатрапской короне!

Ею двигало совершенно замечательное наитие. Слова сами просились на ум и сыпались с языка, складываясь в весомые и красивые фразы. Торговцы, что называется, развесили уши. Собственно, Серилла сама не знала, что намерена предложить во исполнение нарисованной ею великолепной картины, но это особого значения не имело. Пришедшим к ней людям необходимо было решение. Они нуждались в нем до такой степени, что готовы были слушать любого, кто хоть словечком намекнет им, я, мол, знаю КАК. Она откинулась в кресле, наслаждаясь моментом. Все смотрели только на нее.

Первым заговорил Друр.

– Ты поведешь переговоры с «новыми» от нашего имени? – спросил он.

– Ты настоишь на положениях изначальной хартии? – эхом откликнулся Роэд Керн.

– Всенепременно, – ответила Серилла сразу обоим. – Я в городе человек посторонний.

И я же – представитель сатрапа. Значит, только я могу обеспечить Удачному мир. Длительный мир, и притом на условиях, благоприятных для всех. – Она сверкнула глазами, благо умела это

делать, и добавила: – Кроме того, в качестве полномочного представителя государя я сообщу калсидийцам, что, замахиваясь на некую часть джамелийских владений, они нападают на саму Джамелию. И Жемчужный Трон такого оскорбления не потерпит!

И напряжение в комнате сразу стало спадать. Так, как если бы ее слова уже воплотились в дела и все цели были достигнуты. Расслабились напряженные плечи, разжались кулаки, на шеях перестали пульсировать жилы.

– Только прекратите усматривать друг в дружке врагов, – сказала Серилла. – Лучше принесите в общее дело кто чем богат! – И она указала поочередно на обе едва не схлестнувшиеся стороны. – Вы, старшие, хорошо знаете историю Удачного, у каждого из вас за плечами многие годы переговоров и сделок. Вам как никому должно быть известно, что невозможно получить выгоду, не поступившись чем-нибудь менее важным. И это касается всех. А вы, юные, хорошо понимаете, что ваше будущее напрямую зависит от признания положений изначальной хартии всеми живущими в этом краю. Сила молодых – это сила их убежденности и твердая воля юности. И значит, перед лицом грозящей опасности вам непременно следует объединиться. Только тогда будет отдана должная дань прошлому и обеспечено будущее!

Две кучки стоявших перед нею мужчин понемногу начали обмениваться взглядами. И не косыми, как поначалу, – враждебность смягчалась, уступая место робкому дружелюбию. Серилла ощутила новый взлет вдохновения. Вот оно, вот то, для чего она родилась! «Удачный, судьба моя! Я сумею объединить тебя и спасти. Ты еще станешь МОИМ...»

– Час поздний, – тихо проговорила она. – Прежде чем принимать серьезные и непростые решения, всем нам необходимо передохнуть. И поразмыслить. Я буду ждать всех вас завтра, чтобы вместе пополадничать. К тому времени я надеюсь привести в должный порядок свои мысли и сформулировать предложения. Если мы полагаем, что нужно вступить в переговоры с «новыми купчиками» – ведь так? – я позволю себе предложить список «новых», которые представляются мне не только способными вести переговоры по-деловому, без оскорблений, но и которые достаточно могущественны в своей среде, чтобы представлять других. – Лицо Роэда вновь потемнело, и даже Крион недовольно нахмурился. Видя это, Серилла добавила с легкой улыбкой: – Но о чем это я, ведь мы еще не достигли по данному вопросу должного единомыслия. Конечно же, до тех пор я не предприму ни единого шага. И с превеликим вниманием выслушаю любое предложение, которое вы выдвинете!

На том распростились. Серилла напутствовала мужчин благосклонной улыбкой и вежливым «Доброй ночи, господа торговцы». Каждый из них подошел поцеловать ей руку и поблагодарить за водительство и советы. Дошла очередь до Роэда Керна, и она задержала руку опасного красавца в своей. Он удивленно вскинул глаза, и Серилла выговорила одними губами: *вернись попозже*. Его темные глаза округлились, но он ничего не сказал.

Мальчик-слуга проводил их к выходу. Тогда-то у Сериллы вырвался вздох величайшего облегчения. Все-таки она сумеет здесь выжить. Удачный будет принадлежать ей, и плевать на сатрапа. Его жизнь или смерть будут иметь очень мало значения.

Потом Серилла поджала губы и стала думать о Роэде Керне. Наконец, быстро поднявшись, она позвонила в колокольчик, призывая слугу. Пусть горничная поможет ей одеться в более официальный наряд. Все же Роэд Керн здорово нагонял на нее страху. Это человек поистине способный на все! Серилле совсем не хотелось, чтобы он воспринял ее приглашение как намек на любовное свидание. Нет, он увидит перед собой не привлекательную женщину, но владычицу, царственную и суровую.

Владычицу, которая отправит его выслеживать Ронику Вестрит и все семейство старухи.

Глава 3

Уинтроу

Проказница смотрела прямо перед собой, плавно рассекая морские волны. Ветер наполнил ее паруса и нес судно вперед. Форштевень³ резал воду, порождая два крыла белой пены. Летящие брызги оседали на щеках носового изваяния и унизывали ворох черных кудрей, спадавших на плечи.

Остров Иных, а потом и остров Гребнистый давно и благополучно остались у нее за кормой. Проказница шла на запад, покидая открытый океан и стремясь к узкому и опасному проходу между Ограждающей Стеной и островом под названием Последний. Там начиналась цепочка островов, за которыми лежали относительно безопасные воды Внутреннего прохода. И Пиратские острова, где, по сравнению с прочими местами, можно было числить себя почти совсем дома.

Наверху, на снастях, бодро сновали умелые пираты, и шесть парусов расправлялись во всю ширь, принимая дыхание ветра. Капитан Кеннит стоял на самом носу, стиснув длинными пальцами поручни и зорко щуя бледно-голубые глаза. Брызги щедро смачивали его белую рубаху и тонкий щегольской суконный жилет, но он не замечал ни влаги, ни холода. Капитан смотрел туда же, куда и носовое изваяние, – прямо вперед. Смотрел так, словно усилие его воли могло выжать из корабля еще бóльшую скорость.

– Уинтроу необходим лекарь, – неожиданно заговорила Проказница. И горестно добавила: – Нужно было оставить у себя того раба-хирурга с «Заплатки»! И даже насильно, если бы он не захотел по-хорошему!..

Изваяние обхватило себя руками за плечи – ожившая фигура отчаяния. Проказница не оглядывалась на Кеннита. Плотно сжав зубы, она напряженно вглядывалась в горизонт.

Пиратский капитан сделал глубокий вдох и тщательно стер со своего лица все следы раздражения и гнева.

– Я знаю, чего ты боишься, – ответил он. – Но, пожалуйста, пойми, что в твоих страхах нет толку. Мы все равно ничего не можем поделать. До ближайшего поселения еще несколько дней ходу. Пока мы доберемся туда, Уинтроу всяко либо умрет, либо пойдет на поправку. Кораблик мой, мы делаем для него все, что в наших силах. Он окружен всяческой заботой, и мы крепко надеемся на его тягу к жизни! – По правде говоря, кроме этой самой тяги, особо надеяться было не на что. Кеннит решил утешить Проказницу и добавил мягко: – Я знаю, как ты переживаешь о мальчике. У меня самого душа разрывается. Но он дышит, Проказница. Его сердце по-прежнему бьется. Он принимает воду, а потом мочится. Все это хорошие знаки, кораблик. Он борется за жизнь и стойко сопротивляется смерти. Поверь мне, уж я-то повидал на своем веку немало раненых и знаю, о чем говорю!

– Да, ты уже говорил, – коротко отозвалась Проказница. – И я слушала. А теперь, будь добр, сам послушай меня. Это не обычные раны, Кеннит. Не просто боль и телесные разрушения. Уинтроу НЕТ ТАМ, пойми наконец! Я его совершенно не чувствую! – Ее голос начал дрожать. – А коли так, я и помочь ему ничем не могу! Не могу облегчить его муки и поделиться с ним силой! Я беспомощна и бесполезна, а он...

Кеннит призвал на помощь всю свою выдержку. За его спиной старпом Йола взревел на матросов, обещая содрать у лентяев с ребер шкуры, если они не будут как следует вкалывать. «Пустое сотрясение воздуха, – подумалось Кенниту. – Что зря орать? Нет бы разок *сделать* это хоть с одним лодырем, и в дальнейшем навряд ли понадобились бы угрозы...»

³ Форштевень – передний брус по контуру носового заострения судна, соединяющий обшивку правого и левого борта.

Капитан скрестил руки на груди, словно это движение помогало ему умирять собственный нрав. Он знал: строгостью и окриками с кораблем ничего невозможно поделать. Но легко ли разговаривать ровным голосом и утешать чуть не плачущую деревянную красавицу, когда в его собственной душе открытой язвой сидела тревога за паренька? Уинтроу был жизненно необходим ему, и он отлично это понимал. Даже мысль о нем вызывала у капитана почти мистическое чувство взаимосвязанности. Судьба мальчика была теснейшим образом переплетена с его, Кеннита, удачей и его королевским предназначением. Иногда капитану даже мерещилось, что Уинтроу являл собой его собственную ипостась – только совсем юную и невинную, не изуродованную тяготами жизни. Такого рода размышления будили в душе Кеннита странную нежность. Он мог защитить этого мальчика. Мог стать для него наставником и старшим другом, которого никогда не имел сам. Но чтобы этого добиться, он должен был стать единственным, так сказать, опекуном парнишки. И вот тут связь Уинтроу с кораблем превращалась в препятствие. Пока она, эта связь, существовала, ни один из двоих – ни мальчик, ни корабль – не могли принадлежать ему, Кенниту, безраздельно.

Он заговорил с Проказницей ласково, но твердо:

– Уинтроу на борту, и тебе это отлично известно. Ты же сама нас спасла, а значит, все видела. Неужели ты полагаешь, будто я способен лгать тебе, утверждая, что он жив, в то время как он давно умер?

– Нет, – ответила она с тяжелым вздохом. – Лгать мне ты не станешь, я знаю. И потом, я бы непременно почувствовала его смерть. – Она так яростно тряхнула головой, что мокрые волосы разлетелись по сторонам. – Ты понимаешь... Нет, я не могу объяснить. Мы с ним связаны так давно и так прочно... Ты и представить не можешь, что это для меня такое – знать, что он на борту и вроде бы жив, но в то же время совсем не ощущать его присутствия! Он как часть меня, которую отрубили.

Ее голос сорвался: она вспомнила, что говорит с человеком, который в свое время испытал нечто подобное. Кеннит тяжело оперся на костыль и трижды притопнул по палубе деревяшкой, с некоторых пор заменявшей ему ногу. Он сказал:

– Уж так прямо я не способен понять твои чувства.

– Способен, наверное, – пришлось согласиться Проказнице. – Ах, Кеннит, наверное, на самом деле я просто не могу выразить, до чего мне без него одиноко. А все потому, что в уголках моего сознания таятся такие жуткие призраки. От них-то и происходит всякий дурной сон и всякая зловещая мысль, когда-либо меня посещавшая! Кто-то внутри меня злобно насмехается и бормочет, намекая неизвестно на что, и тем самым отнимает у меня чувство самости. – Она вскинула огромные ладони, искусно вырезанные из диводрева, и прижала к вискам. – Сколько я пыталась внушить себе, что мне более не нужен Уинтроу, что я и без него отлично знаю, кто я на самом деле есть! Да, и я думаю даже, что его разум не в состоянии объять огромность моего естества. – Она перевела дух, отчаиваясь подыскать достойные слова. – Да, порою он жутко раздражает меня. Он то бормочет всякие пошлости, то ударяется в богословскую заумь и не так, так этак доводит меня до того, что я готова поклясться – ох, насколько мне без него было бы легче, чем с ним! А потом он куда-нибудь девается, и вот тут я оказываюсь один на один со своей подлинной сущностью, и некому поддержать меня и укрепить, и...

Проказница снова тряхнула головой и долго молчала, но наконец заговорила опять.

– Когда мне на руки попала змеиная слизь, облепившая шляпку... – начала было она, но осеклась и продолжала совсем другим тоном: – Мне страшно, Кеннит. Если бы ты знал, какая жуть таится во мне! – И носовое изваяние выгнулось как могло, чтобы посмотреть на него через плечо. – Я ношу в себе какую-то страшную правду и страшусь, что однажды мне придется узнать ее. Да, у меня есть лицо, которое предстает внешнему миру. Но внутри скрыта еще тысяча лиц! Я чую в себе прошлое, простирающееся гораздо глубже моего собственного. И если я не буду настороже, однажды оно может вырваться наружу и все переменить во мне.

Тебе, наверное, кажется, что я несую ужасную чушь. И верно, как я могу быть еще чем-то кроме того, чем являюсь сейчас? Как я могу бояться себя самой? Я, право, сама этого не понимаю. А ты? Ты понимаешь?

Кеннит крепче сжал скрещенные руки и соврал:

– Я думаю, у тебя от расстройства воображение вконец разыгралось, моя морская красавица. И не более. Наверное, ты чувствуешь себя в чем-то виновной. Я ведь и сам себя съест готов за то, что взял Уинтроу на остров Иных, где его, оказывается, подстерегали такие опасности! А уж ты, должно быть, все чувствуешь вдесятеро острее, тем более что вы с ним в последнее время до некоторой степени отделились один от другого. Я знаю, что вклинился между тобой и Уинтроу, и прошу прощения за то, что нимало о том не сожалею. Сейчас ты подошла очень близко к тому, чтобы потерять его навсегда, и это заставило тебя оценить силу вашего единения. Ты размышляешь, что с тобой станется, если он умрет. Или покинет тебя. – Кеннит укоризненно покачал головой и криво улыбнулся Проказнице. – Ох, красавица моя, ты, похоже, все еще не до конца мне доверяешь! Хотя я и продолжаю твердить, что останусь с тобой навсегда, до конца дней своих. А ты знай цепляешься за Уинтроу, словно он единственный из людей достоин быть твоей второй половинкой! – Тут Кеннит сделал паузу, а потом, так сказать, покатил пробный шар, желая посмотреть, как она на него отзовется. – По-моему, сейчас самое время приготовиться к тому, что будет, когда Уинтроу рано или поздно решит нас покинуть. Как мы с тобой ни любим его, нам обоим известно, что сердце его не здесь. Он по-прежнему рвется в свой монастырь. Неизбежно настанет момент, когда, любя Уинтроу, мы должны будем его отпустить. Или ты не согласна?

Проказница отвернулась и вновь уставилась в море.

– Наверное, – сказала она.

– Тогда ответь, прекрасная повелительница морей, отчего ты не позволяешь мне занять его место подле тебя?

– Из-за крови и памяти, – невесело отозвалась она. – Мы с Уинтроу связаны общностью памяти и крови.

Кеннит медленно опустился на палубу. Это далось ему изрядной болью, потому что у него и так стонали и жаловались все члены. Он приложил пятерню к темному отпечатку на досках, в котором еще угадывались контуры его бедра и ноги.

– Моя кровь, – выговорил он негромко. – Вот здесь я лежал, когда мою ногу отделяли от тела. Моя кровь впиталась в тебя, и я знаю, что в тот момент наша память также слилась.

– Верно. И еще потом, когда ты умирал. Но... – Проказница вновь умолкла, а затем пожаловалась: – Уж кто бы говорил. Ты лежал без сознания, но все равно закрывался и прятался от меня. Ты разделил со мной только те воспоминания, которые сам выбрал. Все остальное прятала глубокая тень: ты не желал сознаваться, что эти воспоминания вообще существуют. – И в который уже раз она покачала головой. – Верно, я люблю тебя, Кеннит, но я совсем не знаю тебя. Ничего общего с тем, как знаем друг друга мы с Уинтроу. Я ведь храню воспоминания трех поколений его семьи, не говоря уже о его крови, которая тоже омочила мое диводрево. Мы с Уинтроу как два дерева, растущие из одного корня. – Проказница вдруг всхлинула и повторила: – Я совсем не знаю тебя, Кеннит! Ведь если бы я знала, я могла бы понять, что произошло, когда ты возвращался с острова Иных. Мне показалось, что ветер и сами волны слушались твоих приказаний! Морская змея склонилась перед твоей волей! И я не в силах понять, как такое стало возможно, хотя, кажется, все видела собственными глазами. А ты и объяснить даже не хочешь. – И очень тихо она докончила: – Ну вот как прикажете доверять человеку, который сам до конца мне не доверяет?

Довольно долго молчание летело мимо них вместе с ветром.

– Ясненько, – проговорил наконец Кеннит. Оперся на колено и с усилием выпрямился, хватаясь за костыль. Она обидела его, и он решил дать ей это понять. – Я могу только сказать

тебе, что еще не пришло время говорить с тобой о моей подлинной сущности. Я-то надеялся, что ты вправду любишь меня и сумеешь быть терпеливой. Что ж, больше у меня нет этой надежды. И все-таки, полагаю, ты достаточно изучила меня, чтобы поверить на слово: Уинтроу не умер. Более того, есть признаки, что он выздоравливает. И я нимало не сомневаюсь, что он придет к тебе немедленно, как только сможет. И когда это произойдет, я отнюдь не намерен путаться между вами. Третий – лишний.

– Кеннит! – крикнула она ему вслед, но он не остановился. Ушел, тяжело хромя. Добравшись до короткого трапа, что вел на палубу с бака,⁴ капитан одолел спуск без посторонней помощи, как ни трудно это было для одноногого. Правду молвить, и некому было ему помочь; Этта, обыкновенно неотлучно находившаяся при его персоне, нянчилась с Уинтроу. Кеннит даже подозревал, что с некоторых пор общество мальчишки было ей милее его собственного. Никто и понятия не имел, насколько вымотало капитана приключение на острове Иных, какое страшное духовное и телесное напряжение он там испытал! То-то к нему даже кашель привязался после продолжительного купания в теплой, казалось бы, воде. И до сих пор на малейшее движение болезненно отзывались все мышцы. Вот только никто даже не думал обращать внимание на его муки. Как же. В пострадавших числился один только Уинтроу, которому яд морской змеи опалил без малого всю кожу. Уинтроу... Единственный, кого Этта с Проказницей изволили замечать в этом мире!

– Ах, бедный Кеннит. Бедный пират, всеми обиженный. Никто-то его в целом свете не любит...

Еле слышный голосок издевательски-жалобно смаковал каждое слово. Это говорил резной амулет из диводрева, что Кеннит носил притянутым к запястью. Он бы навряд ли услышал этот голос, лишенный поддержки настоящего дыхания, если бы как раз не съезжал по неудобному трапу, цепляясь за поручни, так что кисть оказалась совсем рядом с лицом.

Но вот наконец его здоровая нога коснулась палубы внизу. Кеннит выпрямился, одергивая жилет и оправляя пышное кружево на манжетах. Ярость кипела в нем, искала выхода. Все и вся обратилось против него! Даже амулет из диводрева, созданный им, дабы привлекать удачу, и тот обратился против него, что, впрочем, было у него даже в обычае. Его собственная физиономия, его копия, уменьшенная и раскрашенная, кривилась в гнусной ухмылке. Кеннит невольно задумался, чем бы таким пригрозить маленькому стервецу.

Он поднял руку – как бы затем, чтобы разгладить усы. Приблизил паскудную рожицу к своему рту и негромко заметил:

– А ты знаешь, диводрево, вообще-то, неплохо горит.

– Как и человеческая плоть, – последовал немедленный ответ. – Мы с тобой связаны не мене тесно, чем Проказница с Уинтроу. Желаете испробовать крепость наших уз? Ногу, кажется, ты уже потерял. Хочешь попробовать, каково это – жить еще и без глаз?

Себе не соврешь: по спине пирата мгновенно пробежал холодок. Вот бы знать, что вообще известно этому гадкому существу?

– Ах, Кеннит. Какие секреты между такими, как ты да я? Смешно говорить! – Кажется, амулет отвечал не столько его словам, произнесенным вслух, сколько невысказанным мыслям. Действительно ли он читал их? Или просто угадывал? Но если так, до чего же здорово у него получалось! – Вот, в частности, некий секрет, которым меня так и подмывает поделиться с Проказницей, – продолжал безжалостный гном. – Может, сообщить ей, что ты и сам понятия не имеешь, что именно произошло во время вашего спасения? И когда отгорел твой вдохновенный восторг, ты накрылся с головой одеялом и дрожал, точно младенец, пока Этта нянчилась с Уинтроу. – Помолчал и добавил: – Воображаю, как Этта будет смеяться.

⁴ Бак – возвышенная носовая палуба судна.

Кеннит незаметно покосился на свое запястье и увидел знакомую язвительную ухмылку. Он заставил себя одолеть гнетущее беспокойство и загнал его куда подальше. Нет уж, он не удостоит несносного малютку ответом! Он забрал свой костыль, на время спуска по трапу оставленный валяться на баке. И проворно заковылял в сторону, чтобы не мешать матросам, представлявшим парус согласно последним распоряжениям Йола.

Отогнать от себя тревожащие мысли оказалось много труднее. Так что же все-таки произошло, когда они с боем покидали остров Иных? Кругом свирепствовал шторм, а Уинтроу лежал на дне лодки и, по всей видимости, находился при смерти. А он, Кеннит, неописуемо разъярился на злодейку-судьбу, вознамерившуюся отнять его счастье, как раз когда всего лишь шаг отделял его от осуществления заветных мечтаний. Тогда-то он и поднялся во весь рост в уютной шлюпке, грозя морю кулаком и запрещая волнам топить его, а ветру – противостоять. И ведь они прислушались к его слову! Более того – из пучины поднялась морская змея, та, вызволенная на острове. И помогла воссоединить шлюпку с его кораблем.

Кеннит глубоко вдохнул и выдохнул, стараясь заглушить страх перед собственной божественной силой. Хватит уже и того, что перед ним самым неприличным образом благоговела команда, готовая помереть от ужаса при малейшем признаке его недовольства. Даже Этта и та содрогалась от его прикосновения и, разговаривая с ним, не смела поднять глаза. Конечно, она то и дело срывалась на прежнюю близость, но лишь для того, чтобы тотчас осознать собственную греховность.

И только корабль общался с ним без всякого страха – как прежде. И хуже того, Проказница аккуратно нынче созналась, что сотворенное им чудо воздвигло между ними еще одну препону. «За что?» Кеннит положительно отказывался становиться жертвой их суеверий. Мало ли что произошло! Надо принять это и жить дальше.

Как ни крути, командование кораблем подразумевает некоторую отстраненность капитана, его отчуждение от простых смертных людей. Капитан не может позволить себе быть своим в доску с кем бы то ни было на борту. И Кеннит всегда наслаждался духовным уединением, даруемым властью. Его нынешнее положение несло с собой и иные выгоды. Его бывший старпом, Соркор, до некоторой степени утратил почтительность с тех пор, как взял под свое командование «Мариетту». И что же? «Чудо о шторме» мгновенно и основательно упрочило Кеннита в его глазах как высшую и недосягаемую величину. Бывший старпом смотрел на него теперь как на настоящего живого бога.

Но у медали имелась и еще одна сторона. Кеннит отчетливо понимал одну простую вещь: чем выше заберешься, тем больней падать. Так вот, стоит теперь допустить малейшую ошибку – и ему конец. Полный и окончательный. Путь, на который он вступил, делался все уже и круче.

Кеннит подумал об этом хорошенько и скривился в своей обычной полуулыбке. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь догадался о его озабоченности!

Твердо шагая, он направился к каюте Уинтроу.

* * *

– Уинтроу. Попей водички. Попей.

Этта поднесла к его рту маленькую влажную губку и сжала ее пальцами. Потекли капли. Обожженные губы дрогнули, приоткрываясь. Распухший язык слабо шевельнулся во рту, и Уинтроу слотнул. Едва, впрочем, при этом не задохнувшись.

– Еще? – спросила Этта заботливо. – Хочешь еще?

Она низко склонилась над ним, глядя в его лицо и напряженно ожидая ответа. Ну пожалуйста. Ну хоть что-нибудь! Пускай бы дрогнуло веко. Или ноздри затрепетали.

Ничего.

Этта вновь смочила губку.

– Еще водички, – то ли попросила, то ли предложила она. Тонкая струйка снова пролилась в его рот. Уинтроу послушно сглотнул.

Этта еще трижды поила его. Последняя толика воды стекла по синюшно-багровой щеке. Этта осторожно промокнула ее – и вместе с тряпочкой отстал лоскут кожи. Этта отодвинула чашку и сидела неподвижно, вглядываясь в изуродованное лицо. Утолил ли он жажду или просто устал глотать? Она попробовала сосредоточиться на положительных сторонах происходившего. По крайней мере, Уинтроу был жив. Он дышал. Он пил воду. Достаточные основания для надежды? Как сказать...

Этта положила губку в блюдо с водой и стала рассматривать собственные руки. Она тоже порядком обожглась, спасая Уинтроу. Когда она подхватила паренька, не давая ему тонуть, с его одежды ей на кожу попало вполне достаточно ядовитой змеиной слизи. После нее остались блестяще-красные пятна и полосы, болезненно саднившие от всякого прикосновения, от холода и от тепла. Вот таких дел наделала отравка даже после того, как почти вся ее сила ушла на одежду и кожу Уинтроу.

Ну а что сделалось с бедным мальчиком, словами просто не передать. Добротная одежда Уинтроу истончилась, расплзлась и разлезлась в клочки, а тело... тело, кажется, начало таять, словно снег в кипятке. Его рукам досталось больше всего, но попало и по лицу. Даже волосы оказались почти съедены, так что вместо аккуратной моряцкой косички на голове Уинтроу теперь торчали неровные черные клочья. Да и те Этта сразу обрезала как можно короче, чтобы не прилипали к открытым ожогам.

От этого несчастный парнишка стал выглядеть еще младше, чем был.

Кое-где его раны можно было счесть простыми солнечными ожогами. В других местах здоровая загорелая кожа перемежалась с влажными пятнами обнаженного мяса. Лицо сплошь распухло, глаза превратились в щелки, а пальцы – в сосиски. В груди хрипело и клочкотало. Простыни липли к мокнувшим ожогам. По всему выходило, что парень должен был жутко мучиться от боли, но, странное дело, он почти не выказывал признаков страдания.

И вообще, он до такой степени ни на что не отзывался, что Этта всерьез боялась, уж не означало ли все это приближения смерти?

Она крепко зажмурилась, прогоняя прочь черные мысли. Если Уинтроу умрет, в ее сердце воскреснет вся та боль, которую, как ей казалось, она уже заставила себя пережить и запереть в прошлом. Какая чудовищная несправедливость – потерять его именно теперь, когда она только-только привыкла ему доверять! Он выучил ее грамоте. А она выучила его драться. Она так ревниво оспаривала у него внимание Кеннита, что даже сама не заметила, в какой момент парнишка сделался ее другом.

Как могла она допустить подобную неосторожность?

Потянуться к кому-то, опять делаясь уязвимой?

Так уж получилось, что она знала его лучше, чем кто-либо другой на борту. Для Кеннита Уинтроу был чем-то вроде счастливой карты в игре, пророком его грядущих побед. Конечно, Кеннит ценил парня. Может, даже любил его – на свой скупой и скаредный лад. И команда приняла Уинтроу. Сперва – весьма неохотно. Но какая отцовская гордость проснулась в Кеннитовых головорезах, когда в Делипае кроткий тихоня повел себя как мужчина, выхватил нож и поднял голос, провозглашая Кеннита королем! Как всем хотелось, чтобы Уинтроу отправился на берег Сокровищ! Моряки были уверены: любая его находка окажется знамением будущего величия короля Кеннита. Даже Соркор не просто терпел паренька. Он баловал его и любил.

Но никто из них не знал его так, как знала она. Если он умрет, они опечалятся. А она, Этта... Она будет ограблена.

«Нет!» Усилием воли она заставила себя забыть о собственных чувствах. В конце концов, они не имели никакого значения. Вопрос вопросов состоял в том, каким образом смерть Уинтроу повлияет на Кеннита? Этта силилась догадаться, но не могла. Каких-то пять дней

назад она могла бы поклясться, что неплохо изучила пиратского капитана. Уж всяко не хуже других. Нет, она вовсе не претендовала, будто знает все его тайны. В этом смысле Кеннит был закупоренным сосудом. Он поступал, как считал нужным, и чаще всего побуждения капитана составляли тайну, покрытую мраком. Однако при всем при том он был добр к Этте. И даже более того. О себе она могла твердо сказать, что любит его. И ей этого хватало. Об ответной любви она и заикаться не смела. Это был КЕННИТ. И все. Чего еще можно было желать от мужчины?

Поэтому она с такой терпеливой усмешкой выслушивала робкие поначалу, а потом все более откровенные рассуждения Уинтроу на его счет. Поначалу он совершенно не доверял Кенниту. Потом его недоверчивость медленно, но верно переросла в убежденность, что пиратский капитан был избран Са для какого-то великого дела. Этта подозревала, впрочем, что Кеннит искусно играл на доверчивости мальчишки, подогревая его веру в себя, чтобы в дальнейшем использовать ее в своих целях. Любя Кеннита, Этта в то же время крепко подозревала: нет такого обмана, на который он не пустился бы, если бы счел это полезным. На взгляд Этты, такое свойство натуры ничуть не умаляло достоинств ее капитана. Для достижения цели нужно использовать все подручные средства, и это правильно и хорошо!

...Но как же все переменялось, когда Кеннит воздел руки и возвысил голос, укрощая морской шторм и подчиняя своей воле страшную морскую змею! С тех самых пор Этта не могла отделаться от впечатления, будто ее любимого мужчину подменили кем-то другим. И не ей одной так казалось. Пиратская команда, та самая, что прежде готова была очертя голову броситься за Кеннитом в любое кровавое пекло, – эта орава бесстрашных мужиков теперь немела при его приближении и чуть ли не в обморок падала, если он напрямую обращался к кому-либо. А сам он... Сам он, похоже, происходившее едва замечал! Вот что самое странное. Кажется, он принял свое чудо как должное – и рассчитывал, что все прочие точно так же отнесутся к случившемуся! По крайней мере, с Эттой он разговаривал и обращался в точности как прежде. Подумать только – он и прикасался к ней совершенно по-прежнему! К ней, ни в коем случае не достойной прикосновений подобного Существа! Близость с ним – вернее сказать, с Ним – выходила за пределы ее разумения, но и уклониться от постельных обязанностей, хотя бы и из благоговения, было в равной степени невыносимо. Кто она, в конце концов, такая, чтобы оспаривать Его волю?

Кто же такой Кеннит? Что он такое?

Когда она задавала себе этот вопрос, на ум сами собой приходили слова, от которых она еще не так давно насмешливо отмахнулась бы. Отмеченный Свыше. Возлюбленный избранник Са. Судьбоносец. Человек из пророчеств. Смехотворно? Ни капельки. Наоборот, совсем не смешно! Разве Кеннит с самого начала не отличался решительно от всех мужчин, которых она когда-либо знала? Для него, кажется, никогда не существовало ни единого правила. Он одерживал победы там, где терпел поражение любой. Он добивался невозможного, не прилагая видимых усилий. Он ставил перед собой задачи, которых не мог объять ее рассудок. Он заманивался на такое, что она только диву давалась. Кто еще мог похвастаться захватом настоящего живого корабля из Удачного? Кто еще сумел выжить после того, как морской змей оттяпал ему половину ноги? Кто, кроме Кеннита, был способен заставить нищие деревушки Пиратских островов осознать себя форпостами могущественного королевства? Его, Кеннита, королевства?

Что же за человек способен взлелеять в своей душе подобные мечты? Не говоря уже о том, чтобы последовательно претворять их в жизнь?

Подобные размышления заставляли Этту еще острее переживать несчастье с Уинтроу. Будь он в сознании, он бы поразмыслил с нею вместе и, может быть, хоть что-нибудь объяснил. Да, Уинтроу был еще очень юн, но почти вся его недолгая жизнь прошла в монастыре, за книгами, в умственной и духовной работе. Помнится, когда они только встретились, Этта исполнилась к нему величайшего презрения именно из-за его образованности и неистребимо учти-

вых манер. А теперь убивалась, что не может излить ему свое душевное смятение и получить поддержку! Он ведь управлялся со всякими учеными словами – ну там, «стезя», «знамение», «предназначение» – так же легко, как она – с отборными матюгами! В его устах вся эта заумь звучала как-то так, что Этте удавалось поверить...

Она поймала себя на том, что рассеянно тербит пальцами маленький мешочек, который носила на шее. Вдохнув, Этта раскрыла мешочек и вытащила крохотную фигурку. Ту самую, что застряла у нее в сапоге вместе с уймой песка и морских ракушек с острова Иных. Впервые обнаружив фигурку, Этта спросила Кеннита, что может означать подобная находка, принесенная со знаменитого берега Сокровищ. «Ты сама знаешь», – был ответ. Напугавший ее, кстати, куда хуже любого зловещего пророчества, которое Кеннит мог бы изречь.

– А я не знаю. Честно... – проговорила она, обращаясь к Уинтроу. Кукольная фигурка лежала у нее на ладони. На ощупь она напоминала слоновую кость, но была окрашена точно под цвет розовой младенческой кожи. У свернувшегося клубочком спящего ребеночка было все как полагается: крохотные ушки вроде морских ракушек, улегшиеся на щеки ресницы... и змеиный хвост, обернутый кругом тела. Фигурка мигом нагрелась в руке, мягкие выпуклости так и хотелось погладить. Этта провела пальцем по розовой спинке.

– Похоже на младенчика, – продолжала она рассуждать вслух. – Но что это может значить? – Она понизила голос и заговорила так, словно Уинтроу мог ее слышать: – Ты знаешь, Кеннит в самом деле как-то заговорил со мной о ребенке. Он спросил, могу ли я родить для него, если он пожелает. И я ответила, что конечно смогу. Так, может, в этом все дело? Кеннит скоро захочет, чтобы я родила ему ребенка?

Ее ладонь невольно потянулась к животу, весьма, кстати сказать, плоскому. Пальцы нашарили сквозь рубашку крохотный бугорок. Это был амулет в виде колечка, украшенного крохотным черепом из диводрева. Он предохранял женщин и от беременности, и от опасной заразы.

– Мне страшно, Уинтроу, – пробормотала бывшая шлюха. – Мне ли о подобном мечтать? А что, если у меня не получится? Что, если я вдруг его подведу?

– Я никогда не потребую от тебя ничего непосильного, – прозвучало сзади.

Этта с придушенным криком взвилась на ноги. Кеннит стоял у нее за спиной, на пороге каюты. Вконец оробев, она прикрыла рот ладонью и виновато пробормотала:

– Я... я не слышала, как ты подошел.

– Зато я слышал, как ты разговаривала. Неужели наш мальчик очнулся? Уинтроу?

И Кеннит, обнадеженный, кособоко ввалился в каюту, не сводя глаз с неподвижного Уинтроу на постели.

– Нет, к сожалению, – вздохнула Этта, продолжая стоять. – Он выпил немного воды, но иных признаков улучшения пока нет.

– И тем не менее ты задаешь ему вопросы, – задумчиво проговорил Кеннит. Повернулся к ней и прожег Этту пронзительным взглядом.

– А с кем же мне еще поделиться сомнениями... – начала было она, но не договорила. – Ну... то есть... Я имею в виду...

Кеннит нетерпеливо отмахнулся.

– Знаю я, что ты имеешь в виду, – сообщил он ей, усаживаясь на стул, с которого она встала. Отпустил костыль, и Этта подхватила его, прежде чем он брякнул об пол. Кеннит нагнулся над Уинтроу, пристальнее вглядываясь в его лицо, и глубокая морщина прорезала его лоб. Длинные пальцы коснулись распухшей щеки юноши почти по-женски нежно и бережно. – Мне тоже недостает его советов, – сказал Кеннит, глядя остриженную щетину на голове Уинтроу. Щетина, впрочем, была жесткая, Кенниту не понравилось ощущение, и он убрал руку. – Я подумываю вынести его на бак, поближе к носовому изваянию. Чего доброго, Проказница поможет ему скорее поправиться.

– Но... – начала было Этта. Мгновенно прикусила язык и опустила глаза.

– Ты не согласна? Почему?

– Я совсем не хотела... прости...

– Этта! – рявкнул Кеннит так, что она подпрыгнула. – Только избавь меня от подобострастного нытья, пока я не рассердился! Если я спрашиваю – значит, я жду ответа, а не слабоумного хныканья. Так почему ты против того, чтобы вынести парня на бак?

Пришлось Этте проглотить свои страхи и ответить по-деловому:

– Потому, что он весь в струпьях и они мокнут и отрываются. Если сдвинуть его с места, мы разбередим половину ожогов, и это не улучшит его состояния. А солнце и ветер еще и начнут сушить открытые раны. Они засохнут, потрескаются и...

Кеннит смотрел на Уинтроу, обмозговывая услышанное.

– Ясно, – сказал он затем. – Но мы понесем его со всей осторожностью, да и оставим там лишь ненадолго. Видишь ли, кораблю нужно всенепременно убедиться, что мальчик действительно жив. Да и ему необходима ее сила, чтобы побороть смерть.

– Тебе наверняка виднее... – начала Этта, но Кеннит пресек дальнейшие возражения, перебив:

– Вот именно. Поди позови матросов. Я буду ждать здесь.

* * *

Уинтроу плавал в темной теплой пучине, стараясь держаться подальше от внешнего мира. Где-то там, на ином плане бытия, царствовали тени и свет, раздавались голоса и ощущались болезненные прикосновения. Но и в уютной тихой глубине ему не давали покоя. Здесь обитало еще какое-то существо, и оно силилось до него дотянуться, называло его по имени и дразнило возможностью воспоминаний. Это была очень упорная тварь, но Уинтроу решил быть упорней и ни в коем случае не откликаться на ее зов. Он знал: если дать ей себя обнаружить, они оба испытают жестокую боль и не менее жестокое разочарование. Он мог избежать соприкосновения с нею, лишь оставаясь маленькой темной тенью во мраке, бесформенной и безымянной. Только так можно было оставаться недосыгаемым – и с одной стороны, и с другой.

Между тем беспокойные люди что-то делали с его телом. Раздавались топот и стук, суматошные голоса. Уинтроу стал ждать боли и приготовился дать ей бой, ибо знал, что боль способна захватить его и придать его существованию определенность. Например, утянуть его наверх, туда, где у него были разум и плоть... и определенный груз памяти. Он не хотел возвращаться туда. Здесь, в глубине, было настолько спокойней и безопасней...

Ничего подобного. Это только так кажется. Ты можешь дать себе передышку, но рано или поздно тебя возьмет тоска по свету и движению, по вкусу, звукам и осязанию. А если передышка слишком затянется, эти ощущения могут оказаться потеряны для тебя навсегда!

Глубокий, богатый оттенками голос так и гремел повсюду кругом Уинтроу, точно океанский накат, разбивающийся о скалы. И вел себя этот голос так, словно сам был сродни океану: он крутил и подбрасывал Уинтроу, переворачивал с боку на бок и как будто рассматривал. Уинтроу попробовал скрыться и от него тоже. Не получилось.

«Кто ты?» – спросил он недоуменно.

Кто я? – переспросил голос, ни дать ни взять забавляясь. – *Ты отлично знаешь, кто я, Уинтроу Вестрит. Я – то, чего вы оба боитесь больше всего... и ты, и она. Я то, что вы пытаетесь отрицать. Я то, от чего вы изо всех сил отрекаетесь – сами перед собой и друг перед дружкой. И все-таки я – часть вас обоих!*

Голос умолк, ожидая ответа, но Уинтроу не хотел ничего говорить. Он знал, что старинную магию имени не зря называли палкой о двух концах. Владение истинным именем любого

существа давало над ним определенную власть. С другой стороны, имя, произнесенное вслух, могло вызвать его обладателя из небытия. Что далеко не всегда было к добру.

Я – дракон, – медленно и весомо уронил голос. – Теперь ты знаешь, кто я. И от этого знания тебе больше не отказаться!

«Мне жаль. Мне так жаль! – Уинтроу в своей глубине пускал безмолвные пузыри. – Я же не знал. Никто не знал. Прости меня. Я так сожалею...»

Я сожалею гораздо больше. – Голос драконицы был полон горя и беспощадности. – Да и ты еще наплачешься.

«Но я же ни в чем не виноват! Я ни при чем!»

А я тем более ни при чем, но почему-то именно меня хуже всех наказали. Нет, мальши. Наша вина по большому счету не имеет никакого значения. Оправдания суть пустые слова. Сделанного не отменишь, и расхлебывать последствия придется нам всем.

«Но как ты оказалась здесь, в глубине?»

Где же мне еще быть? Что мне осталось? К тому времени, когда я сумела докопаться до своей сути и вспомнить себя, меня давно успели придавить напластования твоих собственных воспоминаний. И тем не менее – вот она я. Я здесь – и останусь, как бы ты ни силился от меня отказаться. – Голос осекся, помолчал и устало добавил: – И сколько бы я ни пыталась отказаться сама от себя...

И тут Уинтроу обожгла боль! Жар и яркий свет охватили его удушливым облаком, и ему понадобилось усилие, чтобы не раскрыть глаза и не заорать. Что там они с ним делают? Это не имело значения. Нет! Он нипочем не поддастся внешнему миру. Если он пошевелится или вскрикнет, ему придется признать, что он жив, а Проказница – нет. Придется признать, что его душа нерасторжимо связана с существом, которое было мертвей мертвого задолго до того, как он появился на свет. Сказать, что эта мысль нагоняла на него жуть, – значит не сказать ничего. Уинтроу просто погибал от ужаса. Так вот она, красота и слава живых кораблей! Узы наподобие брачных навсегда приковали его... к мертвой!!!

Чем такое признать, уж лучше вовсе не просыпаться.

Никак решил насовсем остаться здесь, внизу, со мной? – Насмешка в голосе драконицы явственно отдавала горечью. – Надумал заточить себя в гробнице моего прошлого?

«Нет-нет! Я хочу на свободу...»

На свободу?

«Я... – Уинтроу запнулся. – Я не хочу ничего знать об этом. Я никогда не хотел принимать в этом участие...»

Ты начал «принимать участие» с того мгновения, как был зачат. И отменить это уже нельзя.

«Но что же мне теперь делать? – молча взвыл Уинтроу. – Я же не смогу жить... с этим...»

Ну тогда помирай, – ядовито хмыкнула драконица.

«Я не хочу умирать!» – вырвалось у Уинтроу. По крайней мере, в этом он был совершенно уверен.

И я не хотела, – безжалостно заметила драконица. – Однако пришлось. Сколько бы воспоминаний о полетах я ни хранила, моим крыльям так и не суждено было развернуться. Меня, не дав вылупиться, вышивырнули из кокона, чтобы построить этот корабль. То, что должно было стать моим телом, бросили на холодный каменный пол. Осталась только память – память, запасенная в слоях кокона, память, которую я должна была заново впитать под лучами теплого летнего солнца. И я не могла развиваться и жить иначе, кроме как на воспоминаниях твоих соплеменников. Я принимала то, что вы мне давали, и с течением времени я «пробудилась». Но это была уже не я сама. Нет, я обрела ту форму, которую придали мне вы, и личность, сложившуюся из ожиданий твоей семьи. Мне дали имя: Проказница.

Внезапная перемена положения тела окатила Уинтроу огненной волной боли, выдергивая из облюбованной глубины. Он ощутил дуновение ветра и солнечное тепло. Даже такое прикосновение оказалось невыносимым для уничтоженной кожи. Но хуже всего был голос, с любовью и заботой окликавший его по имени:

– Уинтроу! Уинтроу, ты слышишь меня? Это я, Проказница! Где ты, Уинтроу, почему я совсем не чувствую тебя?

Разум живого корабля ощупью тянулся к нему. Уинтроу мысленно съежился, пытаясь уйти от соприкосновения. Надо стать еще меньше, еще незаметнее! Ведь стоит Проказнице к нему прикоснуться, она тотчас узнает все, что стало известно ему самому. И что тогда с нею будет? Что сотворит с ней подобная правда?

Боишься, что Проказница спятит? Да еще и тебя за собой утащит в безумие?

В голосе драконицы прозвучал свирепый восторг: она как будто угрожала ему. Уинтроу похолодел от страха, внезапно осознав, что темная глубина, в которой он спрятался, была не убежищем, а скорее ловушкой.

«Проказница!» – завопил он что было мочи, но тело отказалось повиноваться ему. Даже губы не шевельнулись, и крик так и остался безмолвным. Хуже того, драконица властно объяла и заглушила самую его мысль. Уинтроу попытался бороться... все тщетно. Гигантская нематериальная сущность держала его так крепко, что он забыл, как дышать. Сердце беспорядочно колотилось в груди. Боль наотмашь хлестала слабо подергивавшееся тело. Откуда-то из другого мира, с залитой солнцем палубы корабля доносились испуганные и беспомощные голоса. Постепенно душу и тело Уинтроу охватили неподвижность и темнота, лишь чуть-чуть отличавшаяся от мрака самой смерти.

Ну вот и ладненько, – удовлетворенно произнес голос. – Полежи смирно, мальши. Сделай милость, не пытайся бороться со мной. Тогда мне не придется тебя убивать. – Драконица помедлила и добавила: – Честно признаться, я совсем не хочу, чтобы для кого-то из нас дело кончилось смертью. Мы так плотно связаны вместе, что смерть одного очень скверно отзовется на остальных. Если бы ты удосужился хоть немного подумать, ты бы и сам это понял. Сейчас я дам тебе передышку. Используй ее, чтобы здраво обдумать положение дел!

Легко сказать... Покамест Уинтроу было попросту ни до чего: остаться бы в живых! Наконец его легкие встрепенулись, грудь втянула воздух и сердце застучало ровнее. Где-то очень далеко, на самом краю восприятия, раздавались возгласы облегчения. Боль, правда, и не думала отступать. Его тело, что называется, криком кричало о том, что ему нанесен тяжелый ущерб. Уинтроу как мог попытался отстраниться от боли и заставить свой разум сосредоточиться на «положении дел».

Неожиданная вспышка раздражения драконицы заставила его испуганно съежиться.

Во имя всего, способного летать! – рявкнула она. – У тебя что, совсем мозгов нет? Ума не приложу, и как только существа вроде тебя умудрились неимоверно расплодиться и заселить весь мир, не имея притом ни малейшего понятия о себе самих? Не пытайся отстраниться от боли, не воображай, будто это придаст тебе сил! Прислушайся к ней наконец, недоумок! Она же говорит тебе, где что не так, чтобы ты смог все поправить! Вот так и перестанешь удивляться, отчего это у вас такие короткие жизни. Прислушайся к ней, говорю! Попробуй! Вот так...

* * *

Матросы, державшие за углы простыню с лежавшим на ней Уинтроу, с бесконечными предосторожностями опустили свою ношу на палубу. Но невзирая на их искренние старания, Кеннит все же заметил, как по лицу юноши пробежала судорога страдания. Про себя Кеннит решил считать это обнадеживающим знаком. Хуже было бы, если бы парень совсем пере-

стал отзываться на боль. Но потом носовое изваяние окликнуло Уинтроу по имени, а у него даже ресницы не дрогнули, и вот это было более чем скверно. Никто из стоявших кругом распростертого тела даже заподозрить не мог, до какой степени встревожился Кеннит. До этого момента пиратский капитан пребывал в железной уверенности, что голос Проказницы непременно пробудит парня к жизни. Но этого не произошло. Значит, вполне возможно, Уинтроу был близок к смерти. Или к тому пограничному состоянию между жизнью и смертью, когда от человека остается одна телесная оболочка, бессмысленный ком еще дышащей плоти, способный лишь к животным реакциям на происходящее. Кенниту доводилось своими глазами видеть, как такое бывает. Когда-то давно, когда его отца захватил в плен Игрот Страхолюд, Игрот был опытен и жесток. Дни шли за днями, а пленник, переставший быть человеком, не жил и не умирал.

Неужели и Уинтроу ждет та же судьба?

Приглушенный свет в каюте милосердно скрадывал подробности. Здесь, на палубе, под яркими солнечными лучами, очень трудно было заставить себя поверить, что с Уинтроу все будет хорошо. Слишком уж бросалось в глаза безобразие обожженного тела. Ко всему прочему, судорога повредила только-только подсохшие струпья, из ран текла жидкость. Оставалось признать очевидное. Уинтроу умирал. Его юный пророк, его личный священник и прорицатель умирал. И уносил с собой еще не рожденное будущее. Его, Кеннита, будущее. Капитан буквально задыхался от такой жгучей несправедливости. Он подошел так близко к исполнению самых своих заветных желаний. Ему оставалось лишь протянуть руку – и вот она, его мечта! А теперь, теряя какого-то подростка, не успевшего стать мужчиной, он терял все. Горечь и ужас просто не поддавались осмыслению. Кеннит плотно зажмурился, встречая жестокий удар злодейки-судьбы.

– Кеннит, Кеннит! – всхлипнул корабль, и капитан понял, что Проказнице внятно передались все его чувства. – Не дай ему умереть! – взмолилась она. – Пожалуйста, Кеннит! Ты же спас его из моря и от змеи! Что тебе стоит спасти его еще раз?

– Тихо! – перебил он почти грубо.

Ему нужно было сосредоточиться. Если парень действительно умрет, это разом отменит все милости, которые Госпожа Удача являла ему в прошлом. Хуже того, все его победы станут одним большим поражением.

А значит, Кеннит просто не мог допустить, чтобы это случилось.

Думать не думая о столпившихся матросах (а чуть не вся команда, притихнув, созерцала изувеченное тело Уинтроу), Кеннит присел подле него на палубу и долго вглядывался в неподвижное лицо. Потом коснулся указательным пальцем клочка уцелевшей кожи на щеке паренька. Тот еще не начинал бриться, кожа была гладкой и мягкой. Какой был красивый мальчишка и как его изуродовало!

– Уинтроу, – позвал Кеннит негромко. – Слушай, парень, это я, Кеннит. Помнишь, ты говорил, что пойдешь за мной? Са послал тебя мне, чтобы ты стал моим голосом, помнишь? Нельзя тебе сейчас уходить, парень! Не сейчас, когда мы так близко к цели, ты и я!

Краем уха он услышал негромкое перешептывание матросов. Они *сочувствовали* ему. Что за дела? Кеннит ощутил укол раздражения. Быть может, они восприняли сказанное им как признак слабости? Но нет. Кеннит вскинул глаза – и вместо пустопорожней жалости увидел на грубых рожах сердечное участие. Их растрогала забота капитана Кеннита о покалеченном мальчишке.

Он незаметно вздохнул. Что ж, если Уинтроу обречен умереть, надо будет извлечь из этого всю мыслимую пользу. Кеннит осторожно погладил его по щеке.

– Бедный, – пробормотал он тихо, но так, чтобы его слышали. – Как ты мучаешься... Может, все-таки милосерднее будет тебя отпустить?

Он снова поднял глаза. Над ним стояла Этта. И плакала в три ручья, не пряча и не стыдясь слез.

– Дай ему еще водички, – негромко посоветовал Кеннит. – И не ропщи, что бы ни произошло. Его участь теперь в руках Са!

* * *

Драконница что-то сотворила с его восприятием. Уинтроу больше не отгораживался от боли, но и не растворялся в ее уносящих разум волнах. Ни то ни другое; это был способ ощущения, о котором он раньше даже не подозревал. Он задумался о сути боли и понял, что это подавали голос пострадавшие частицы его плоти, пробоины, так сказать, в его броне против внешнего мира. Боль, стало быть, всего лишь означает, что броню следует починить, а поврежденные частицы заменить и развеять. Вот этим и следовало заниматься, не позволяя себя отвлекать. Его тело требовало приложения всех оставшихся сил. А боль была всего лишь тревожным колоколом, взывавшим о помощи.

– Уинтроу? – Голос Этты пробился сквозь окружавший его плотный войлочный мрак. – Вот водичка... попей.

И почти сразу по губам потекла назойливая струйка влаги. Он шевельнул губами, пытаясь отделаться, и чуть не подавился, но тотчас понял свою ошибку. Его плоть очень нуждалась в воде. Иначе она не сможет исцелиться. А кроме воды Уинтроу требовались пища и полный покой. Причем не только телесный. Никаких забот и хлопот.

Он ощутил легкое прикосновение к щеке. И услышал голос издалека, голос, который он очень хорошо знал.

– Что ж, парень, умирай, если так надо. Но знай, что это больно ранит меня. Ах, Уинтроу, Уинтроу, если ты хоть немножко любишь меня, останься со мной! Не отказывайся от мечты, которую сам же и предсказал.

Он запомнил эти слова, чтобы поразмыслить над ними как-нибудь после. Непосредственно сейчас ему было не до Кеннита. Драконница показывала ему кое-что безумно интересное и к тому же до того вдохновенное Са, что оставалось только изумляться – и как он ухитрялся так долго носить это в себе и в упор не замечать. Ему впервые сделалась внятна и очевидна работа собственного тела. Воздух шелестел в легких, кровь бежала по жилам, было еще много иных чудес... и все они принадлежали ему. Все они существовали не где-то вовне, в неподвластных ему областях, а составляли его самого. И он мог исправить, где что было не так.

Первым долгом он совершенно расслабился. И сразу, едва только ушло мучительное напряжение, ощутил, как к пораненным местам устремились живительные токи. Его тело прекрасно знало свои нужды. Спустя время Уинтроу заставил отозваться онемевшие мышцы челюстей и закосневшего языка. Он пошевелил тем и другим и как-то умудрился прокаркать:

– Воды...

А потом даже приподнял непослушную руку и взмолился:

– В тень...

В самом деле, солнце и ветер – для его обожженной кожи это было весьма и весьма слишком.

– Он заговорил! – в восторге завопила Этта.

– Это все капитан, – сказал кто-то из моряков. – Ну и ну! Вот прямо так взял и вызвал парнишку аж из смерти назад!

– Перед нашим Кеннитом сама смерть отступает! – восхитился другой.

Жесткие, сильные ладони бережно приподняли голову Уинтроу и поднесли к его рту полную чашку восхитительно прохладной воды. Руки принадлежали Кенниту.

– Ты – мой, Уинтроу, – объявил пиратский капитан.

Уинтроу жадно пил, словно поднимая тост.

* * *

– Думается, ты меня слышишь! – трубила Та, Кто Помнит, плывшая в тени серебристого корпуса. Она по-прежнему не отставала от корабля. – Я чую твой запах! Я ощущаю тебя, но почему-то никак не найду! Ты что, нарочно от меня прячешься?

Она умолкла, напрягая все чувства в ожидании ответа. Что-то действительно появилось в воде. Этакая легкая горечь, сходная по вкусу с ядами из ее собственных желез. Эта горечь сочилась из корпуса корабля, если только мыслимо представить, что подобное вообще возможно. Змее показалось, что она услышала голоса. Голоса столь отдаленные, что невозможно было разобрать слова – лишь то, что где-то вправду шел разговор. И это тоже было трудно уразуметь. Настолько трудно, что Та, Кто Помнит, даже начала слегка сомневаться в здравости собственного рассудка. Вот это была бы очень скверная шутка. Вырваться наконец на свободу – и лишь затем, чтобы тут же свихнуться.

Дрожь прошла по ее телу, в воде разлилось тонкое облачко ядов.

– Кто ты? – вновь закричала она. – Где ты? Почему скрываешься от меня?

И опять она ждала ответа, но так и не дождалась. Никто не откликнулся. И все-таки ощущение, что в безмолвии кто-то слушал, не покидало ее.

Глава 4

Полет Тинталы

И кто только придумал именовать безупречную синеву небесной? Несчастные простецы. С тех пор как она впервые развернула крылья в полете – какая еще синева могла быть названа совершенной?

Драконица по имени Тинталыя выгнула спину и еще раз полюбовалась серебряными бликами солнца на глубокой синеве своих чешуй. Вот где воистину была красота, не описуемая никакими словами.

Но даже и созерцание собственного великолепия не могло отвлечь Тинталыю от более важных вещей. Ее острое зрение и еще более острое обоняние были заняты неотложным.

Поиском пищи.

И пища обнаружилась далеко внизу, на прогалине леса. Туда, на летнее солнышко, выбралась не в меру смелая оленуха. Хорошая, жирная оленуха, отъевшаяся на обильной траве. Глупая тварь! Было время, когда ни один олень не дерзнул бы выйти на поляну, не бросив для начала опасливый взгляд в небеса. Неужто драконы так давно исчезли из этого мира, что зверье успело напрочь отвыкнуть от почтительного страха перед небесами? Что ж. Очень скоро она научит их уму-разуму.

Тинталыя сложила крылья и понеслась к земле, стремительно пикируя на добычу. Сперва она падала в полном молчании. И лишь очутившись так близко, что оленуха уже никак не смогла бы от нее увернуться, разорвала утренний воздух своим охотничьим кличем:

– Ки-и-и-и!!!

Это был великолепный клич, богатый и полнозвучный. Могучие когти передних лап прижали схваченную жертву к груди, а задние, оснащенные крепкими мышцами, ударили оземь, легко выдержав толчок, и без большого усилия вновь бросили драконицу в небеса. Тинталыя взлетела, унося оленуху. Та даже не успела понять, что с ней случилось, и давно не пробовала отбиваться. Быстрый укус в затылок лишил ее возможности двигаться. Тинталыя утащила добычу на скальный уступ, нависавший над долиной Дождевой реки. Там она вволю накалаась растекшейся крови, а потом принялась отрывать куски темно-красного мяса и заглатывать их, откидывая голову. Чувственный восторг от еды был поистине ни с чем не сравним. Вкус сочного кровавого мяса, густой запах внутренностей, вывернутых из брюха... и насыщение, наконец-то полноценное насыщение. Тинталыя прямо-таки чувствовала, как обновляется ее тело. Она с наслаждением впитывала, втягивала жизненную энергию из всего, что ее окружало. В том числе из солнечного света, щедро игравшего на чешуях.

Она уже вытянулась на теплом камне, собираясь от души подремать после сытной еды, когда некая беспокоящая мысль нарушила ее отдых. Тинталыя вспомнила, что как раз перед началом охоты вроде собиралась кое-что предпринять. Воспоминание было столь же смутным, как и солнечные пятна на сомкнутых веках. Так что же это все-таки было? Ах да. Люди. Она намеревалась выручить несколько человечков. Тинталыя глубоко вздохнула, погружаясь в сон. Нет, конечно же, на самом деле она ничего им не обещала. Слово, данное ничтожному насекомому, никоим образом не могло быть обязательством чести для высшего существа вроде нее.

И все же.

Ведь эти самые человечки выпустили ее.

Ну и что? Наверняка они уже погибли, а значит, поздно пытаться их спасти. Тинталыя лениво устремила к ним свой разум. И почти с раздражением ощутила, что оба еще живы. И самочка, и самец. Правда, их жалкие мысли были теперь едва слышны. Не громче комариного писка.

Драконница со вздохом мученицы подняла голову, а потом встала на лапы. «Спасу-ка самца», – приняла она половинчатое решение. Благо ей было отлично известно, где именно он находился. Что до самочки, та угодила в воду, и река унесла ее неизвестно куда. Искать ее еще не хватало.

Тинталья подошла к краю обрыва и, разворачивая крылья, сделала шаг в пустоту.

* * *

– Очень есть хочется, – дрожащим голосом выговорил Сельден. И плотнее прижался к Рэйну, ища телесного тепла, которое у самого Рэйна быстро иссякало в крови. Молодой человек даже не нашел в себе сил утешить трясущегося мальчишку.

Они с Сельденом лежали на куче веток и сучьев, а жидкая грязь все так же подпирала их снизу, постепенно разрушая ненадежный плот. Скоро он развалится окончательно, и с ним – их последняя надежда. Единственный выход из чертога – пролом высоко наверху – оставался по-прежнему недостижимым. Неуклюжее сооружение из обломанных веток разрушится гораздо быстрее. Рэйн знал, что малышу недолго осталось жаловаться на голод. Они оба очень скоро умрут.

Он хотел было заставить Сельдена встряхнуться, но передумал. Обняв мальчика, он попробовал утешить его:

– Наверняка кто-нибудь заметил драконницу. Значит, слух очень скоро дойдет до моего брата и матери, а уж они-то поймут, откуда она взялась. И сразу пошлют помощь. – На самом деле Рэйн весьма в этом сомневался, но вслух этого говорить не годилось, и он лишь добавил: – Постарайся пока отдохнуть.

– Есть хочу... – безнадежно повторил Сельден. Потом вздохнул. – А ты знаешь, дело все равно того стоило. Я видел, как взлетала драконница!

Он прижался щекой к груди Рэйна и зажмурился. Рэйн тоже закрыл глаза. Неужели все вот так просто и произойдет? Они заснут, а потом перестанут жить? Он попробовал думать о чем-нибудь достаточно значимом, о таком, что могло бы заставить его продолжить борьбу. «Малта...» Нет. Малта, скорее всего, уже мертва. Погребена где-нибудь под провалившимися руинами. Руинами того самого города, который составлял единственный смысл его существования, пока он не познакомился с Малтой. И теперь этот город тоже погиб. Никогда уже он не соприкоснется с его манящими тайнами. Он сможет разве что умереть здесь и стать одной из этих тайн. Рэйн прислушался к себе и обнаружил, что в глубине души согласен с Сельденом. Оно того стоило. Он все-таки выпустил драконницу. Тинталья взмыла – и вылетела на свободу. Да. Это, конечно, было великое дело. Но не веская причина, чтобы продолжать жить. Вот чтобы умереть удовлетворенным – да, пожалуй. Все-таки он ее спас.

Он ощутил очередной, едва заметный толчок. За толчком последовал всплеск – это сверху сыпались в жижу комья земли. Быть может, скоро рухнет весь потолок? Что ж, по крайней мере, им с Сельденом настанет милосердный конец.

Его лица коснулась волна прохладного ветра. Ветер нес сильный запах змеи. Рэйн мгновенно открыл глаза и увидел голову Тинталья, просунувшуюся в пролом. Голова эта была величиной с небольшую лошадку.

– Ну как? – поинтересовалась она. – Еще жив?

Это прозвучало как приветствие.

– Вернулась. – Рэйн положительно не верил собственным глазам.

Тинталья не ответила. Она высвободила голову и когтистыми передними лапами принялась деловито раздирать дыру в потолке. Вниз хлынула лавина камней, песка и обломков строительной кладки. Сельден проснулся и с испуганным криком съезжился у Рэйна под боком.

– Все в порядке, – успокоил его Рэйн. – Она пытается нас выручить!

И согнулся, своим телом прикрывая мальчишку от сыплющегося мусора.

Отверстие наверху постепенно расширялось, внутрь чертога проникало все больше света.

– Забирайтесь! – неожиданно приказала Тинталья.

Мгновением позже ее голова появилась опять. Она держала в зубах большущий обломок древесного ствола. Держала с той же легкостью, с какой собака подхватывает брошенную палку. В холодном воздухе чертога из ее ноздрей валил пар, змеиный запах становился все гуще. Собрав последние силы, Рэйн встал и поднял над собой Сельдена, чтобы тот мог уцепиться за ствол. Потом сам схватился за свободный конец. Тинталья без промедления стала их поднимать. В проломе бревно застряло, но драконица выдернула его, меньше всего заботясь о слабых созданиях, вцепившихся в деревяшку.

А в следующее мгновение они оказались на мшистой земле.

Они стояли на уединенном островке посреди леса, сплошь залитого водой. Островок был обязан своим существованием давным-давно погребенному куполу. Сельден выпустил конец бревна, сделал один-единственный шаг – и свалился, плача от невероятного облегчения. Рэйн зашатался, но обнаружил, что ноги все еще кое-как держали его. Он выговорил:

– Спасибо тебе.

– Ты не обязан меня благодарить. Я всего лишь сделала то, о чем говорила. – Тинталья раздула ноздри, и струи пара обдали его мимолетным теплом. – Теперь у тебя все в порядке?

Это был не столько вопрос, сколько утверждение.

У Рэйна между тем окончательно обмякли коленки, и он опустился наземь, чтобы попросту не рухнуть. Он сказал:

– Пожалуй, если мы сможем скоро добраться в Трехог. Нам нужно обогреться. И поесть.

Тинталья отозвалась без особой охоты:

– Пожалуй, я могла бы отнести вас туда.

– Слава тебе, Са! – вырвалась у Рэйна короткая, но прочувствованная молитва. Самая искренняя и жаркая за всю его жизнь.

Кое-как поднявшись, он прохромал к Сельдену. Наклонился над ним и хотел было поднять, но сил не хватило даже и на это. Он смог только поставить мальчика на ноги. И пошел обратно к Тинталье, поддерживая его и ведя.

– Прости, но мы чуть живы, – сказал он драконице. – Придется тебе наклониться, а то мы на тебя не заберемся.

Ее глаза негодуя вспыхнули серебром.

– Я? Нагнуться? – фыркнула она. – Чтобы вы ехали у меня на спине? Вот уж не думаю!

– Но... Ты же сказала, что отнесешь нас в Трехог.

– Сказала. И отнесу. Но никто из живущих никогда не сядет на меня верхом, и тем более никто из вас, человечков! Я понесу вас в когтях. Встаньте передо мной, вот здесь, и держитесь рядом. Я подниму вас и отнесу домой.

Рэйн пригляделся к ее чешуйчатым лапам, и определенное сомнение посетило его. Ее когти отливали серебром. Они выглядели опасно острыми. Сумеет ли она ухватить их с Сельденом достаточно плотно, чтобы нести и при этом не повредить?

Он покосился на Сельдена. И прочел на лице мальчика отражение собственных мыслей. Он тихо спросил его:

– Страшно?

Сельден мгновение поразмыслил. Потом ответил:

– Страшно. Но есть хочется все-таки сильнее!

И мальчик выпрямился, заново оглядывая великолепную драконицу. Когда он повернулся к Рэйну, его лицо сияло восторгом. Он потрянул головой:

– Все легенды... все эти вышивки и картины... да они все суший хлам по сравнению с ней живой! Как она сияет! Она – чудо, и не нам бояться ее или не доверять! Даже если она возьмет и уберет меня прямо сейчас, я все равно умру во славу ее!

Странные и поразительные это были слова. Вот Сельден выпрямился и как мог приосанился, и Рэйн вполне догадывался, чего это стоило измученному мальчишке. А тот еще и торжественно объявил:

– Так пусть же она несет меня!

– В самом деле? Ты мне разрешаешь тебя нести? – язвительно передразнила драконица.

Комплименты из уст маленького человечка явно забавляли ее. Но столь же явно и доставляли ей удовольствие.

– Мы в твоей власти, – твердо проговорил Рэйн.

Сельден молча жался к нему, он только ахнул, когда Тинталья неожиданно поднялась на дыбы. Рэйну понадобилось все его мужество, чтобы не заорать и не шарахнуться, когда с высоты крепостной башни к ним протянулись две громадные когтистые лапы. Все-таки он даже не пошевелился и лишь крепко прижимал к себе Сельдена, когда их обхватывали эти лапы, так похожие на руки. Длинные мощные пальцы крепко оплели их тела, а кончики когтей – внимательно ощупали. Два острых конца уперлись Рэйну в спину, это было неудобно и неприятно, но все же он остался непронзенным. Тинталья притянула их обоих к груди – так белка держит припасенный орешек. Сельден невольно вскрикнул – драконица пружинисто присела на задних лапах и могучим прыжком бросила себя в небеса.

Синие крылья развернулись и ударили, потом мерно заработали, и они начали подниматься. Вот уже внизу сомкнулись вершины деревьев. Рэйн изогнул шею, чтобы посмотреть вниз, и у него сразу закружилась голова. В животе булькнуло, но изумление и восторг оказались сильнее дурноты. Даже страх отступил – так заворожило его зрелище мира, увиденного с высоты. Далеко внизу разворачивалась величественная панорама Дождевых чащоб и речной долины. Тинталья поднималась кругами, все выше и выше, и Рэйн видел, как в роскошной зелени сверкали на солнце открытые плесы реки. Он сразу обратил внимание, что обычный серый тон ее вод вроде бы посветлел. Так бывало после крупных землетрясений. Река белела и несла сплошную кислоту, быстро разъедавшую дерево; всякий, кто в это время спускал на воду лодку, должен был быть вдвойне осторожен.

Драконица чуть наклонила крылья, устремляясь вдоль русла, вверх по течению. И почти сразу Рэйн увидел родной Трехог. И не только увидел, но и учуял. Отсюда, сверху, город казался густой гирляндой декоративных фонариков, развешанной на древесных ветвях. В тихом воздухе плыл запах стряпни.

– Это Трехог! – закричал он, отвечая на невысказанный вопрос драконицы.

Закричал – и только потом понял, что мог бы и не трудиться. Тесное соприкосновение в полной мере возродило их старую мысленную связь. Надо признаться, Рэйн испытал мгновение ледящего ужаса, но тут же почувствовал язвительную насмешку Тинталья. Нет, ему нечего было бояться. И вообще, дальнейшее общение с людьми не очень-то входило в ее жизненные планы.

Они стали снижаться. Драконица закладывала такие головокружительные виражи, что Рэйну стоило возблагодарить судьбу за пустоту в своем животе. Внизу все стремительно вертелось и кружилось, мелькали крохотные фигурки, которые кричали, указывали на них руками и разбегались. Рэйн ощутил досаду Тинталья: ну и город! Здесь не было приготовлено удобной, ровной площадки, чтобы опуститься дракону. О чем вообще эти человечки думают?

В итоге Тинталья довольно жестко плюхнулась на городские причалы. Плавающий настил, предназначенный опускаться и подниматься вместе с непостоянным уровнем реки, подался под ее весом. Полетели белые брызги, пошла такая волна, что Кендри, пришвартованный поблизости, пугающе закачался – носовое изваяние даже рывкнуло от неожиданности.

Когда все до некоторой степени успокоилось, Тинталья разжала лапы, и двое людей вывалились к ее ногам на деревянный настил. Она отодвинулась, усаживаясь поудобнее, и удовлетворенно сказала:

– Теперь вы не пропадете.

– Теперь... не... пропадем, – задыхаясь, кое-как выдавил Рэйн.

Сельден вовсе лежал, точно оглушенный крольчонок.

Потом слуха Рэйна достиг топот великого множества ног и приглушенный ропот бесчисленных голосов. Он повернул голову и увидел огромную толпу, заполонившую набережные. Все выглядели предельно усталыми, многие были перемазаны, словно только что прибежали с работ в подземельях. Иные сжимали землекопные инструменты как оружие. Люди остановились на почтительном расстоянии, во все глаза рассматривая Тинталью. Рэйн увидел свою мать – она всю работала локтями, проталкиваясь вперед. Достигнув первых рядов, она в одиночку бесстрашно вышла вперед и медленно направилась к драконице. Но вот она заметила сына – и мигом утратила весь интерес к громадному и чудесному существу.

– Рэйн! – окликнула она изумленно. – Рэйн! – Ее голос сорвался. – Ты жив! О, хвала Са!

Она подбежала к нему и бросилась подле него на колени. Рэйн дотянулся и взял ее за руку.

– Ты видишь? – проговорил он тихо. – Она живая. Я был прав. Драконица... живая...

Янни не успела ответить. В толпе прозвучал женский вопль, и к ним бегом бросилась Кефрия. Подбежав, она крепко обняла Сельдена:

– Во имя Са, он жив, жив! Но что с Малтой? Где Малта? Доченька моя...

Рэйн кое-как заставил себя произнести страшные слова:

– Я ее не нашел. Боюсь, она погибла в городе.

Кефрия закричала. Долгим, жутким, отчаянным криком.

– Нет, нет, не-е-е-ет!

Сельден в ее объятиях так и побелел. Храбрый парнишка, выстоявший вместе с Рэйном в тяжком испытании под землей, снова превратился в маленького испуганного ребенка. Он разрыдался вместе с Кефрией:

– Мама, мама, ну не плачь!

Сельден дергал ее за одежду, но она ничего не видела и не слышала.

– Та, кого вы называете Малтой, не умерла, – перебила драконица. – Так что хватит вопить! Вы, люди, совсем собой не владеете!

– Не умерла? – изумился Рэйн.

Сельден схватил плачущую мать и крепче потрянул ее:

– Мама, послушай, что говорит драконица! Она сказала, что Малта жива! Ну, не плачь! Наша Малта жива! – И он оглянулся на Тинталью, его глаза сияли. – Ты можешь верить драконице. Пока она меня несла, я... ну прямо кожей чувствовал ее мудрость!

За их спинами с новой силой загомонила толпа, собравшаяся на причале:

– Она разговаривает!

– Драконица говорит!

– Вы слышали? Слышали?

Кто-то изумленно кивал головой, кто-то не желал ничему верить:

– Ничего я не слышал!

– Зверюга чихнула, вот и все!

Серебряные глаза Тинтальи посерели от возмущения.

– Их рассудки столь ничтожны, что даже не могут беседовать с моим разумом. Жалкие человечки! – И она вытянула длинную, гибкую шею. – Ну-ка, отойди, Рэйн Хупрус, чтобы мне тебя не задеть. Хватит с меня и тебя, и твоих соплеменников. Я выполнила свое обещание. Больше меня здесь ничто не задерживает.

– Погоди! Погоди! – Рэйн высвободился из рук матери и с храбростью отчаяния ухватил кончик сверкающего крыла. – Не улетай просто так! Ты сказала, Малта еще жива! Но где она? Откуда ты знаешь, что с ней все хорошо? И... с ней правда все хорошо?

Тинталья без всякого усилия высвободила крыло из его хватки.

– Мы с тобой были связаны некоторое время, Рэйн Хупрус, как ты сам прекрасно помнишь. Поэтому я и ее до некоторой степени ощущаю. Что до ее нынешнего местопребывания, мне известно не многое. Только то, что она плывет по воде. По течению реки, полагаю... судя по страху, который она испытывает. Ей хочется есть и пить, но в остальном, насколько я могу судить, она телесного ущерба не претерпела.

Тут Рэйн упал перед драконицей на колени:

– Отнеси к ней, умоляю! Я буду в долгу перед тобой до самой смерти, но выполни мою просьбу, ведь для тебя это такая малость!

Судя по выражению драконьей морды – или ее следовало называть, скорее, лицом? – Тинталья позабавила его отчаянная мольба. Рэйн сам это понял по быстрому переливу цветов в огромных глазах, по легкому движению ноздрей.

– Мне ни к чему твои обязательства, человек. К тому же ты успел мне наскучить. – Она шевельнула крыльями и начала разворачивать их. – Говорю тебе, отойди. А то еще зашибу ненароком.

Но Рэйн сделал прямо противоположное. Он бросился к ней. Чешуйчатое тело было слишком гладким – не за что ухватиться. Рэйн дотянулся до передней лапы и обхватил ее, точно младенец, цепляющийся за мать. Вот только слова его были далеко не младенческой жалобой. Они дышали силой и яростью:

– Не моги вот так улетать, Тинталья из рода драконов! Не моги улетать и оставлять Малту на погибель! Тебе отлично известно, что она сделала для твоего освобождения ничуть не меньше, чем я! Помнишь, как она распахнула свою память, чтобы вместить воспоминания города? Это ведь она отыскала потайные защелки, благодаря которым растворилась стена! И если бы она не отправилась тебя искать, я нипочем не полез бы в древний город в самый разгар подземных толчков! Ты и сейчас лежала бы там погребенная! Это святой долг, Тинталья, и не смей от него отворачиваться! Ты не можешь этого сделать!

Он слышал, как за его спиной торопливо и не особенно внятно переговаривались его мать, Сельден и Кефрия. Ему, собственно, не было дела ни до их выводов из его разговора с драконицей, ни до того, что успел рассказать им мальчик. Сейчас он был способен думать только о Малте.

– Вода в реке побелела, – сказал он Тинталья. – Белая вода разъедает деревянные лодки. Если она плывет по реке на бревне или на плоту, вода сожрет сперва этот плот, а потом и ее, и Малта умрет. И все из-за того, что полезла в разрушенный город искать тебя!

В серебряной глубине глаз драконицы замелькали алые вспышки – признак немалого гнева. Она гулко и жарко фыркнула, едва не сбив его с ног. А потом ухватила его лапой – как если бы он был куклой, набитой опилками. Ее когти болезненно вмялись ему в грудь. Рэйн едва мог вздохнуть.

– Что ж, насекомое! – прошипела Тинталья. – Я тебе помогу ее разыскать. Но уж после этого я точно покину вас навсегда! Что бы вы с ней ни совершили ради меня, это нимало не покрывает тех великих зол, которые твой род причинил моему роду! – Она оторвала Рэйна от пирса и повернула его лицом в сторону живого корабля. Кендри смотрел на них, и у него было лицо умирающего. – Воображаешь, будто я не знаю? – продолжала Тинталья. – Молись, чтобы я сумела забыть! Молись, чтобы после сегодняшнего тебе никогда со мной не встретиться!

Рэйн не мог ответить – хотя бы потому, что не мог набрать в грудь достаточно воздуха, – да она и не ждала от него ответа. Мощный прыжок снова поднял ее вверх. Понтоны опять резко качнуло, так что все выбравшиеся на них полетели кувырком. Рэйн успел услышать вопль

ужаса, вырвавшийся у Янни Хупрус при виде дракона, уносящего в когтях ее сына. Потом все звуки заглушил посвист ветра. Тинталья работала крыльями, стремительно набирая высоту.

Только тут Рэйн как следует осознал, с какими бесконечными предосторожностями Тинталья несла их с Сельденом в том первом полете. Теперь она шла вверх так стремительно, что у него то и дело закладывало уши, а в висках стучала кровь. Что до желудка, то он определенно летел где-то далеко внизу, не поспевая за всем остальным. Рэйн явственно ощущал ярость драконицы. Он посрамил ее. Перед ничтожными человечками. Да еще и по имени при этом назвал!!! Сообщил ее имя тем, другим, не имевшим ни малейшего права им обладать!

Рэйну хотелось что-то ей сказать, но он никак не мог придумать, что именно. Извиниться? Это будет такой же грандиозной ошибкой, как и публичное описание ее долга перед Малтой. По здравом размышлении Рэйн счел за благо помолчать, только ухватился руками за ее когти, силясь хоть немного ослабить их хватку.

– Может, мне тебя выпустить, Рэйн Хупрус? – усмехнулась драконица. И... раскрыла лапу. Но прежде чем Рэйн успел выскользнуть вниз и унести навстречу гибели – когти снова захлопнулись. Он только ахнул от ужаса. Тинталья же прекратила стремительный взлет и пошла плавными спиралями, захватывая всю ширь долины. Рэйн обшаривал землю глазами, но высота была слишком велика. Пышный лес казался отсюда зеленым мхом, река – узкой серебряной ленточкой.

Тинталья отозвалась на его произнесенную мысль:

– Глаза дракона несхожи с глазами хищного зверя, маленький человек. Я отсюда вижу все, что мне хочется видеть. Вот только ее пока не заметно. Должно быть, течением унесло!

У Рэйна невпопад стукнуло сердце.

– Да найдем мы ее, – ворчливо утешила его Тинталья. Ее громадные крылья размеренно заработали, неся их вдоль течения реки по направлению к устью.

– Спустись ниже, пожалуйста, – взмолился Рэйн. – Я тоже буду высматривать. А может, она где-нибудь на отмели и ее скрывают деревья? Пожалуйста!

Тинталья не ответила, зато ринулась вниз так стремительно, что у него потемнело в глазах. И полетела низко над речным руслом. Рэйн только вертел головой, держась за ее когти. Она летела слишком быстро, он не успевал все рассмотреть и только надеялся, что обостренные чувства драконицы, намного превосходившие его собственные, позволят Тинталье уловить присутствие Малты. Однако потом им начало овладевать отчаяние. Они летели и летели – слишком далеко. И если уж они до сих пор ее не нашли, значит... значит ее вовсе нет больше на свете.

– Вон там! – воскликнула вдруг Тинталья.

Рэйн жадно взгляделся, но ничего не увидел. Драконица развернулась с проворством ласточки, чтобы еще раз промчатся над участком протоки.

– Вон там, – повторила она. – В маленькой лодочке, и с ней еще двое. Почти точно на середине реки. Ну, видишь?

– Вижу! – заорал он радостно, но радость тут же уступила место откровенному ужасу. Да, они отыскивали Малту, и, когда Тинталья подлетела поближе, он увидел, что с Малтой в лодке был еще сатрап Касго и его Подруга по имени Кикки. Но одно дело – видеть. Совсем другое дело – спасти. Он обратился к Тинталье: – Ты можешь вытащить ее из лодки?

– Могу, наверное, – был ядовитый ответ. – Только, скорее всего, тебя я при этом выроню, а лодку – переверну. Да и ей, будем надеяться, всего лишь ребра переломаю. Ну что – вперед?

– погоди! – Рэйн лихорадочно соображал. – А не могла бы ты, к примеру, сесть на воду? Вы, драконы, умеете плавать?

– Я тебе не утка! – снова рассердилась Тинталья. – Если нам приходит на ум посетить воду, мы не задерживаемся на поверхности, а сразу ныряем в глубину, до самого дна! И по дну выбираемся на берег. Вряд ли тебе это понравится.

Рэйн хватался буквально за соломинку:

– А в лодку меня уронить можешь?

– А на что? – был ответ. – Чтобы ты вместе с ней утонул? Слушай, хватит глупить! Да биение моих крыльев утопит эту лодчонку задолго до того, как я к ней подлечу! Да и ты, скорее всего, дно в ней пробьешь, когда я тебя сброшу. Слушай, человечек, я сделала все, что могла. Я разыскала ее для тебя, так что теперь ты знаешь, где она находится. Вот и спасай ее со своими сородичами. А я в ее жизни более не участвую!

Хорошенькое утешение... Рэйн видел, как Малта подняла голову, когда они над ней пролетали. Воображение даже подсказывало ему, как она кричала, как звала его на подмогу. И все же драконица была кругом права. Они ничего не могли сделать для Малты – только подвергнуть еще большей опасности всех остальных.

– Тогда, сделай милость, отнеси меня скорее в Трехог, – сказал он Тинталье. – Если Кендри отправится за ней без промедления и поставит все паруса, какие только возможно, быть может, мы успеем перехватить лодочку прежде, чем ее разрушит река.

– До чего мудрая мысль, – насмешливо пророкотала драконица. – Ну нет бы прямо сразу на корабле-то отплыть, а то взялся ко мне приставать! Я же тебе сразу сказала, что она на реке!

Холодная логика Тинтальи положительно отбивала всякое присутствие духа. Возразить было нечего. Рэйн пришибленно молчал, только слушал, как мощно свистят ее крылья, унося их обоих вверх, вверх, все дальше от зеленых лесных макушек. Долина быстро убегала назад – Тинталье стремительно несла его обратно в Трехог.

– Значит, ты совсем ничем мне не можешь помочь? – с болью выговорил Рэйн, когда они уже кружились над городом.

Было видно, как люди на причале, заметив драконицу, дружно рванули на берег. Ветер, поднятый хлопаньем огромных крыльев, снова заставил Кендри немилосердно плясать. Мускулистые задние лапы уже знакомо погасили толчок приземления, и плавающий настил опять заходил ходуном. Тинталье еще подержала Рэйна перед собой на весу, изгибая шею и вглядываясь в него одним серебряным глазом.

– Маленький человечек, – сказала она, – я – драконица. Я – последняя из рода Повелителей Трех Стихий. Если где-то жив хоть один из моих сородичей, я обязана разыскать его и позаботиться о нем. Меня не должны отвлекать дела мгновенно живущих вроде тебя. Вот так-то, маленький человечек. Устраивай свою жизнь сам, как сумеешь. Я не стану задерживаться ради тебя. Прощай. Не думаю, что мы еще свидимся.

И она поставила его на деревянный настил. Может, она и намеревалась проделать это плавно и вежливо, но у нее не особенно получилось. Рэйн захромал прочь. И вот тут его подстергло неожиданное потрясение, имевшее отношение скорее к разуму, нежели к телу. Он вдруг жутко перепугался, решив, будто забыл нечто неопределимо важное. До него не сразу дошло, что это разорвалась его внутренняя связь с драконицей. Вернее, это Тинталье разорвала ее. Отстранилась. И утрата оказалась такова, что он едва не лишился чувств. Похоже, он еще и черпал в их связи определенную жизненную силу: то-то на него разом навалились жажда, голод и опустошительная усталость. Все же кое-как он прошел еще несколько шагов и только потом опустился на колени. А если бы остался стоять, то непременно упал бы – так качнулся настил, отвечая на ее прощальный прыжок в небеса. В последний раз ударили могучие крылья, обдав его волной удушливого змеиного запаха. Осознание невосполнимой потери наполнило слезами его глаза – он сам не мог понять почему.

Понтоны раскачивались до бесконечности долго. Рэйн смутно ощутил, как подошла мать и опустилась на доски подле него. Она обняла его и уложила его голову себе на колени.

– Она поранила тебя? – спросила Янни. – Рэйн, отвечай мне! Ты можешь говорить? Ты сильно помят?

Он глубоко вздохнул и сказал:

– Пусть немедленно приготовят Кендри. Пусть он идет самым полным ходом вниз по реке. Там Малта... с сатрапом и его Подругой... в крохотной лодочке...

Он умолк. Его одолело такое изнеможение, что даже говорить сделалось невмоготу.

– Сатрап! – воскликнул кто-то поблизости. – Благословен Са! Если сатрап до сих пор жив и мы сможем подобрать его, значит не все пропало! Эй, живо бегите на Кендри! Пусть не медлят с отплытием!

– Лекаря сюда! – Голос Янни перекрыл поднявшийся людской гвалт. – Несите Рэйна в мои комнаты!

– Нет... нет! – слабо запротестовал Рэйн. – Мне надо... плыть с Кендри... Вот будет Малта в безопасности, тогда отдохну!

Глава 5

А не податься ли нам в пираты?

– Исовсем даже я не возражаю против доброй затрешины. Экое дело, особенно ежели заслужишь! Но в этот-то раз! Я ж ничего дурного не делал!

– Сколько было у меня в жизни разных затрещин, и в большинстве своем примерно за то же. – Альтия старалась выдержать бесстрастный тон. – Я тоже в те разы вроде ничего дурного не делала. Но и ничего правильного – тоже! – Она двумя пальцами приподняла подбородок Клефа, разглядывая лицо юнги при угасающем свете дня. – Ладно, парень, было бы о чем горевать! Подумаешь, губа разбита и под глазом синяк. Через неделю и не вспомнишь. Вот если бы он тебе нос, к примеру, сломал...

Клеф угрюмо отстранился от ее ласкового прикосновения.

– И сломал бы, – буркнул он, – коли бы я вовремя не заметил да не увернулся.

Альтия хлопнула юнгу по плечу:

– Но ты же заметил, так? А все потому, что ты крепкий и шустрый. Стало быть, выйдет из тебя добрый моряк.

Клеф сердито осведомился:

– Значит, по-твоему, он правильно меня двинул?

Альтия немного помедлила. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы скрепить свое сердце и ответить по возможности невозмутимо:

– По-моему, дело обстоит так: Лавой у нас – старпом, ты – юнга, а я – второй помощник. И всякое правильное-неправильное тут ни при чем, Клеф. Просто в следующий раз шевелись побыстрей, вот и все. И не лезь ему под горячую руку, уж на это-то у тебя хватит ума?

– А у него рука все время горячая, – пробормотал Клеф. – И не с той ноги он все время встает!

Альтия не ответила. Святое дело – поплакаться кому-то в жилетку на крутой нрав старпома. Но и допустить, чтобы Клеф вообразил, будто она на его стороне, Альтия не могла. Она, собственно, и не видела, что там произошло. События достигли ее ушей лишь в возмущенном пересказе Янтарь. Янтарь, корабельная плотничиха, в тот момент находилась наверху, на снастях. К тому времени, когда она спустилась на палубу, Лавой успел удалиться. По мнению Альтии, это было и к лучшему. Еще не хватало открытого столкновения Янтарь со старпомом. Но конечно, случившееся лишь подогрело обоюдную неприязнь, что испытывали друг к другу Янтарь и Лавой.

Зуботычина, которую закатил мальчишке старпом, сшибла юнгу с ног и отбросила его далеко в сторону – и всего-то потому, что бухта троса, над которой в тот миг трудился Клеф, получалась недостаточно ровной. Во всяком случае, не удовлетворяла личным запросам старпома. Про себя Альтия считала Лавоя законченным рукосуем и недоумком. Клеф был славным и старательным паренком. Его хвалить надо было бы за усердие, а не лупить за малейший намек на провинность.

Они стояли на корме, глядя, как расходится кильватерный след корабля. Дальние острова казались маленькими зелеными кочками. Волны почти не было, но дул легкий вечерний бриз – и Совершенный использовал слабый ветерок, как только мог.

В последнее время корабль не только перестал мешать своему экипажу, но, кажется, делал все от него зависевшее, чтобы достичь Пиратских островов как можно скорей. Совершенный больше не вел бесконечных разговоров о морских змеях и даже оставил свою прежнюю заумь – насчет того, что на самом деле есть личность: то, что думается об этой личности другим, – или то, что данная личность сама о себе думает. Альтия покачала головой, глядя, как пикируют чайки на косяк рыбы, подобранный близко к поверхности. То, что Совершенный

оставил привычку без конца умствовать, устраивало ее как нельзя лучше. Янтарь, кажется, нравилось вести с ним долгие философские беседы, но Альтию они только выводили из равновесия. Поэтому и перемену в его настроении они восприняли очень по-разному. Янтарь жаловалась, что носовое изваяние сделалось слишком замкнутым и немногословным. Альтия же полагала, что Совершенный, наоборот, испытал духовное исцеление и начал как следует сосредотачиваться на работе. Когда кто-либо – будь то живой корабль или человек – только и делает, что размышляет о своей внутренней сути, это до добра редко доводит. Она снова покосилась на Клефа. Юнга осторожно трогал языком изнанку разбитой губы. Голубые глаза смотрели куда-то вдаль. Альтия дружески подтолкнула его локтем:

– Вот что, отправляйся-ка спать. Придави немного, пока твоя вахта снова не началась!

– Ага, – отозвался Клеф равнодушно. Рассеянно посмотрел на нее. Потом словно вспомнил их недавний разговор и сказал: – Да знаю я, что надо просто засунуть язык в задницу и терпеть. Я этому здорово выучился, еще когда рабом был.

Альтия невесело улыбнулась:

– Вот так задумаешься, и окажется, что не больно-то много разницы между рабом и матросом.

– Ага, – повторил Клеф, на сей раз довольно-таки вызывающе. – Доброй ночи, госпожа второй помощник!

Повернулся и отправился на бак.

Альтия еще постояла у поручней, глядя за корму. Где-то там, далеко позади, остался Удачный. Альтия подумала о матери и сестре, оставшихся там, под уютным и безопасным кровом, и позавидовала им. Пришлось напомнить себе, какой скучной казалась ей жизнь на берегу, каким удушающим было бесконечное ожидание. Наверное, как раз сейчас они сидят в кабинете отца, попивают чаек и раздумывают, как ввести Малту в удачный свет – при их-то нынешней стесненности в средствах. Придется им экономить на чем только возможно и как-нибудь продержаться до конца лета. Справедливости ради Альтия добавила про себя, что они, верно, здорово за нее волнуются. И уж конечно, беспокоятся о семейном корабле. Не говоря уже о сыне Кефрии и ее муже. Что ж, придется им потерпеть. Альтия, по совести говоря, весьма сомневалась, что сумеет вернуться до весны.

У нее у самой было немало поводов для беспокойства. Она покамест плохо представляла себе, каким образом разыщет Проказницу и доставит ее обратно в Удачный. Когда Брэшен последний раз видел ее живой корабль, Проказница пребывала в руках знаменитого пирата Кеннита. И стояла на якоре в самой что ни на есть пиратской твердыне. Вот такое многообещающее начало. Пиратские острова вообще были веселеньким местечком. Мало того что очень невеликая часть их была нанесена на карты, лишь было известно, что повсюду кишмя кишат пираты, – там еще то и дело происходили шторма и какие-то внутренние потоки, без конца изменявшие очертания берегов, речных устьев и проливов. По крайней мере, люди так говорили, и, наверное, не без веских к тому оснований. Зря ли ее собственный отец, плавая в южные страны, старательно обходил Пиратские острова – по причине именно этих опасностей? Про себя Альтия полагала, что отец непременно одобрил бы ее решение отправиться на поиски семейного корабля. А вот выбор спасательного судна ему бы вряд ли понравился. Отец всегда говорил, что Совершенный не только безумен, но еще и отмечен злосчастьем. То-то он запрещал маленькой дочке с ним знаться.

Альтия стронулась с места и зашагала по палубе, словно силясь убежать от недавнего ее беспокойства. «Какой вечер чудесный! – принялась она уговаривать сама себя. – И корабль очень хорошо себя ведет вот уже второй день. И что я, спрашивается, дергаюсь?»

В самом деле, все шло очень даже путем. Лавой, правда, в очередной раз помешался на опрятности и дисциплине, но это с ним и раньше бывало. Брэшен, используя свою власть капитана, велел ему не делать больше различий между нанятыми моряками и теми, кого они тайно

вывезли из Удачного, спасая из рабства. А любой старпом очень хорошо знает, как сплотить команду. Лучший способ – несколько дней подержать в черном теле тех и других.

Ко всему прочему, команде в самом деле не повредила бы и опрятность, и дисциплина. Людям ведь требовалось не только отточить моряцкие умения. Им предстояло еще и выучиться сражаться. «И не просто оборонять свой корабль, – хмуро добавила про себя Альтия. – Но и нападать на другой».

Вот тут ей показалось, что все это уже чересчур. Каким образом они вообще собираются обнаружить Проказницу? Не говоря уж о том, чтобы отвоевать ее у пиратов? С экипажем, набранным среди портового отребья, и весьма трудно предсказуемым кораблем?

– Вечер добрый, Альтия, – поздоровался с ней Совершенный.

Оказывается, она в задумчивости забрела на самый бак, к носовому изваянию. Совершенный же повернулся как мог и обратил к ней слепое лицо, словно рассчитывал увидеть ее.

– И тебе вечер добрый, Совершенный, – отозвалась она.

Она хотела произнести это дружелюбным, ничего не значащим тоном. Но Совершенный успел слишком хорошо ее изучить. Он поинтересовался:

– Ну и о какой же из наших многочисленных бед ты сейчас размышляешь?

Пришлось откровенно сознаться:

– Наши беды не дают мне покоя, кораблик. Они точно стая шавок, которые тявкают и хватают меня за пятки. Даже не придумаю, какой из них заняться в первую очередь!

Носовое изваяние фыркнуло:

– Ну так дай им всем одного большого пинка. И не разменивайся по мелочам, а задумайся лучше о нашем предназначении! – Бородатая физиономия отвернулась и незряче уставилась на горизонт. – Кеннит! – проговорил он, и это имя прозвучало в его устах как удар колокола. – Мы идем бросить вызов пирату и забрать у него наше законное достояние. И пусть ничто не посмеет встать между нами и достижением цели!

Альтия даже не сразу нашлась с ответом. Ни разу прежде она не слыхала, чтобы Совершенный вот так высказывался. Поначалу ему и в море-то возвращаться не очень хотелось. Он столько лет провел на берегу, в одиночестве, всеми брошенный и слепой, что противился даже мысли о том, чтобы опять поднять паруса, не говоря уже о спасательной экспедиции. И вот вам пожалуйста. Теперь он рассуждал не просто как ярый сторонник этого безумного плавания, он прямо-таки дожидаться не мог случая сполна отомстить человеку, захватившему Проказницу!

Альтия посмотрела на его руки, скрещенные на широченной груди. Кисти были сжаты в кулаки. Неужели он в самом деле отныне заодно с нею, с Брэшеном и Янтарь?

– Не думай о мелких препятствиях, которые могут случиться на нашем пути к цели, – негромко продолжал корабль. – Долго ли, коротко ли нам путешествовать, но если будешь переживать из-за каждого отдельного шага, ты рано или поздно сломаешься. Смотри лучше вперед, туда, куда стремишься!

– Мне-то казалось, – возразила Альтия, – что можно достигнуть успеха, только если как следует подготовиться.

Совершенный покачал головой:

– Лучше научись твердо верить в успех. Если ты скажешь себе: «К тому времени, когда мы встретимся с Кеннитом, мы должны быть хорошими бойцами», – ты тем самым и отложишь все на потом. Лучше рассуждай так: «Мы должны быть справными бойцами *сейчас!*» Добейся, не откладывая, всего, что тебе требуется для достижения цели. И тогда в конце всех дел ты обнаружишь, что это только начало. Начало чего-то нового!

Альтия вздохнула и пожаловалась:

– Ну вот. Теперь ты рассуждаешь совсем как Янтарь.

– Нет, – отрезал Совершенный. – Я рассуждаю... как я сам. Как та сторона моей личности, которую я однажды отложил и спрятал подальше, собираясь вернуть когда-нибудь... когда буду готов. Я просто перестал собираться и *стал*... Тем, чем мне бы хотелось.

Альтия только покачала головой, опять не находя слов. Кажется, с Совершенным проще было управляться, пока он сумасбродствовал, дулся и капризничал. Да, Альтия любила его, но между ними не было ничего похожего на ту связь, что существовала между нею и Проказницей. Общение с Совершенным часто напоминало ей возню с любимым, но невоспитанным и весьма трудным ребенком. До того трудным, что иной раз было проще плюнуть да отвернуться. Даже и теперь, когда он вроде бы решил действовать с нею заодно, ощущалось в его рассуждениях нечто пугающее.

Молчание затягивалось, делаясь неловким.

Ладно! Альтия попыталась отбросить лишние мысли и сосредоточиться, вернее, рассредоточиться, отдаваясь легкому покачиванию корабля и вечернему спокойствию, царившему кругом.

Не удалось.

– Можешь выдать мне что-нибудь вроде: «Я же говорила». Ну? – прозвучал у нее за спиной голос Янтарь. В нем слышались усталость и горечь.

Альтия подождала, пока корабельная плотничиха присоединится к ней возле поручней. Ей потребовалось время, чтобы догадаться:

– А-а-а! Так ты переговорила с капитаном насчет Лавоя и Клефа?

– Угу. – Янтарь вытащила из кармана платок и вытерла лоб. – И ничего хорошего. Брэшен заявил, что Лавой – старпом, а Клеф – юнга и что вмешиваться он не намерен. Не понимаю я этого.

Альтия скривилась в улыбке:

– Перестань думать о нем как о Брэшене, нашем старом приятеле. Если бы Брэшен шел по улице и увидел, как Лавой обижает мальчика, он бы первым кинулся на выручку. Но здесь не улица, Янтарь. Это корабль. А он – капитан. И он не может вступать между старпомом и остальной командой. Стоит ему хоть раз так поступить – и все, Лавоя тут же прекратят слушаться. У них на него миллион жалоб, и с каждой немедленно побегут к капитану. Придется ему со всеми нянчиться, так что управлять кораблем уже некогда будет. Спорю на что угодно, Брэшену замашки Лавоя нравятся ничуть не больше, чем тебе или мне. Но он капитан, и он знает: дисциплина на корабле гораздо важнее, чем несколько синяков на лице мальчика... или на его гордости.

– Ну и насколько далеко, по-твоему, он позволит Лавою зайти? – проворчала Янтарь.

– А уж это его забота, а не моя, – ответила Альтия. И добавила с кривой ухмылкой: – Я ведь, как ты помнишь, всего лишь второй помощник! – Янтарь снова провела платком по лбу, потом сзади по шее, и Альтия насторожилась: – Ты себя хорошо чувствуешь?

– Не очень, – коротко отозвалась Янтарь.

Она отвела глаза, но Альтия так и впиалась взглядом в ее профиль. И вот что увидела. Даже в меркнувшем свете кожа Янтарь выглядела обтянутой и сухой, как бумага, черты лица казались заострившимися. Цвет лица у Янтарь всегда был слишком необычным, Альтии трудно было судить, но обычный золотой отлив уступил место тону ветшающего пергамента. А волос и вовсе не было видно – Янтарь увязала их на затылке и спрятала под платок.

Альтия ждала продолжения, и Янтарь неохотно проговорила:

– Я не слишком здорова, но, в общем-то, и не больна. Есть одна хворь, которая меня время от времени посещает. В такие дни меня лихорадит и ни на что нет сил, но это и все. Скоро я опять буду в порядке. – Альтия смотрела на нее с плохо скрываемым ужасом, и Янтарь поспешно добавила: – Я не заразная. Ни с кем ничего не случится, кроме меня.

– Все равно надо тебе рассказать о себе капитану. И в каюте полежать, пока все не пройдет!

Обе женщины подскочили от неожиданности, когда Совершенный тихо добавил:

– Команде хватит малейшего слуха о «лихорадке и чуме» на борту, чтобы на уши встать.

– Никто ничего не узнает, – заверила их Янтарь. – Я вообще сомневаюсь, что помимо вас да еще Йек кто-то что-то заметит. Йек уже видела раньше, как это бывает. Ее не смутит. – Тут Янтарь повернулась к Альтии и спросила в упор: – А ты? Тебе не страшно будет спать в одной каюте со мной?

Альтия прямо встретила ее взгляд в сгущающейся темноте.

– Я полагаю, – сказала она, – мне придется поверить тебе на слово. Я не буду бояться заразы. Но капитану ты все-таки расскажи. Возможно, он подыщет тебе такую работу, чтобы ты всегда могла прилечь отдохнуть, если понадобится.

Про себя же она надеялась, что Брэшен как-нибудь изловчится на время совсем укрыть Янтарь от посторонних глаз, чтобы никто не прознал о ее нездоровье.

– От тебя только и слышно «капитан» да «капитан». – Губы Янтарь тронула слабая улыбка. – Ты что, все время думаешь о нем только как о капитане?

– Но ведь он и есть капитан, – чопорно ответила Альтия.

Что греха таить! По ночам, на своей узенькой койке, она определенно думала о Брэшене не только как о капитане. Днем – другое дело. Тут иначе было просто нельзя. Но рассказывать Янтарь, как трудно давалось ей подобное размежевание, она не собиралась. Да и что толку об этом рассуждать? Разговорами все равно ничего не изменишь. Лучше уж держать все в себе. Она, правда, подозревала, что Совершенный вполне догадывается о ее истинном чувстве к Брэшену. Она наполовину ждала, чтобы носовое изваяние немедленно изрекло нечто ужасное, насмешливое и разоблачительное. Но Совершенный помалкивал.

– Верно, капитан. Хотя и не только, – неожиданно легко согласилась Янтарь. – Быть может, это не самая худшая его сторона. Сдается мне, он провел немало лет, прикидывая и мечтая, как однажды сделается капитаном. Наверняка ему пришлось изрядно помучиться под началом у скверных капитанов и поучиться у достойных. И вот теперь он сполна может использовать усвоенную науку. Если уж на то пошло, ему здорово повезло. Он сам вряд ли догадывается, до какой степени. Его мечта воплотилась в жизнь! Далеко не каждому это выпадает на долю.

– Выпадает – что? – осведомилась Йек, поднимаясь по трапу на бак и подходя к приятельницам.

Она дружески улыбнулась Альтии, а Янтарь играючи пихнула под ребра. Потом облокотилась на поручни и стала ковырять в зубах. Альтия завистливо косилась на нее. От Йек так и веяло здоровьем и могучей жизненной силой. Девушка-матрос была ширококостной, мускулистой и, судя по всему, нимало не задумывалась о грации и красоте собственного тела. Она не стесняла повязками грудь и всего меньше заботилась о том, что матросские штаны скрывали ее стройные ноги едва до колен. Длинная светлая коса успела выгореть на солнце и морском ветру до соломенного цвета, но Йек и на это не обращала внимания. «Вот то, чем я всю дорогу силюсь быть, но мало что получается, – подумала Альтия удрученно. – Вот женщина, которая нипочем не допустит, чтобы ее пол помешал ей жить как заблагорассудится. Где справедливость?»

В самом деле, Йек родилась и выросла в Шести Герцогствах, так что равенство с мужчиной досталось ей по праву рождения. Потому-то она и в дальнейшем умела без большого труда на нем настоять. Альтии же по сию пору казалось, будто ей требовалось чье-то разрешение просто на то, чтобы быть самой собой. И похоже, мужчины нюхом чуяли в ней эту слабину. Оттого ей все и доставалось с таким трудом. В борьбе, происходившей каждодневно и ежедневно, как дыхание.

– Добрый вечер, Совершенный! – окликнула Йек, перегнувшись через поручни наружу. Обернулась через плечо и обратилась к Янтарь: – Не дашь тоненькую иголочку? Заимообразно? Мне кое-что надо зашить, а мои иголки куда-то подевались!

– Дам, конечно. Сейчас принесу.

Йек беспокойно переступила с ноги на ногу и предложила:

– Да ты скажи просто, где лежит, я сама возьму.

– Можешь мою взять, – вмешалась Альтия. – Они в маленьком кошеле, вколоты в кусок парусины. Там и нитка есть, уже вдетая.

Альтия знала, что «пунктик» Янтарь насчет неприкосновенности и уединения распространялся и на ее личные вещи.

– Ну вот и ладненько, – кивнула Йек. И хитро сощурилась. – Да, так что вы тут говорили про мужиков? Которым не каждому перепадает? А?

– Совсем не то, о чем ты подумала, – мягко улыбнулась Янтарь. – Мы говорили о том, как бывает, когда мечта воплощается в жизнь. И я сказала, что не многим это выпадает на долю, и еще меньше тех, кто испытал удовлетворение. Для большинства людей исполнение мечты оборачивается величайшим разочарованием: они обнаруживают, что все идет не так, как им представлялось. А еще больше тех, кому заветная цель оказывается просто не по плечу, так что дело кончается горечью и крахом надежд. Но вот Брэшену, похоже, со всех сторон повезло. Он делает то, о чем всю жизнь мечтал, и делает хорошо. Насколько я могу судить, капитан из него получился отменный!

– Это уж точно, – задумчиво кивнула Йек. С кошачьей грацией откинулась на поручни и подняла голову к звездам. – Зуб даю, он и в некоторых других отношениях – малый не промах.

Йек была далеко не скромницей. Альтии уже не раз доводилось слышать, как она без большого стеснения говорила о своем интересе к тому или иному мужчине. И ей определенно не по нутру было длительное воздержание, к которому принуждали ее строгости жизни на корабле. Что ж, если она не могла должным образом побаловать свою плоть, то никто не мешал ей предаться полету фантазии. И этими фантазиями она время от времени осчастливливала Альтию и Янтарь. В самом деле, о чем еще поболтать, валяясь на койке, если не о мужиках? Особенно в те редкие часы, когда они собирались в маленькой каюте все трое. Йек было свойственно довольно своеобразное чувство юмора, а посему ее умозаключения о достоинствах того или иного сотоварища по плаванию, равно как и феерические рассказы о минувших любовных интрижках, порою заставляли соседок по каюте буквально умирать от смеха.

До сих пор Альтия неизменно от души хохотала над веселым трепом Йек. Но, как выяснилось, лишь доколе дело не касалось Брэшена. Она задохнулась и промолчала.

Йек ничего не заметила.

– Обращали когда-нибудь внимание на руки нашего капитана? – спросила она сразу обеих. – Славные такие, настоящие рабочие пятерни. Ну да мы все видели, как он вкалывал – еще там, на берегу. Но теперь, заделавшись капитаном, ему не надо больше возиться в смоле и трюмной грязи, и – поглядите-ка! – знай себе чистит ногти, словно вельможа какой. Здорово, да? А то иной мужик тебя трогает, а ты только и думаешь, из какого дерьма он свои рученьки вытащил. И мыл ли он их вообще когда-нибудь. Нет уж, если до рук дело доходит, так пускай они чистыми будут. Никакого удовольствия от грязнуль!

И Йек мечтательно улыбнулась.

– Он капитан, – возразила Альтия. – Не надо бы нам его обсуждать в таком тоне.

Она заметила, как поморщилась Янтарь: замечание Альтии ей не понравилось. Она ждала, что сейчас Йек уничтожит ее остроумным ответом, или вовсе обматерит, или, что еще хуже, Совершенный влезет с каким-нибудь полностью неуместным вопросом. Но Йек только потянулась и произнесла:

– Ну, не всегда же он будет надо мной капитаном. Или, скажем так, не всегда я буду матросом на его судне. Как бы то ни было, настанет денек, когда мне не придется называть его кэпом. И уж когда такой день настанет, тут-то я не растеряюсь! – Белые зубы Йек сверкнули в полутьме: она широко улыбалась. – Что скажу... Только – могила! Заметано? Ну так вот, я уже несколько раз замечала – он на меня пялится! Точно! Даже похваливать стал за работу! – И добавила совсем уж мечтательно: – Мы с ним как раз одного роста, и это тоже мне нравится. Очень удобно кое для чего.

Альтия не смогла удержать язык за зубами.

– То, что он иногда тебя хвалит, – сказала она, – вовсе не значит, что он пялится. Капитан на то и капитан, чтобы увидеть добрую работу и слово о ней сказать. Или о дурной, если кто-то лентяйничает!

– Точно, – кивнула Йек. – Но, сама посуди, как бы он увидел мою работу, если бы совсем на меня не смотрел? Если ты понимаешь, о чем я... – И снова перегнулась за борт. – А ты что скажешь, кораблик? Вы же с капитаном Треллом давным-давно кореша! Небось уйму всего можете друг про дружку порассказать! Поделись с нами, каких он баб себе подбирает?

Совершенный чуть помедлил с ответом, и за это краткое время Альтия успела похоронить себя заживо. Ее сердце остановилось в груди, дыхание прекратилось. Чем именно делился Брэшен с живым кораблем? И что из услышанного тот в простоте душевной им сейчас вывалит?

А у Совершенного, как выяснилось, настроение успело вновь поменяться. Он заговорил мальчишеским голосом, явно польщенный вниманием Йек:

– Брэшен-то? – Кажется, он сам не прочь был начать заигрывать с девушкой. – Я бы все тебе как есть рассказал, да разве будет он со мной о таких вещах откровенничать?

Йек только закатила глаза:

– Ой не надо! Еще не видала я ни одного мужика, который в теплой компании не начал бы языком мести.

– Ну, – тоном многоопытного развратника проговорил корабль, – может, он и доверил мне пару-тройку историй.

– Ага! Так-то лучше! И на каких же баб наш капитан западает? Хотя нет, погоди, дай-ка я сама догадаюсь! – И она опять потянулась. – Значит, так! Коли он вечно призывает команду работать «с огоньком», он, наверное, и девчонок таких любит? Которые с огоньком? Которые проворно обегут всю его оснастку, а потом спустят паруса.

– Йек! – снова не сдержалась Альтия, но тут вмешался Совершенный:

– Сказать по совести, Йек, вот что я от него слышал однажды: болтушки ему поперек печени, это уж точно!

Йек весело расхохоталась:

– Правда твоя, иногда надо и помолчать. Но если не занимать рот болтовней, тогда чем? А? Расскажи, как бедной девушке с ним поступать, чтобы ему понравилось?

– Йек. – Янтарь выговорила это тихо, но очень весомо. И с упреком. Тем не менее Йек обернулась к ним со смешком, а Совершенный вдруг окликнул:

– Кто еще здесь?

– Прошу прощения, что потревожил ваш уютный курятник, но капитан желает немедленно видеть второго помощника, – прозвучал голос Лавоя, незаметно поднявшегося на бак.

Йек тотчас выпрямилась, ее улыбка исчезла. Янтарь враждебно уставилась на старпома. Альтия в панике задумалась о том, что именно он успел услышать из их разговора, и сама себя попрекнула. Не следовало бы ей бездельничать здесь, на баке, панибратски болтая с простыми членами команды да еще на столь деликатные темы. Надо брать пример с Брэшена, сумевшего очень здорово обособиться от остальных. Да. Надо держаться на расстоянии, иначе от ниже-

стоящих уважения не добьешься. Да. Но как разорвать, например, близкую дружбу с Янтарь? И как в таком случае перенести неизбежное и полное одиночество?

А как Брэшен его переносит?

– Иду немедленно, – негромко сказала она Лавою, решив не обращать внимания на уничтожительное замечание насчет курятника.

Лавой был старшим помощником. Значит, имел право попрекать ее, отчитывать и высмеивать, а ее положение обязывало терпеть. Засунув язык в... да, именно туда и засунув. Скверно, что ему вздумалось унижить ее в присутствии членов команды. Но отвечать – значило лишь все усугубить.

– Когда освободишься, взгляни, что там с Лопом, добро? Кажись, парня надо бы того... чуток полечить.

И Лавой хрустнул пальцами, расплываясь в ухмылке.

Альтия сразу поняла, что старпом вознамерился в очередной раз подразнить Янтарь. Было ясно как божий день, что лечить Лопу придется от последствий работы его, Лавоя, кулаков. Старпом успел сообразить, как претит Янтарь всяческое насилие. Ему не подворачивался покамест повод напрямую сорвать зло на самой корабельной плотничихе или на Йек, но он явно наслаждался, видя, как коробило Янтарь зрелище постоянных избиений матросов. У Альтии так и упало сердце. Ну почему Янтарь уродилась такой болезненно гордой? Уступила бы старпому чуть-чуть, он бы и успокоился. А то их противостояние, того и гляди, вот-вот кончится взрывом, да таким, что мало никому не покажется.

Лавой между тем встал возле поручней, там, где только что стояла Альтия. Янтарь отодвинулась. Йек полушепотом пожелала Совершенному спокойной ночи и тихо исчезла. Альтия знала, что ей следует со всех ног бежать на зов капитана, но и оставлять Янтарь наедине с Лавою ужас как не хотелось. Случись что, у них даже не найдется свидетелей – будет его слово против ее. А что значит слово простого матроса против утверждений старпома?

– Плотник! – твердым голосом окликнула Альтия. – На двери моей каюты засов расшатался, ступай почини. Лучше сделать это в тихую погоду, а то, сама знаешь, в шторм всякая чепуха десятеро вырастает!

Янтарь стрельнула на нее глазами. В действительности именно она первой заметила, что засов на двери стучит и бренчит, вместо того чтобы закрываться мягко и плотно, – Альтия же на это только пожалала плечами. Тем не менее Янтарь ответила со всей серьезностью:

– Немедленно починю.

Альтия промедлила еще мгновение, надеясь, что Янтарь использует благовидный предлог и покинет общество Лавоя. Но та не двинулась с места, и у Альтии не было иного способа принудить ее, не вызвав вспышку с одной из сторон. Что ж, ничего не поделаешь. Пришлось уйти и оставить их на баке вдвоем.

* * *

Капитанская каюта располагалась на самой корме корабля. Альтия решительно постучала и, как следовало, дождалась негромкого приглашения войти.

«Совершенный» был выстроен в предположении, что капитанствовать на нем будет сам владелец или, по крайней мере, член семьи. Об удобстве размещения нижних чинов строители не слишком заботились; большинству простых моряков было предоставлено обходиться гамаками, которые каждый вешал себе на нижней палубе, где находилось местечко. Брэшен же обитал в просторной каюте с настоящей кроватью, двумя столами – обеденным и рабочим, для карт, – и широкими иллюминаторами, смотревшими за корму. Альтия шагнула через порог, и ее встретил желтоватый свет ламп, уютно игравший на полированном дереве стен.

Брэшен сидел за рабочим столом. Перед ним были разложены его собственные наброски на кусках парусины, те самые, тайно сделанные во время плаваний с капитаном Финни на «Кануне весны». И пергаменты, где Альтия пыталась составить воедино разрозненные куски и придать им вид правильных карт. Альтии бросилось в глаза, что Брэшен выглядел невероятно усталым и даже каким-то постаревшим. Наверное, это оттого, что яд морского змея здорово обжег ему лицо, с него слезло порядочно кожи, и морщины возле носа и на лбу стали виднее. Ко всему прочему, яд изрядно попортил ему брови, так что вид у капитана постоянно был какой-то изумленный. Альтия про себя радовалась хотя бы тому, что отравы не попала ему в глаза.

– Ну? – неожиданно спросил Брэшен, и тут только она сообразила, что стоит посреди каюты и молча таращится на него.

– Ты велел зайти, – отозвалась она, и оттого, что ей было неловко, она выговорила эти слова едва ли не резко.

Брэшен под ее взглядом провел рукой по волосам, ни дать ни взять ожидая обнаружить и там какую-то убыль. Кажется, его слегка ошарашил ее тон.

– В общем, да, – выговорил он наконец. – Велел. Знаешь, я тут переговорил с Лавоем, и он подкинул мне мыслишку-другую. Кое-что выглядит весьма даже заманчиво, вот только, боюсь, если я пойду у него на поводу, не пришлось бы мне потом пожалеть. Короче, сижу я вот тут и спрашиваю себя: а насколько хорошо я знаю этого малого? Способен ли он на обман, если... – Брэшен осекся, по-видимому решив, что уж слишком разоткровенничался. – Словом, я хотел бы знать твое мнение о том, как в последнее время идут дела у нас на корабле.

– Со времени нападения змея? – неизвестно зачем спросила она.

Впрочем, в тот день действительно произошло некоторое перераспределение власти. С тех пор как они с Брэшеном плечом к плечу отбивались от морского чудовища, команда определенно заужала Альтию, признав ее право начальствовать, и ей казалось, что Лавою это не слишком понравилось. Альтия задумалась, как бы поаккуратнее изложить это капитану, не впадая в грех осуждения непосредственного начальства, то бишь старпома.

– Со времени нападения змея, – повторила она, – мне сделалось легче управляться с вверенной мне частью команды. Ребята повинуются охотно и без промедления. Мне кажется, я их до некоторой степени завоевала. – Альтия набрала полную грудь воздуха и все-таки бросилась головой в омут. – Тем не менее, – сказала она, – с того же самого времени старший помощник счел необходимым ужесточить дисциплину в команде. До некоторой степени это оправданно, ведь далеко не все повели себя правильно во время схватки со змеем. Как ты помнишь, иные вообще перестали повиноваться, и лишь немногие поспешили нам на помощь.

Брэшен нахмурился.

– Лично я, – сказал он, – заметил, что и сам Лавой не то чтобы кинулся нас выручать. В тот момент как раз была его вахта, он находился на палубе. А помощи от него не было никакой.

Альтия ощутила в животе холодок. Ей и самой следовало бы обратить на это внимание. Лавой вправду так и простоял в сторонке, пока они с Брэшеном отгоняли чудовище. Вот так. А ведь в тот момент ей показалось самым естественным делом, что против змея должны были встать именно они с Брэшеном. Теперь же она задумалась, а не было ли в поведении Лавоя какого скрытого смысла и можно ли было объяснить его одним только страхом. Уж не надеялся ли старпом, что Брэшен погибнет? А того лучше, и она вместе с ним? И он, так сказать, унаследует командование живым кораблем? И если бы вышло по его хотению, во что превратилась бы их спасательная экспедиция?

Брэшен молчал, определенно давая ей поразмыслить.

– Так вот, старпом взялся ужесточать дисциплину, – проговорила она наконец. – Но, на мой взгляд, он прилагает свои усилия не особенно равномерно. Кое-кому из людей достается не по справедливости. Лопу, в частности. И Клефу.

Брэшен пристально поглядел на нее и заметил:

– Вот уж не ожидал, что ты проникнешься таким сочувствием к Лопу. Он ведь не очень-то помог тебе, когда Арту попал на тебя в трюме!

Альтия почти сердито тряхнула головой:

– Помощи от него – как от козла молока. Лоп, по-моему, в некоторых отношениях полудурок. Дай ему простую работу, объясни, что к чему, – и он, глядишь, справится. А вот если надо самому решение принимать... Когда Арту... когда я отбивалась от Арту, Лоп ужасно разволновался, прыгал кругом нас, бил себя в грудь и сам себя ругательски ругал. А что нужно было бы сделать – так и не сообразил. Я – второй помощник, Арту – товарищ по команде, и Лоп не смог сделать выбор. Но потом, на палубе, когда мы сражались с той тварью, именно у него хватило храбрости запустить в змея ведерком и оттащить Хаффа в укрытие. Если бы не он, было бы у нас сейчас одним матросом меньше. Верно, звезд с неба он не хватает, но моряк справный. Особенно если считаться с его ограниченными способностями и не требовать большего.

– А Лавой, как тебе представляется, требует от него слишком многого?

– Лоп у матросов служит постоянной мишенью для шуточек. Этого только следовало ожидать, да он и сам ничего против не имеет, только радуется общему вниманию, пока они палку не перегибают. Но когда к их забавам присоединяется Лавой, игра сразу делается жестокой. И даже опасной. Да что далеко ходить! Лавой сам мне только что сказал, чтобы я, как освобожусь, сходила полечила Лопа. Его, видно, снова поколотили. И так почти каждый день. Парня без конца подначивают, а когда он сотворит что-нибудь глупое или опасное – лупят. А уж если что не так, Лавой непременно во всем винит Лопа, и хоть бы раз кто встал и сказал: нет, это не он, это я виноват. Нехорошо это. Нам нужно, чтобы каждый был за всех и все за одного, а что получается?

Брэшен хмуро кивнул. Потом спросил:

– А не замечала, как ведет себя Лавой с рабами, которых мы увезли из Удачного?

Вопрос оказался неожиданным. Альтия помедлила, мысленно прокручивая события последних дней. Потом сказала:

– Да вроде пристойно. По крайней мере, я ни разу не видела, чтобы он кого из них зря обижал. Только держит их до некоторой степени отдельно от прочей команды. Между прочим, среди них есть очень способные ребята! Могу спорить, что Харг и Китль когда-то плавали в море, хотя они и отнекиваются. Еще у некоторых видны шрамы, которые можно было получить только в бою, да и все повадки как у людей, хорошо знакомых с оружием. У двоих наших лучших стрелков тоже рожи татуированные. Это притом, что каждый клянется, будто тихо-мирно жил где-то на Пиратских островах и был сыном безобидного торговца; потом-де налетели охотники за рабами и загребли ни за что ни про что. Работают очень хорошо, только держатся своей компанией и с остальными не очень-то дружат. Я думаю, правда, что с течением времени мы убедим остальных матросов, что эти бывшие рабы – такие же товарищи по команде, потому что...

– Вот как, значит, – перебил Брэшен. – То есть тебе показалось, будто он не просто позволяет им держаться, как ты выразилась, своей компанией, но и всемерно этому способствует, когда раздает им работу?

Альтии оставалось только гадать, куда он клонит.

– Ну... пожалуй, – сказала она. – Между прочим, Лавой в свою вахту использует Харга и Китля почти что как капитан – старпома и второго помощника. Иной раз даже кажется, что все эти бывшие рабы – нечто вроде второй независимой команды на судне. – И совсем уже нехотя добавила: – Надо сказать, неприятие между двумя половинами нашего экипажа – дело вполне обоюдное. Не то чтобы наше портовое отребье не желало принимать в свои ряды бывших рабов... Татуированные тоже не особенно хотят с ними знаться!

Брэшен откинулся в кресле.

– Они были рабами в Удачном. И большинство оказалось в неволе после того, как их схватили во время набегов на поселения Пиратских островов. Поэтому они охотно шли на любой риск, тайно выбираясь из города на борту «Совершенного»: мы предоставили им шанс вернуться домой. Я сам предложил им такой шанс в обмен на их труд на корабле. А теперь что-то сомневаюсь, удачную ли заключил сделку! Человек, пойманный на этих островах и проданный в рабство, он ведь, скорее всего, сам пират. Или, по меньшей мере, горячо им сочувствует.

– Скорее всего, – через силу согласилась Альтия. – Но, как ни крути, мы помогли-таки им освободиться! Это дает нам право рассчитывать на их доброе отношение!

Капитан передернул плечами:

– Возможно. Хотя на самом деле трудно сказать. И я здорово подозреваю, что в данное время они если и расположены к кому, то, скорее, к Лавою. А не к нам с тобой. И не к Совершенному. – Он повозился в кресле и продолжал: – А вот что предложил мне Лавой. По его мнению, когда мы окажемся во внутренних водах архипелага, лучшая возможность для нас пробраться поглубже – это самим притвориться пиратами. Он говорит, присутствие его татуированных морячков придаст нам должную убедительность. И что они научат нас пиратским обычаям. Он даже намекнул, что иные из них очень неплохо знают острова. Вот так-то. Сделаем наше судно пиратским.

– Что? – Альтия едва поверила собственным ушам. – Но... Каким образом?

– Придумаем себе флаг. Захватим один-два корабля, сказал Лавой, заодно сражаться научимся. Потом причалим в каком-нибудь пиратском городишке, начнем продавать добычу, сорить деньгами и распускать слух, что, мол, жаждем присоединиться к Кенниту. Этот самый Кеннит, он ведь уже некоторое время титулуется королем пиратов. Последняя сплетня, которую я о нем слышал, гласила, что он всю собирает сподвижников. Так что, если мы сумеем к ним присоединиться, это даст нам возможность вплотную подобраться к самому Кенниту. И хорошенько разведать, что там к чему с Проказницей, а действовать уже потом!

Альтия решительно подавила вскипевшее было возмущение, заставив себя трезво взвесить достоинства и недостатки подобного плана. На ее взгляд, самой заманчивой была возможность выяснить, сколько матросов уцелело из команды Проказницы. И уцелел ли хоть кто-нибудь. Все же она сказала:

– Так мы, чего доброго, окажемся в какой-нибудь крепости, откуда будет не выбраться, даже если мы схватимся с Кеннитом и его людьми и победим. Нет, дело это малоосуществимое, и вот почему. Во-первых, Совершенный – живой корабль. Каким образом Лавой собирается скрыть это обстоятельство? А во-вторых, нам пришлось бы убивать. Просто ради того, чтобы поучиться сражаться! Значит, мы должны налететь на какой-нибудь маленький торговый кораблик, поубивать команду, захватить груз. Не понимаю, как ему в голову-то пришло?

Брэшен заметил:

– Можно напасть на работорговый корабль.

Альтия ошарашенно замолчала, вглядываясь в его лицо.

И увидела, что он был абсолютно серьезен.

Он устало посмотрел ей в глаза:

– Другого-то плана у нас все равно нет. Знаешь, сколько времени я угробил впустую, пытаюсь изобрести способ как-нибудь скрытно обнаружить «Проказницу», проследить за ней и ударить, застав Кеннита врасплох? Так и так прикидывал – ничего не получается! Хуже того, я крепко подозреваю, что, если Кеннит еще держит в заложниках кого-нибудь из прежней команды, он скорее расправится с этими людьми, но не даст нам их освободить.

– Я-то думала, – кое-как выдавила Альтия, – мы намеревались для начала вступить с ним в переговоры. Предложить выкуп за судно и оставшихся в живых моряков.

Сказала и сама поняла, до чего по-детски наивно прозвучали эти слова. Денег, которые с грехом пополам собралось ее семейство перед отплытием «Совершенного», не хватило бы выку-

пить даже обыкновенное судно. Куда там живой корабль. Зная об этом, Альтия отодвигала денежный вопрос на задворки сознания, твердя себе: на то и переговоры. Мы пообещаем Кенниту заплатить крупную сумму попозже, когда «Проказница» невредимой вернется в Удачный. Большинство обычных пиратов непременно соблазнились бы выкупом. Деньги – вот движущая сила пиратства!

Имелось только одно «но». Кеннит отнюдь не обычный пират. Все наслышаны о его похождениях. Он одно за другим захватывал невольничьи суда, команды предавал смерти, а «груз» отпускал на свободу. Захваченные корабли немедля принимались пиратствовать, причем невольники, извлеченные из трюмов, зачастую составляли их экипажи. И первое, что делали новоявленные пираты, – они потрошили очередного работорговца.

По совести говоря, не будь тут замешана Проказница, Альтия только приветствовала бы усилия Кеннита по искоренению на Проклятых берегах рабства. И получила бы душевное удовольствие, наблюдая, как невольничьей торговле Калсиды перекрывает воздух рука, протянувшаяся с Пиратских островов. Но... Муж ее родной сестры додумался превратить их семейный корабль в работорговый. И Кеннит его захватил. Теперь Альтия хотела вернуть «Проказницу». Это была заноза у нее в сердце, причинявшая постоянную боль.

– Вот видишь, – заметил Брэшен негромко. Он, оказывается, пристально наблюдал за выражением ее лица. Альтия отвела глаза, смущенная той легкостью, с которой он читал ее мысли. – Рано или поздно дело все равно дойдет до кровопролития. Мы можем для начала догнать небольшое невольничье судно. И команду не обязательно убивать. Если они сдадутся, их можно будет высадить на корабельные шлюпки. А потом отвеем корабль в какой-нибудь пиратский городок и освободим «груз» точно так же, как это делает Кеннит. Глядишь, жители Пиратских островов понемногу начнут нам доверять. И рано или поздно мы добудем сведения, необходимые, чтобы выследить «Проказницу».

Однако полной уверенности в его голосе что-то не было слышно. И в темных глазах, устремленных на Альтию, плескалась настоящая мука.

– Ты что, – озадаченно выговорила она, – у меня позволения спрашиваешь?

Он нахмурился и помолчал, прежде чем ответить.

– Глупое положение, – тихо сказал он наконец. – Я капитан «Совершенного». Но «Проказница» – твой семейный корабль. Да и плавание наше происходит на деньги Вестритов. Поэтому я считаю, что по некоторым вопросам твое мнение – не просто мнение второго помощника. – Брэшен вновь откинулся в кресле и закусил в зубах сустав пальца. – Ну? Что скажешь, Альтия?

Неожиданно назвав ее по имени, он тем самым ощутимо переменял весь тон разговора. Он указал ей на стул, и она медленно села. Брэшен же, наоборот, поднялся и прошагал через каюту, чтобы вернуться к столу с бутылкой рома и двумя стаканами. Налил понемногу в тот и другой. Посмотрел на Альтию и улыбнулся, вновь усаживаясь на место. Пододвинул ей стакан. Руки у него, между прочим, действительно были отменно чистые. Альтии понадобилось усилие, чтобы вернуться к теме их разговора. Он спросил ее, что она думала. Пора было отвечать.

– Не знаю я, что я думаю. Наверное, я с самого начала сказала себе, что решение принимать будешь ты. Ты ведь в самом деле у нас капитан. А вовсе не я.

Прозвучало почти как обвинение, хотя Альтия совсем того не желала. Она взяла свой стакан и отпила.

Брэшен сложил руки на груди.

– Да уж, – хмыкнул он. – Не устаю убеждаться.

И тоже потянулся к стакану.

Альтия решила переменить течение разговора.

– Надо еще и с Совершенным считаться, – сказала она. – Нам обоим известно, что пиратов он не выносит. Каково ему-то придется?

Брэшен снова хмыкнул и со стуком опустил стакан на стол.

– Вот тут-то, – сказал он, – и начинаются чудеса. Лавой, знаешь ли, утверждает, что корабль будет просто в восторге.

– Ему-то откуда знать? – не поверила Альтия. – Он что, уже разговаривал с Совершенным на сей счет? И заручился его согласием? – Ее негодованию не было предела. – Да как он посмел? Еще чего не хватало – засорять Совершенному остатки разума всякими сомнительными идеями.

Брэшен наклонился к ней через стол:

– А он утверждает, будто корабль сам с ним об этом заговорил. Якобы он, Лавой, однажды спокойноенько покурил трубку, стоя на баке, и носовое изваяние к нему обратилось, спрашивая, не случилось ли ему когда подумывать, а не податься ли в пираты. Вот тут нашего Лавоя, стало быть, и посетила светлая мысль, что самый лучший способ проникнуть в пиратскую гавань – это на пиратском корабле. А Совершенный еще и расхвастался, будто знает внутри архипелага уйму всяких тайных путей. Во всяком случае, Лавой так говорит.

– А самого Совершенного ты спрашивал?

Брэшен покачал головой:

– Я побоялся заговаривать с ним об этом. Еще вообразит, будто я склонен это одобрить! Тогда его поди удержи. Или, наоборот, решит, что я резко против, и пустится во все тяжкие, чтобы настоять на своем. Самоутверждения ради. Да кому я объясняю, ты не хуже меня знаешь, на какие фортели он способен! Уж если подходить к нему с этим, так только если мы все будем за. А если выскажусь я один – как бы не дошло до беды.

– Сдается мне, уже дошло, – проговорила Альтия задумчиво. Ром породил у нее в желудке очажок тепла. – Последнее время Совершенный довольно-таки странно себя ведет.

Брэшен криво улыбнулся:

– А что, на твоей памяти бывало иначе?

– Нет, он всегда странный, но тут, по-моему, заскоки пошли еще те. Сегодня он, например, такое мел, что меня даже в дрожь бросило. Дескать, Кеннит – это судьба, с которой мы обязаны встретиться. И никакие, стало быть, мелочи не должны нас отвлекать от великого предназначения.

Брэшен осторожно спросил:

– А ты не согласна?

– Насчет великого предназначения – ну, не знаю. У меня, Брэшен, воображение, знаешь ли, не идет дальше того, чтобы застучать «Проказницу» в удобный момент на якорной стоянке, когда на борту будет самая что ни на есть сокращенная вахта, потихоньку украсть ее и увести. Вместе с нашими ребятами из команды, если хоть один из них остался в живых. Чего еще? Лить кровь, бросаться в битвы? Без жизненной на то необходимости? Не хочу!

– И я не хочу, – ответил Брэшен негромко. И плеснул понемногу рома в оба стакана. – Другое дело, не очень-то верится мне, что мы сумеем вернуть «Проказницу» без крови и битвы. Так что надо бы внутренне подготовиться к худшему.

– Догадываюсь, – неохотно согласилась она.

И сама спросила себя, а не пустые ли это слова. Ей ни разу не доводилось бывать в каких-либо сражениях. Весь ее батальный опыт исчерпывался несколькими кулачными потасовками в тавернах. Альтии трудно было даже вообразить себя с абордажной саблей в руке. Да, она умела постоять за себя, когда на нее нападали. Это качество она за собой знала. Но как она прыгнет через борт на чужую палубу, размахивая оружием, как она станет убивать людей, которых до того никогда прежде не видела? Она сомневалась, что способна на это, даже теперь, когда вроде было самое время мысленно погеройствовать – сидя с Брэшеном в тепле и уюте капитанской каюты. «Нет, – сказала она себе в конце концов, – это как-то не по-нашему. Мы, торговцы Удачного, так не поступаем!» И в самом деле, ее с детства учили, что лучший путь

к получению желаемого лежал через переговоры. Но... Альтия хотела вернуть свой корабль. Хотела поистине бешено. Со всей силой, со всей страстью души. И – почему знать? – если однажды она воочию увидит свою возлюбленную «Проказницу» в руках у захватчиков, тут-то все и встанет на место? И она без дальнейших духовных метаний подхватит ту самую саблю и кинется убивать этих людей?

– Ну что? – спросил Брэшен, и до нее дошло, что она уже довольно долго смотрит мимо него в кормовой иллюминатор, туда, где белым кружевом пенится в темноте их кильватерный след.

Альтия снова посмотрела капитану в глаза. Повертела в пальцах стакан и спросила:

– Что – что?

– Я говорю – ну что, подадимся в пираты? Или, по крайней мере, прикинемся, что подались?

Альтия внутренне заметалась, не в силах сделать осмысленный выбор.

– Ты – капитан, – сказала она наконец. – Я думаю, тебе и решать.

Брэшен помолчал немного, потом улыбнулся:

– Должен сознаться, иной раз об этом подумую – и приятно. Я, кстати, уже начал обдумывать кое-какие подробности. Флаг, например. Как тебе покажется алый морской змей на голубом фоне?

Альтия поморщилась:

– Вряд ли такой символ окажется приносящим счастье. Зато страшноватый!

– Страшноватый? Значит, то, что надо. Правду молвить, я долго выбирал знак пострашнее, и этот – прямо из моих худших кошмаров. А что касается удачи и счастья, то, боюсь, придется нам их себе обеспечить самим!

– Собственно, как и всегда, – подытожила Альтия. – Так мы только за работорговыми судами будем гоняться?

На мгновение его лицо стало угрюмым. Потом в глазах появился отблеск прежней улыбки.

– Может статься, – сказал он, – что нам вообще ни за кем не придется гоняться. Может, удастся лишь прикинуться, что мы кого-то поймали... или собираемся это сделать. Станем на время актерами, не возражаешь? Я изображу недовольного младшего сына какого-нибудь удачливого торговца. Этакого вельможного отпрыска, пакостника и хлыща, решившего отправиться на юг с намерением попробовать себя в политике и пиратстве. Как тебе?

Альтия не выдержала и расхохоталась. Ром успел уютно расположиться у нее в животе, и теперь тепло распространялось по всему телу.

– Подозреваю, – сказала она, – что тебе эта игра так понравится, Брэшен, что ты и останавливаться не захочешь. Ладно, а как насчет меня? Как ты им объяснишь мое присутствие на корабле?

– А ты будешь моей прекрасной пленницей, как выразился бы поэт. Дочкой состоятельного торговца, которую я захватил и держу ради выкупа. – И он искоса на нее посмотрел. – Тут-то я и заработаю репутацию отчаянно дерзкого пирата. А до кучи можно еще наплести, что-де Совершенный – твой семейный корабль. Вот тебе и объяснение, как мы его заполучили.

– Не переиграть бы, – задумчиво проговорила она.

Однако в глазах заблестела искорка. Альтия сама это почувствовала и решила, что, не иначе, опять во всем был виноват ром.

Она как раз прикидывала, не поддаться ли голосу сердца в ущерб доводам разума, когда Брэшен неожиданно помрачнел.

– Очень хотелось бы надеяться, – сказал он, – что любительское актерство вправду помогло бы нам выволить твой корабль. Боюсь только, реальное пиратство окажется не игрой, а делом кровавым и грязным. А еще больше боюсь, что это дело вправду слишком сильно

понравится. Нет, не мне, а Лавою с Совершенным. – Брэшен невесело покачал головой. – У них у обоих есть эта струнка... Не знаю даже, как выразиться. Какая-то подленькая гнильца в душе. Может, я ошибаюсь, но, по-моему, дай полную волю одному и другому – и оба они быстро дойдут до таких бездн низости и жестокости, что нам с тобой и во сне не приснится.

– И Совершенный тоже? – удивилась Альтия.

Однако у самой по спине пробежал легкий холодок: глубоко в душе она понимала, что Брэшен прав.

– Ага, – кивнул Брэшен. – Если они сплуются с Лавою, гремучая смесь получится еще та. Поэтому я и хотел бы, насколько это возможно, воспрепятствовать их сближению.

В дверь каюты постучали так неожиданно, что оба подскочили.

– Кто там? – по-капитански строго осведомился Брэшен.

– Лавой, кэп.

– Входи.

Альтия успела вскочить на ноги прежде, чем старпом шагнул на порог. Ох, эта бутылка на столе и два стакана при ней! Альтия напустила на себя самый что ни на есть независимый вид, чтобы, не приведи Са, не показаться виноватой либо смущенной, но все тщетно. Взгляд, который сразу метнул на нее Лавой, был более чем красноречив. Он и к Брэшену обратился довольно язвительно, умело балансируя на грани дозволенного:

– Прости, кэп, если помешал, просто у нас тут на корабле кой-чего стряслось. Плотничиха, понимаешь, на баке без сознания валяется. Я и подумал, надо бы доложить.

Язык у Альтии сработал быстрее ума:

– Что с ней?

Лавой презрительно оттопырил губу:

– Я тут, вообще-то, капитану докладываю.

– Именно, – холодно отчеканил Брэшен. – Так докладывай, раз пришел. А ты, Альтия, сходи посмотри, что там с Янтарь. Так что случилось, Лавой?

– А чтоб я сдох, ежели знаю. – Здоровяк старпом передернул плечами. – Гляжу, а она себе валяется. Ну и пошел, значит, сообщить.

Альтии некогда было ему возражать. И не время и не место рассказать Брэшену, как она оставила их на баке вдвоем. Альтия со всех ног кинулась выяснять, что там сотворил над ее подругой скотина Лавой. Сердце колотилось где-то у горла...

Глава 6

Сама себе хозяйка

С низко надвинувшегося неба моросил нескончаемый дождь. Мокрые кусты нахохлились в саду под окном, жухлые газоны, заваленные бурями листьями, были насквозь пропитаны влагой. Серилла выпустила кружевной край занавески, и та упала на место, но отгородить комнату от уныния, царившего за окном, так и не смогла. Промозглая серая сырость вползла внутрь, и Серилле стало тоскливо и зябко. Распоряжение задернуть тяжелые гардины и затопить камин оказалось тщетным. Уютнее в кабинете так и не стало. От зимы, понемногу забравшей власть в Удачном, некуда было деться. Серилла дрожала и ничего не могла с этим поделаться. Сколько она себя помнила, зима никогда ей не нравилась. А нынешняя зима и вовсе проходила в сплошном беспокойстве. Да еще и в грязи по уши.

Вчера (естественно, под надежной охраной!) она покинула бывший дом Рестара и совершила вылазку в город. Серилла велела кучеру провезти себя по всему Удачному, не минуя ни старого рынка, ни пристаней. Повсюду царила сущая мерзость запустения. Напрасно Серилла с надеждой высматривала хоть какие-то признаки оживления. Сгоревшие руины лавок и жилых домов пахли мокрыми головнями, и это был настоящий запах отчаяния. Длинные пирсы оканчивались бесформенными изломами горелых досок, а за ними из свинцовой воды торчали мачты затопленных кораблей. Что до людей, которых Серилла встречала на улицах, все они как один кутались в длинные плащи с надвинутыми капюшонами, ибо к тому предрасполагала мерзостная погода, и все поголовно очень торопились куда-то. Видя проезжающую карету, прохожие отворачивались. Малоприятная обстановка царила даже на тех улицах, где несли службу уцелевшие патрули городской стражи.

Куда подевались ярко освещенные чайные, где была спокойная деловитость процветающих торговых товариществ? Похоже, тот многокрасочный и шумный Удачный, который она проехала насквозь при первом своем посещении дома Рестара, попросту умер. Умер, превратившись в вонючий и безобразный труп. Взять хоть улицу Дождевых Чашоб, слышную некогда вместилищем чуть не всех чудес света. Теперь была мертва и она. Повсюду либо выпотрошенные, либо заколоченные досками витрины покинутых лавочек. А те, что худо-бедно еще торговали, имели вид какой-то опасливый и настороженный.

Уже не говоря про то, что карета Сериллы была трижды вынуждена сворачивать с избранного маршрута, – по улицам тут и там было просто не проехать из-за нагромождений битого камня, бревен и всякого мусора.

Она-то думала, что повстречает купцов и просто жителей, соседей, помогающих друг другу налаживать порушенный жизненный уклад. Она-то в деталях воображала, как выйдет к ним из кареты, чтобы прочувствованным словом воздать должное их жизнелюбивым усилиям. И как они станут приглашать ее в только-только отремонтированные магазинчики, позовут полюбоваться наполовину отстроенными домами. Она поздравила бы их, похвалила их мужество и усердие, а они радовались бы оказанной им чести.

И тем самым она уверенно завоевала бы их преданность и любовь.

Мечты, мечты! Как жестока оказалась действительность!

Вместо хлопотливых и радостных тружеников глазам Сериллы предстали мрачные бродяги, ни с кем не желавшие иметь дела, и уж с ней – всего менее. С ней никто даже ни разу не поздоровался. Расстроившись, она вернулась в дом Давада и сразу легла в постель. Ей даже ужинать не захотелось, не было аппетита.

У нее было такое ощущение, что ее жестоко обманули. Удачный был для нее чем-то вроде давно вымечтанной игрушки, манящей и желанной, – уж ее-то она нипочем не выпустит из рук, если сумеет когда-нибудь завладеть! И вот вам пожалуйста. Она проделала такой путь,

претерпела ужасающие несчастья (ох, лучше вовсе не вспоминать...) – и все лишь для того, чтобы сверкающий мыльный пузырь немедленно лопнул, лишь на мгновение позволив взять себя в руки. Положительно сама судьба ополчилась против Сериллы. Едва ей показалось, что вот сейчас цель всей жизни будет достигнута, – и город не придумал ничего лучшего, чем просто взять и погибнуть. А посему некая часть души Сериллы требовала признать поражение, без лишних затей нанять корабль – да и вернуться в Джамелию.

Вот только о безопасном морском путешествии в Джамелию нынче навряд ли приходилось даже мечтать. Воинственные калсидийцы только и ждали, чтобы какое-нибудь судно направилось в Удачный или вышло из его гавани. Но даже если предположить, что некоторым чудом Серилла сумела бы от них ускользнуть и благополучно вернуться в столицу – да, вот где ее встретили бы с распростертыми объятиями, уж что говорить. Заговор-то против сатрапа коренился именно в Джамелии. И в ней сразу усмотрели бы свидетеля. Опасного свидетеля. Угрозу кое для кого, и нешуточную. И этот кое-кто очень скоро надумал бы отделаться от нее. В самом прямом и непосредственном смысле этого слова. Зря ли Серилла преисполнилась подозрений, еще когда сатрап только замыслил свое путешествие в Удачный да к тому же запланировал в дальнейшем посетить и Калсиду! Следовало ждать, чтобы приближенные Касго хором принялись его отговаривать: испокон веку велось так, что правящие сатрапы редко покидали пределы страны. И что? Сатрапский двор не то что не возражал – намерение Касго было дружно поддержано. Теперь Серилла только вздыхала, вспоминая те дни. Те же высокопоставленные лизоблюды, что некогда развратили коронованного юнца, подсовывая ему то доступных женщин, то вино, то дурманные зелья, – те же самые личности теперь рады были спровадить его далеко и надолго, да в опасные и неведомые края, да под охраной весьма ненадежных союзников. Постарались и калсидийцы, наобещавшие ему в своей стране невообразимые снадобья и немислимые плотские наслаждения. И Касго, самоуверенный и ленивый, заглотил приманку мгновенно. Позволил легко сманить себя с трона. Ну точно дитя, которому посулили новые игрушки и горстку конфет. Вот, значит, ради чего столько лет старались его «наивернейшие друзья», планомерно приучившие мальчишку заботиться лишь о собственных удовольствиях. Все делалось лишь затем, чтобы однажды лишить его престола.

И внезапно, в который раз предаваясь этим невеселым умозаключениям, Серилла испытала настоящее озарение. Ей было, в общем-то, наплевать, что станется с Касго и с его положением в Джамелии. Она всего лишь хотела удержать Удачный под властью сатрапа – с тем, конечно, чтобы самой прибрать город к рукам. А это значило... Это значило: разберись, кто в Удачном всего более радел о его низложении, и поймешь, кто назавтра пожелает разделаться и с тобой.

На какой-то миг Серилле отчаянно захотелось вернуть время назад: и почему она, имея к тому все возможности, пренебрегала глубоким изучением Калсиды? У ее мучителя, калсидийского капитана, лежали в каюте какие-то письма. Они были написаны джамелийскими буквами, но на языке его страны. Ей удалось разобрать только фамилии двух весьма уважаемых джамелийских семейств. И при них – денежные суммы. Помнится, ей сразу показалось, что она подобралась к самым что ни на есть корням столичного заговора. За что же, спрашивается, те вельможи заплатили калсидийцам? Или, может, наоборот, это калсидийцы за что-то им заплатили? Если бы ей удалось разобрать письма капитана, пока он держал ее там... пока он...

На этом, как обычно, ее разум пугливо отгородился от слишком жутких воспоминаний. Всего же страшнее было осознавать, что сделали с нею те страшные дни заточения и унижений. Пережитое надломило Сериллу, надломило непоправимо и достаточно мерзким образом. Она не могла забыть калсидийского капитана, в чьей полной власти пребывала тогда ее жизнь или смерть. Не могла забыть и сатрапа – развратного, испорченного мальчишку, наделенного тем не менее властью довести ее до подобного состояния. Увы, пережитое заставило ее полностью пересмотреть собственное мнение о себе. Власть, власть мужчин... где могущество, а где и

грубая сила. Испытать на себе то и другое – да не сломаться? Что ж, теперь и в ее руках пребывала некая толика власти, и, пока Серилла держалась за нее достаточно крепко, она была в безопасности. Ни один мужчина никогда больше не подчинит ее своей воле. Она достигла определенного положения. Такого, которое могло стать ей щитом. И этот щит она удержит. Любой ценой.

Увы, за власть приходится так или иначе платить.

Серилла вновь приподняла уголок занавески и выглянула наружу. Даже здесь, в Удачном, на нее могло быть совершено покушение. Она знала об этом и никогда не выходила за дверь без охраны. Она никогда не обедала в одиночку и всегда устраивала так, чтобы гостям подавали то же самое, что и ей, и кто-нибудь из них обязательно отведал тех же блюд, которыми собиралась полакомиться она сама. Может, ее в конце концов и убьют, но она умрет не одна! Вот только убить себя она нипочем не позволит. Не позволит и вырвать у себя власть, которой она добилась такими трудами и муками. Этой власти будет постоянно грозить то одно, то другое, но Серилла сумеет отбиться. И уж как-нибудь удержит сатрапа – в безопасности, но отрезанным от мира и без надежды с кем-нибудь связаться. Ради его же блага, разумеется.

Серилла даже позволила себе скупую улыбку. Какая жалость, что его увезли так далеко! Останься он здесь, в Удачном, она бы проследила, чтобы он не знал недостатка во всяких удовольствиях и дурманящих травках, – а значит, был бы вполне управляем. Она бы и с Кикки его как-нибудь разлучила. А потом убедила бы, как мудро с его стороны ни во что не вмешиваться и предоставить ей, Серилле, вести все дела.

Осторожный стук в дверь прервал нить ее размышлений. Она вновь выпустила занавеску и отвернулась от окна.

– Входите!

У служанки была рабская татуировка на лице. Зеленая наколка, по-паучьи распластавшаяся на щеке, вызывала у Сериллы отвращение. Такое отвращение, что она предпочитала вообще не смотреть на служанку – разве что по сугубой необходимости – и вообще с радостью выгнала бы ее вон, беда только, прислужница оказалась единственной, кто худо-бедно знал приличное джамелийское обхождение.

– В чем дело? – спросила Серилла, по обыкновению глядя мимо склонившейся перед ней женщины.

– Госпожа Вестрит желает поговорить с тобой, госпожа Подруга Серилла.

– Пусть зайдет, – ровным голосом ответствовала Серилла.

Правду сказать, неожиданный визит ни в коей мере не способствовал улучшению ее настроения, но показывать это она не намеревалась. Без сомнения, ее решение держать эту женщину поближе к себе было мудрым: так она могла хотя бы наблюдать за нею, и с этим согласился даже Роэд Керн. Серилла помнила, как невольно возгордилась придуманной хитростью, и это была законная гордость. Незадолго перед этим она тайком встретила с главами городского Совета, и ее требование заточить Ронику Вестрит привело почтенных торговцев в состояние тихого ужаса. Что за люди! Даже тяготы нынешних времен так и не смогли заставить их осознать правомочность подобного шага. Серилла поневоле стискивала зубы, вспоминая то давнее противостояние. Увы, ей пришлось убедиться, что ее власть над ними была далеко не беспредельной.

Что ж, она быстро с ними сквиталась.пустила в ход все свое отточенное искусство изящных формулировок – и пригласила госпожу Вестрит погостить у нее в доме Рестаров. Якобы затем, чтобы помочь ей, Серилле, детально разобраться во всех записях покойного Давада, дабы доказать его невиновность – а заодно и свою собственную. Роника колебалась некоторое время, но потом ответила согласием. Серилле воистину было за что себя похвалить. Жизнь под одной крышей с Роникой Вестрит значительно упрощала задачу Роэда Керна, взявшегося за нею шпионить. Небось вскорости выяснит, кто стакнулся со старухой. Правда, и этот блестяще

задуманный план не был вполне лишен недостатков. Нет в мире совершенства! Пригласив к себе Ронику, Серилла стала чувствовать себя так, словно пригрела у себя на груди змею: возьмет да укусит! Знать об опасности – еще не значит полностью от нее защититься. К великому сожалению.

В день, когда Роника переехала к ней сюда, у Сериллы не было причин сомневаться в своем полном успехе. Роника не привезла с собой никакого барахла – лишь по узелку в руках у нее да у молодой служанки. Эта последняя, кстати, имела татуированную физиономию, но обращалась со своей госпожой так, словно они были на равных. У Роники не было почти никаких нарядов и совсем отсутствовали драгоценности. И вечером, когда просто и бедно одетая Роника устроилась ужинать в самом дальнем конце ее, Сериллы, стола, госпожа Подруга ощутила восторг полной и окончательной победы. И этого-то ничтожного существа ей довелось до смерти испугаться? Какая угроза может от нее исходить? Наоборот: скоро в глазах всего города она станет символом ее, Сериллы, щедрости и доброты. А потом Роника совершит какой-нибудь промах, и тут-то мы и узнаем, кто вместе с ней в заговоре. И надо ли говорить, что всякий раз, когда Роника выходила на улицу, Роэд Керн тайно следовал за нею!

И все же, все же... С самого первого дня вселения Роники в этот дом Серилла поистине не ведала ни минуты отдохновения. Какое тут отдохновение – с таким-то комаром, постоянно зудящим над ухом? Ко всему прочему, Роника не давала ей сосредоточиться, постоянно отвлекая в те самые моменты, когда ей случалось задуматься над самым главным и важным – всемерным упрочением своей власти. У старухи находилась тьма безотлагательных вопросов. Ей требовалось знать, что делается для очистки гавани от затопленных в ней судов? И не слышно ли чего насчет подмоги из Джамелии? Посылала ли она птицу с вестью в Калсиду – выразить протест против военных действий, которые вели возле Удачного тамошние корабли? Пыталась ли она договориться с народом Трех Кораблей насчет совместных ночных дозоров на улицах? Думала ли о том, что, если предложить бывшим рабам оплачиваемую работу, они прекратят обдирать брошенные дома и грабить прохожих? Почему Серилла до сих пор не уговорила Совет собраться с силами и вновь взять на себя управление городом? И так далее, и тому подобное – день за днем. Ну никакого спасения. И вдобавок Роника не упускала случая всячески показать Серилле, что та здесь чужая. Если госпожа Подруга игнорировала ее неумеренные претензии (вроде только что помянутых), старуха с упорством, достойным гораздо лучшего применения, принималась твердить, что Давад не был изменником, а значит, Серилла не имела никакого права захватывать его собственность. Одним словом, Роника Вестрит не оказывала Серилле никакого почтения. Ни ей лично, ни как Сердечной Подруге царствующего сатрапа.

Все это докучало Серилле тем сильнее, что она пока еще не уверилась в прочности своего положения в достаточной мере, чтобы, как говорится, употребить власть по отношению к Ронике. Как ни печально, ей довольно часто приходилось, наоборот, уступать. Сначала она была вынуждена отдать распоряжение о похоронах Давада. Потом – выделить какой ни есть домик с садиком его осиротевшей племяннице. Но на этом Серилла твердо решила сказать «нет». Больше она не поддастся. А то настырная старуха совсем ей на голову сядет!

Роэд уже докладывал ей о том, каким образом Роника проводит утренние часы. Пренебрегая опасностями улицы, та со своей служанкой каждый день отправлялась в город – и ходила от двери к двери, уговаривая и убеждая торговцев взяться за городские дела. По словам Роэда, в одних местах ей давали от ворот поворот, в других – едва изволили выслушать, но упорства старухе было не занимать. «Капля камень точит, – думалось Серилле. – Чего доброго, достигнется-таки до самых ожесточенных сердец...» И похоже, у Роники начало что-то получаться. Сегодня вечером наконец будет собран Совет.

И это плохо. Очень плохо.

Потому что, если торговцы выслушают Ронику и согласятся с ней, что Давад ни в чем не виновен, Серилла волею обстоятельств окажется под ударом. Следующим шагом станет при-

знание прав племянницы на наследование, то бишь ей, Серилле, придется отсюда съезжать и искать гостеприимства под кровом какого-нибудь другого торговца. А это значит – прости-прощай таким трудом завоеванная независимость. Вещественно выражаемая этими вот стенами. Которые она уже привыкла считать собственными. Нет-нет, ни в коем случае нельзя подобное допустить!

Серилла пыталась помешать сбору Совета, тактично, но твердо намекая, что еще рано, что торговцам из старинных семей слишком опасно собираться всем вместе, – не приведи Са, еще нападут! Увы, никто больше не желал слушать ее.

А ведь единственное, что было нужно Подруге, – это время. Время, чтобы завязать прочные связи. Чтобы окончательно разобраться и понять, на кого следует воздействовать лестью, а кому нужно пообещать земли и титулы. Время – чтобы, возможно, дожидаться птицы с вестями из Джамелии. Один торговец уже показал ей письмо, принесенное такой птицей. Оно было от его торгового партнера в столице. Туда, оказывается, уже докатились слухи о гибели сатрапа, и смута выглядела неизбежной. «Хорошо бы, – гласило письмо, – сатрап прислал нам весточку, написанную собственноручно, и тем рассеял опасные сплетни!» Серилла тотчас отослала в столицу послание, в котором вредные слухи решительно опровергались, она же, в свою очередь, спрашивала, кто в столице первым получил письмо насчет смерти сатрапа. И кто был отправителем. Она весьма сомневалась, что получит ответ, но что еще она могла сделать? О, ей бы еще денек! Еще хоть недельку! Совсем немного времени – и она была бы вполне уверена, что сумеет справиться с Советом. И вот тогда-то... Тогда-то, с ее блистательным образованием (уж где им с нею равняться!), с ее опытом и познаниями в политике и дипломатии, она сумела бы привести Удачный к миру. Она показала и объяснила бы им компромиссы, на которые необходимо пойти. Она объединила бы разобщенный народ Удачного и, опираясь на это единение, разобралась бы с калсидийцами.

Вот тогда ее власть в этом городе упрочилась бы воистину непоколебимо.

Время! Ей было нужно лишь время!

А Роника неумолимо отнимала его у нее.

...Роника вошла в комнату стремительным шагом, мало соответствовавшим ее возрасту. Она несла под мышкой толстую амбарную книгу.

– Доброе утро, – коротко поздоровалась она с Сериллой. Служанка как раз выходила из комнаты, и Роника проводила ее глазами. – Может, проще было бы мне самой объявлять о себе?хлопотно каждый раз искать служанку лишь для того, чтобы та стукнула в дверь и назвала мое имя!

– Конечно проще, – с холодком в голосе отозвалась Серилла. – Но так не принято!

– Не забывай: ты в Удачном, – ровным тоном парировала Роника. – Мы тут, знаешь ли, полагаем глупостью попусту транжирить время ради того лишь, чтобы произвести впечатление! – Она говорила так, словно наставляла в хороших манерах непослушную дочь. А потом, не спрашивая и не ожидая позволения, подошла к письменному столу и раскрыла принесенный гроссбух. – Вот, смотри! Кажется, я нашла кое-что, могущее тебя заинтересовать.

Серилла приблизилась к камину: она по-прежнему зябла.

– Вот уж сомневаюсь... – пробормотала она недовольно.

Старуха успела жутко надоесть ей своей настырностью в поисках каких-то свидетельств. Когда тебя бесконечно отвлекают от главного, это раздражает так, что словами не передать. А когда ты раздражен, тут и сорваться недолго.

– Неужели так быстро надоело в сатрапа играть? – холодно осведомилась Роника. – Или, может, ты полагаешь, что правителю так себя и надо вести?

Серилла вздрогнула, словно ей закатили пощечину.

– Да как ты смеешь... – начала было она, но не договорила. Ее глаза округлились. – Где ты взяла эту шаль? – спросила она.

Сама она видела ее в спальне Давада. Шаль висела там на подлокотнике кресла. Какая наглая самонадеянность – вот так взять и завладеть *ее вещью!*

На миг глаза Роники сделались темными и бездонными, как если бы Серилла причинила ей боль. Потом ее лицо смягчилось, и она погладила мягкую вязаную шерсть, кутавшую ее плечи.

– Эту шаль сделала я, – сказала она. – Много лет назад, когда Дорилл ждала своего первого ребенка. Я сама окрасила шерсть и связала эту шаль ей в подарок. Мы были подругами и обе недавно вышли замуж. Я знаю, моя шаль нравилась ей. И меня очень растрогало, что из всех вещей умершей жены Давад сохранил именно ее да еще и держал постоянно при себе как памятку. Да, мы дружили с Дорилл. И поэтому мне не требуется твоего позволения, чтобы брать ее вещи. Уж если кто и вторгся сюда без всякого на то права, так это не я, а как раз ты!

Ярость на время лишила Сериллу дара речи. А потом ей на ум пришла идея мелкой, но утешительной мести. А вот не будет она смотреть на жалкое свидетельство, которое раскопала вредная старуха! Не будет, и все тут! Не получит Роника удовлетворения, на которое рассчитывает! Серилла стиснула зубы и отвернулась. Огонь в камине догорал. Так вот, наверное, из-за чего ей так зябко. О Са, да неужто в этом Удачном совершенно не осталось хорошо вышколенных слуг? Какое безобразие! Она сердито взялась за кочергу и принялась неумело шевелить угли и дрова, пытаясь заново растеплить огонь.

– Так не желаешь заглянуть со мной в эту книгу? – спросила Роника.

Она стояла у стола, прижав пальцем какую-то запись. Как будто та действительно была важности невероятной.

Серилла дала волю кипевшей в ней ярости.

– Ты полагаешь, у меня есть время на подобные мелочи? Ты думаешь, мне в самом деле нечем больше заняться, как только портить себе глаза, разбирая каракули умершего человека? Очнись наконец, старая перечница, и пойми, что Удачному грозят вещи страшнее глупых теней, за которыми ты гоняешься! Твой город лежит при смерти, а у твоего народа, по-видимому, кишка тонка вернуть его к жизни! Эти банды рабов, которые продолжают грабить и разворовывать, невзирая на все мои распоряжения! Я приказала, чтобы их переловили и заставили воевать, обороняя город, но это не было исполнено! Улицы сплошь завалены, и хоть бы кто палец о палец ударил! Деловая жизнь совсем прекратилась, все прячутся за запертыми дверьми, словно кролики в норах.

И она в сердцах шархнула кочергой по полену, отчего из камина вылетел целый сноп искр.

Роника пересекла комнату и опустилась на колени у очага.

– Дай сюда! – протянула она руку к кочерге. Серилла бросила ее рядом с ней на пол. Это было прямое оскорбление, но старуха предпочла не обратить внимания. Подобрав кочергу, она принялась ловко складывать недогоревшие поленья горкой посередине камина. – Ты не с той стороны ко всему подходишь, – проговорила она затем. – Главное у нас – гавань, и ее надо удержать в любом случае, ею надо бы в первую очередь и заняться. А что до грабежей и беспорядка, так ты в них виновата не в меньшей степени, чем любой из нас, старинных торговцев. Что они, спрашивается, делают? Ничего. Сидят болваны болванами. Половина ждет, чтобы ты им сказала, что делать, а другая половина – чтобы кто-нибудь все сделал за них. И между прочим, все это не без твоей помощи. Если бы ты не твердила все время, что сатрап наделил тебя всяческими полномочиями, наш Совет справился бы с напастями, как бывало от века. А теперь? Сплошной раскол. Кое-кто из торговцев считает, что надо во всем слушать тебя. Другие – что надо перво-наперво позаботиться о собственных шкурах. А третьи – и это, по-моему, правильно, – что нам следует договориться с единомышленниками по всему городу и заняться наконец делом. И поменьше считаться, кто там из старинных торговцев, кто из «новых купчиков», кто с Трех Кораблей, а кто вообще недавно приехал. Город-то в развали-

нах, от торговли остались одни воспоминания, калсидийцы только и поджидают всякого, кто высунется из залива, – а у нас дела другого нет, как только ссориться между собой! – Роника отодвинулась от камина, с удовлетворением глядя на оживающий огонь. – Что ж, может быть, нынче вечером мы вправду чему-то положим начало.

Между тем у Сериллы зародилось чудовищное подозрение. Эта женщина собралась позавидовать ее планы и выдать их за свои!!!

– Ты что, шпионишь за мной? – в ярости спросила она. – Каким образом ты так хорошо осведомлена, где что делается в городе?!

Роника лишь презрительно фыркнула. И медленно поднялась, хрустнув суставами, – все-таки она была уже немолода.

– У меня, чтоб ты знала, и глаза, и уши пока еще в порядке. И это мой город. Так, как знаю его я, тебе его никогда не узнать!

* * *

Роника держала в руке остывшую кочергу, глядя госпоже Подруге прямо в глаза. Вот оно! Опять промелькнуло! Тень неизбывного страха, на мгновение исказившая красивое лицо... И Роника вдруг поняла: если должным образом подобрать слова для угрозы, эта уверенная в себе и властная молодая женщина быстренько превратится в сопливую, хнычущую от страха девчонку. Кто или что так сломало ее, Ронике знать было неоткуда, но то, что надлом присутствовал, надлом болезненный, глубинный и неисцелимый, – сомнению не подлежало. Роника видела перед собой тонкую коросту властолюбия, затянувшую бездонный омут страха. По временам ей даже становилось жалко Сериллу. Ее было так легко довести до истерики. Ну просто до неприличия легко. И тем не менее – когда Ронику посещали подобные мысли, она неизменно ожесточала свое сердце. Именно страх делал Сериллу очень опасной. Она во всех и в каждом готова была видеть угрозу. И к тому же старалась действовать по принципу «нападение – лучшая защита», предпочитая напасть первой и, может быть, ошибиться, нежели рисковать, выжидая, станет кто-то действовать против нее или не станет. Что и было наглядно засвидетельствовано историей убийства Давада. А потом эта женщина потребовала себе власти над Удачным – власти настолько полной, что Роника, например, по своей воли не вручила бы ее никому, даже сатрапу. Да и не было у него такой власти. Что хуже, попытки Сериллы применить эту самую власть всю разрушали остатки удачинского самоуправления. Сиречь то, что Роника всемерно хотела бы восстановить, ибо только так мог быть обеспечен в городе мир. А с ним и надежда для нее самой когда-либо воссоединиться с семьей. Если только хоть кто-нибудь из ее родни выжил.

Поэтому Роника не моргнув глазом выдержала презрительный взгляд госпожа Подруги. Да и бросила кочергу на край камина. Та с лязгом подпрыгнула и откатилась, и Роника подметила, что резкий звук заставил Сериллу болезненно вздрогнуть. Ладно, огонь разгорался, от него опять шло тепло. Роника повернулась к нему спиной и сложила на груди руки.

– Люди болтают между собой о том и о сем, – сказала она. – Имеющий уши да слышит... если хочет, конечно, узнать, что на самом деле в городе происходит. Даже от собственных слуг, если обращаться с ними по-человечески, немало можно узнать! Вот поэтому от меня и не укрылось, что приходили выборные «новых купчиков», возглавляемые Мингслеем, и предлагали тебе перемирие. И именно по этой причине я так настаиваю, чтобы ты взглянула на обнаруженное мною в Давадовых записях. Полагаю, это поможет тебе выбрать верную линию поведения, когда будешь иметь дело с Мингслеем!

Бледные щеки Сериллы налились яркой розовой краской.

– Вот как! – проговорила она. – Значит, вот как получается? Я из жалости беру тебя в свой дом, и ты тут же пользуешься этим, чтобы за мною шпионить?

Роника только вздохнула:

– Ты что, вообще не слышала, что я сказала тебе? Я же только что объяснила тебе, что знаю об этом вовсе не от твоего окружения! – Сие утверждение касалось далеко не всех раздобытых Роникой сведений, но в интересах дела она не стала уточнять. – И жалость твоя мне, знаешь ли, ни к чему. Это верно, сейчас мои дела идут не блестяще, но я просто принимаю жизнь такой, какова она есть. Все изменяется. И дальше будет меняться. Именно это, если подумать, и делает жизнь интересной...

– Ясно, – презрительно отозвалась Серилла. – Интерес, значит, к жизненным переменам! Так это и есть тот несокрушимый удачнинский дух, о котором мы в столице премного наслышаны? Я бы, скорее, назвала такой подход бездеятельным ожиданием: что еще жизнь подкинет. Весьма вдохновляюще... Значит, ты не слишком стремишься восстановить Удачный таким, каким он некогда был?

– Я не настолько дура, чтобы стремиться к невыполнимому, – парировала Роника. – Попытка воссоздать прежний Удачный заведомо обречена на провал. Надо двигаться вперед, надо дать городу новый облик. И в этом новом городе, думаю, у старинных торговцев уже не будет такой власти, как прежде. Но что с того? Все равно надо смотреть в будущее. И в этом-то состоит вызов, который бросает нам жизнь. Мы должны принимать все, что с нами случается, и учиться на пережитом, а не загонять самих себя в замкнутый круг, из которого будет не найти выхода. Ничто так не разъедает душу, как жалость. И особенно – жалость к себе самому, любимому.

Серилла посмотрела на нее до того странно, что у Роники невольно пробежал по спине холодок. С живого, разгневанного гневом лица на нее глянули глаза мертвой. Но это длилось мгновение. Серилла заговорила ровным тоном:

– Ты думаешь, что повидала в жизни все, но ты ошибаешься. Доведись тебе перенести то, что вытерпела я, ты знала бы: случаются вещи, с которыми справиться невозможно. Кое-что такое, что изменяет тебя навсегда. Такое, от чего не отмахнешься с легкомысленной улыбочкой, не прикажешь себе забыть.

Роника и не подумала отводить взгляд.

– Верно, – сказала она. – Но верно лишь в том случае, если ты сама так решишь. То страшное событие – не знаю, право, в чем оно заключалось, – так или иначе миновало и ушло в прошлое. Без конца о нем вспоминать – значит предаться ему во власть, позволить заново вылепить твою душу... и переживать тот давний ужас снова и снова. Ты, по сути, занимаешься тем, что крепишь его власть над собой. Лучше попробуй все отбросить куда подальше, да и вайй себе будущее по собственному выбору. Назло тому, что с тобой когда-то случилось. Вот тогда-то ты победишь!

– Легко сказать! – огрызнулась Серилла. – Ты даже представить не можешь, как меня тошнит от твоего наивного и невежественного жизнелюбия, достойного синеглазенькой девочки! И вообще, хватит с меня на сегодня доморощенной деревенской философии. Поди вон!

Роника огрызнулась в ответ:

– Мое «наивное и невежественное жизнелюбие», как ты изволила изящно выразиться, и есть тот удачнинский дух, о котором ты якобы премного наслышана. Ты так и не поняла главного: именно вера в собственную способность превозмочь тяготы прошлого и не дать им утянуть нас на дно – именно эта вера дала нам силы выжить в здешних местах. И тебе нужно разыскать в себе это качество, госпожа Подруга, если ты вправду намерена стать одной из нас! Ну да хватит об этом. Так ты намерена посмотреть на то, что я тебе принесла, или нет?

Сказала и почти физически ощутила, как ошетижилась ее собеседница. Скверно... очень скверно. Роника очень хотела бы сделать ее если не подругой, то по крайней мере союзницей, но не получалось. Та явно склонна была видеть в каждой женщине либо соперницу, либо шпионку. Так или иначе, Роника молча стояла перед Сериллой, ожидая ответа и поти-

хоньку пуская в ход свои навыки опытного торговца. И эти навыки позволили ей заметить, как взгляд Сериллы метнулся к раскрытой амбарной книге, лежащей посередине стола, и сразу вернулся обратно. Серилле жгуче хотелось узнать, что же там написано, но и сделать первый шаг навстречу она нипочем не желала. Ибо это могло быть истолковано как поражение. Сначала Роника хотела дать ей еще время на размышление, но Серилла все молчала, и Роника решила поставить на кон сразу все.

– Ладно, – сказала она. – Вижу, тебя это не интересует. Право слово, я думала, тебе захочется взглянуть на эти записи прежде, чем я предъявлю их Совету торговцев. Что ж... Ты меня слушать не захотела. А вот они, полагаю, захотят!

И, решительно подойдя к столу, она захлопнула тяжеленную книгу и снова сунула ее под мышку. Из комнаты Роника выходила не торопясь, до последнего надеясь, что Серилла позовет ее назад. Так же точно она пошла и по коридору, все еще ожидая просьбы-приказа вернуться. Но за спиной раздался лишь увесистый звук захлопнувшейся двери кабинета. Значит, ничего не получилось. Роника вздохнула и направилась вверх по ступенькам – в бывшую спальню Давада. Донесшийся снизу стук в наружную дверь заставил ее сперва остановиться, а потом выглянуть через лестничные перила в прихожую, располагавшуюся внизу.

Служанка, как раз открывшая дверь, взялась по всей форме приветствовать гостя, но молодой торговец бесцеремонно протиснулся внутрь.

– Важные вести для госпожи Подруги Сериллы! Где она?

Это был Роэд Керн.

– Я доложу ей, что... – начала было служанка, но Роэд нетерпеливо тряхнул головой:

– Дело безотлагательное! Прибыла птица с вестью из Дождевых чащоб! Так где она? В кабинете? Не заблужусь...

И, не дожидаясь ответа, ринулся мимо служанки. Его сапоги звонко цокали по каменному полу, плащ стремительно развевался. Служанка засеменила следом, но он только отмахнулся. Роника проводила их глазами, силясь набраться мужества, чтобы подобраться к двери и подслушать.

* * *

– Как смеешь ты вот так врваться ко мне! – возмутилась Серилла. Роэд застал ее на коленях, занятую безуспешной попыткой снова оживить угасший камин. Кажется, в этом окрике выплеснулось все бессильное раздражение, накопленное во время стычки со старухой Вестрит. Однако потом Серилла заметила искры, сверкнувшие в глазах молодого Керна. И невольно попятилась обратно к камину.

– Прошу прощения, госпожа. Я-то, дурак, вообразил, будто вести из Дождевых чащоб заслуживают твоего немедленного внимания. – Он двумя пальцами держал крохотный латунный цилиндр из тех, что подвязывались птицам-посланникам. Серилла уставилась на этот цилиндр, Роэд же чопорно поклонился: – Что ж, удаляюсь ожидать вызова.

И он повернулся обратно к двери, где переминалась и ахала – а заодно подслушивала – растерянная служанка.

– Закрой дверь! – рявкнула на нее Серилла. – С той стороны!

Сердце неистово колотилось в груди. В ту ночь, когда она отправляла сатрапа в Чащобы, его охрана посетила птичник Давада и взяла оттуда с собою всего лишь пять птиц. Поэтому не шло даже речи о том, чтобы использовать их без великой нужды. Ей сообщили, что сатрап благополучно прибыл на место, что жители Дождевых чащоб, посоветовавшись, решили принять его под свое покровительство... и с тех самых пор не было ни одного послания. Тогда она заподозрила, что жители Чащоб двурушничают. Быть может, сатрап успел склонить их на свою

сторону? И теперь ее, того гляди, обвинят в государственной измене? Что там, в маленьком цилиндре? И кто еще уже успел прочитать письмо?

Она попыталась собраться и призвала всю свою выдержку, чтобы выглядеть спокойной и незаинтересованной. Но язвительная издевка на лице высокого смуглого мужчины заставляла предполагать худшее.

Делать нечего, придется для начала умаслить его. Роэд напоминал Серилле свирепого сторожевого пса, равно готового и защитить хозяйку, и покусать ее. Оставалось лишь желать, чтобы не пришлось однажды надеяться только на него!

– Ты конечно же прав, торговец Керн, – мило улыбнулась она. – Такие новости и в самом деле заслуживают того, чтобы врываться с ними без спроса. По правде говоря, сегодняшний день просто истощил мое терпение! Только сяду работать – тут же врываются какие-то слуги и мешают, мешают... Не вини меня за резкость. Входи, пожалуйста. Погрейся.

И Серилла пошла даже на то, чтобы милостиво кивнуть ему головой. Хотя, конечно, ее положение не шло ни в какое сравнение с его!

Роэд вновь поклонился – достаточно низко, но, как она сильно подозревала, опять же не без насмешки.

– Конечно же, госпожа Подруга. Как же не понять, когда поминутно отрывают от дел. И в особенности когда столь тяжкий груз ответственности взвален на такие хрупкие плечи.

О да, насмешка присутствовала. В оттенке голоса, в подборе слов...

– Записку, – напомнила Серилла.

Роэд приблизился. И поклонился еще раз, протягивая ей цилиндрок. Воск, в который его обмакнули перед отправкой, выглядел непоколебленным. Но что могло помешать Роэду вскрыть цилиндр, прочесть письмо, а потом снова обмакнуть цилиндрок в расплавленный воск? Что ж, истину все равно не установить, а значит, не стоит и волноваться. Серилла расколупала воск, отвинтила крышечку и осторожно вытащила крохотный свиток. Сердце ее бешено колотилось, но она заставила себя внешне спокойно усесть за стол и наклониться поближе к лампе, разворачивая письмо.

Оно оказалось очень коротким. И сама эта краткость порождала особенную тревогу. Случилось крупное землетрясение, и с тех пор сатрапа и его Подругу никто больше не видел. Всего вероятнее – погибли под обвалами. Серилла перечитала письмо снова, потом еще раз. Ну хоть бы полсловечка о том, была ли еще надежда их отыскать! И что могла значить лично для нее внезапная гибель сатрапа? Как это скажется на ее планах? А если письмо вовсе окажется ложным? И отправили его по причинам слишком запутанным, чтобы о них даже гадать? Серилла застывшим взглядом смотрела на мелкие буквы.

– Выпей, – позвучал голос. – Тебе, похоже, надо бы подкрепиться!

Роэд протягивал ей небольшой стаканчик с бренди. Она даже не заметила, когда это он взял с полки бутылку и налил. Однако приняла стакан с благодарностью. Отпила и почувствовала, как тепло вина растворяет что-то внутри. Роэд взял письмо и стал читать его, и она не пыталась ему помешать. Лишь спросила, не поднимая глаз:

– Собираешься и другим рассказать?

Роэд нахально уселся на уголок стола. Он сказал:

– В этом городе полным-полно торговцев, поддерживающих тесные связи с родней из Чащоб. Так что прилетят и другие птицы с подобными же известиями. Из этого и следует исходить.

Пришлось ей все-таки поднять глаза и встретить его улыбку.

– И что же мне теперь делать? – услышала она собственный голос.

Ей следовало возненавидеть себя за этот вопрос, ибо тем самым она полностью подпадала под его власть.

– Ничего не делать, – ответил Роэд. – Ничего не делать... пока.

* * *

Роника отворила дверь бывшей спальни Давада Рестара. Домашние туфли на ногах были неприятно сырыми. Дверь хозяйского кабинета оказалась слишком толстой, чтобы сквозь нее хоть что-то расслышать. Не принесла желаемых результатов и прогулка по саду: все окна были наглухо задраены. Только ноги вымокли и замерзли... Роника обвела глазами спальню умершего, и у нее вырвался вздох. Она очень скучала по своему дому. Здесь было, по всей видимости, безопаснее, да и возможностей делать дело, которое она считала необходимым, было не в пример больше. И все равно она тосковала по родному крову, пусть даже разворованному и оскверненному. Здесь она чувствовала себя чужой.

В комнате возилась Рэйч. Служанка драила пол и делала это так ревностно, как будто хотела уничтожить здесь последнюю пылинку, могущую иметь отношение к ненавистному Даваду. Роника тихо притворила за собой дверь.

– Я знаю, – ласково проговорила она, – как тяжело тебе жить в этом доме, в доме Давада, среди его вещей. Я ни в коем случае не собираюсь удерживать тебя здесь против твоей воли. Я и сама вполне могу о себе позаботиться. Ты же мне ничем не обязана. Если хочешь, Рэйч, ступай своей дорогой и не бойся, что тебя схватят и объявят беглой рабыней. А хочешь – оставайся при мне, и я буду этому только рада. Или, может быть, мне составить для тебя рекомендацию и сопроводительное письмо? Ты могла бы отправиться в Инглби и жить там на ферме. Я уверена, моя дряхлая нянька окажет тебе добрый прием. Вероятно, вы даже подружитесь.

Рэйч бросила тряпку в ведро и распрямила затекшие колени.

– Ни за что на свете, – отозвалась она, – не покину я единственного человека, который по-хорошему отнесся ко мне здесь, в Удачном. Верно, ты не пропадешь без меня, и все-таки я тебе еще пригожусь. А что до памяти Давада Рестара... Был он или не был предателем, мне, собственно, наплевать, потому что он был убийцей, и это главнее. Вот то, что из-за дружбы с ним и на тебя пала тень, – это действительно скверно. А еще я должна кое-что тебе сообщить!

– Спасибо, – проговорила Роника довольно-таки чопорно.

Давад многие годы был другом ее семьи, но это не мешало ей осознавать: ведя свои дела, он умел быть и жестким, и просто безжалостным. И все же справедливо ли было полностью возлагать на него вину за гибель ребенка Рэйч? Верно, молодая мать и дитя были куплены на деньги Давада. И он же был совладельцем работоргового судна, на котором их везли через море. Но когда мальчик умирал в загаженном трюме от жары, скверной воды и недостатка пищи, Давада даже не было на борту. С другой стороны, именно Давад наживался на торговле невольниками, а значит, был неоспоримо виновен. Чем больше думала обо всем этом Роника, тем неуютнее становилось у нее на душе. Что в таком случае следует говорить о «Проказнице», тоже обращенной в работорговое судно? Да, она могла свалить всю ответственность на своего зятя. Формально кораблем владела Кефрия, но она с самого начала предоставила мужу поступать с ним так, как он захочет. А она, Роника? Достаточно ли упорно она противилась надругательству над живым кораблем? Конечно, она была против и своего мнения не скрывала. Но и костями не ложилась. А если бы легла?

– Рассказать тебе новости? – спросила Рэйч.

Роника успела так увлечься бесплодным самокопанием, что даже вздрогнула, возвращаясь к реальности.

– Да... Да, конечно. – Подойдя к камину, она заглянула в чайник, висевший на крюке. – Может, чаю попьем?

– Чай у нас почти кончился, – предупредила Рэйч.

Роника пожалала плечами:

– Ну и пусть кончается хоть совсем. Лучше, что ли, будет, если остатки так и протухнут неиспользованными?

Разыскав коробочку с чаем, она вытащила щепотку и бросила в заварочный чайник. Питались они вместе с Сериллой, но здесь, в отведенной ей комнате, Роника предпочитала независимость, выражавшуюся в собственных чайнике и заварке. Что до посуды – чашек, блюдец и иной мелочи, – то Рэйч ненавязчиво позаимствовала все это с Давадовой кухни.

Расставив все на маленьком столике, служанка заговорила:

– Нынче утром я прогулялась кругом. Сходила к причалам, с оглядкой конечно. Там почти ничего не происходит. Маленькие суда, которые иногда к нам добираются, разгружаются и грузятся очень быстро, причем обязательно под присмотром вооруженных людей. По крайней мере один корабль принадлежал «новым купчикам». Скорее всего, это совместное предприятие нескольких семей. Доставили они большей частью продовольствие. Два других корабля, похоже, принадлежали старинным семействам. Еще я видела тот живой корабль, «Офелию», но не у пирса, а на рейде. И на ее палубах тоже виднелись люди с оружием. Побывав в гавани, я сделала, как ты предлагала: отправилась на побережье, туда, где рыбаки вытаскивают свои лодки. Там жизни побольше, правда лодок тоже не столько, сколько раньше бывало. Всего пять-шесть суденышек. Люди разбирали добычу, поправляли сети. Я предложила помочь, думая заработать рыбку-другую, но от моих услуг отказались. Нет, не прогнали, даже не нагрубили, но вели себя так, словно я могу что-нибудь стырить или иной вред им причинить. Человек, с которым я заговорила, все смотрел не на меня, а куда-то за мое плечо, как будто подозревал, что я их отвлекаю разговорами, а в это время кто-то другой... Правда, через некоторое время рыбаки поняли, что я не привела с собой никакого сообщника, и пожалели меня. Дали мне за просто так две небольшие камбалы и поговорили со мной.

– Кто дал тебе рыбу?

– Женщина по имени Энки. Ее отец велел ей меня угостить, а когда кто-то открыл рот вроде бы возразить, тот мужчина сказал: «Все жрать хотят, Энке!» Того доброго человека звали Келтер. Большущий такой мужичище, грудь и живот что твоя бочка. Рыжая борода больше веника, и ручищи тоже рыжие и волосатые, а голова почти совсем лысая.

– Келтер... – задумалась Роника, роясь в памяти. – Ну как же! Не иначе Малявка Келтер! Не припомнишь, там никто его Малявкой не называл?

Рэйч кивнула:

– Называли, но я подумала, что это они его дразнят.

Роника нахмурилась. Чайник в камине уже кипел, струя пара так и свистела из носика. Роника сняла его с крюка и стала лить кипяток в заварочный чайник.

– Келтер... Малявка Келтер, – пробормотала она. – Имя знакомое, но вот что он...

– А мне показалось, – вставила Рэйч, что это именно тот человек, который нам нужен. – Конечно, я покамест с ним не заговаривала о деле. И думаю, что в дальнейшем тоже особо торопиться не следует. Но сдастся мне, что именно он сумел бы и поговорить с народом Трех Кораблей, и за них мнение высказать!

– Ну и отлично. – Роника даже сама слегка удивилась удовлетворению, прозвучавшему в ее голосе. – Сегодня вечером собирается городской Совет. Там я хочу рассказать о том, что мне удалось разузнать, и буду настаивать, чтобы мы начали делать какие-то шаги по объединению города. Не знаю только, добьюсь ли успеха. Если уж многие даже о самих себе позаботиться не желают... Что ж, попытка не пытка!

Некоторое время обе молчали. Роника прихлебывала чай, думая о своем. Неожиданно Рэйч спросила ее:

– А если никто тебя не послушает? Что тогда? Ты отступишься?

– Не могу, – просто ответила Роника. И коротко, невесело рассмеялась. – Потому что, если я сдамся и отступлюсь, мне будет просто нечего больше делать на свете. Это единственное,

чем я могу помочь своей семье. Если я стану таким слепнем, который будет жалить Удачный, побуждая его к деятельной жизни, тогда рано или поздно Кефрия и дети смогут вернуться. По крайней мере, я смогу с ними связаться и получить от них весточку. Сейчас, когда мы то и дело деремся, а ближайшие соседи вусмерть перестали друг дружке доверять... не говоря уже о клейме изменницы, которым меня осчастливили... какая речь может идти о возвращении моей семьи? И потом, если некоторым чудом Альтия с Брэшеном все же сумеют отбить «Проказницу» и вернуть ее домой, у них должен быть дом, в который можно вернуться, а не одно название. Знаешь, Рэйч, последнее время я чувствую себя точно жонглер, которому на голову сыплются все его мячики. Я должна поймать как можно больше и хотя бы некоторые умудриться заново подбросить. Если мне это не удастся, я буду просто жалкой старухой, знающей лишь каждодневные нужды и ждущей конца. А я этого не хочу. Раз уж я до сих пор жива, я хочу действительно жить! – Роника поставила тихо звякнувшую чашку. – Погляди на меня, – негромко проговорила она. – У меня даже чашки собственной не осталось. Моя семья то ли погибла, то ли разлетелась так далеко, что ни слуху ни духу. Все, что я так долго принимала как должное, оказалось у меня отнято, одно за другим. Все в моей жизни идет не так, как я когда-то предполагала. Не нужно, чтобы такое происходило с людьми.

Рэйч посмотрела ей прямо в глаза, и Роника смолкла. Она успела забыть, с кем говорит. Слова сорвались с ее языка прежде, чем она успела их хорошенько обдумать:

– Твоего мужа продали раньше, чем тебя, и угнали в Калсиду. Ты думала когда-нибудь о том, чтобы разыскать его?

Рэйч обхватила свою чашку обеими руками, грея ладони. Видно было, как сразу намокли у нее ресницы, но слезы по щекам так и не потекли. Рэйч опустила голову, и Роника долгое время не видела ее лица – только пробор, светлый на фоне темных волос.

– Прости меня. Я... – начала было она.

– Ничего. – Рэйч говорила тихо, но голос был тверд. – Нет, я не буду и пытаться его разыскать. Лучше я буду думать, что он оказался у доброго хозяина, сумевшего оценить его дар каллиграфа. А он пускай верит, что мы с сынишкой оба живы и тоже обрели неплохой дом. Но если я отправлюсь в Калсиду – с такой-то отметиной на лице, – меня для начала быстренько схватят как беглую и я снова окажусь в неволе. Только татуировок прибавится. Но даже если б я и сумела отыскать мужа, мне пришлось бы рассказывать ему о том, как умирал наш маленький сын. Смогла бы я ему объяснить, почему наш мальчик умер, а я все еще жива? Сколько ни пытаюсь вообразить себе, как могла бы произойти наша встреча, все равно все всегда кончается плохо. Если пытаешься пройти путь до конца, Роника, тебя обязательно в итоге ждет горечь. Мне и сейчас горько, уж что говорить... Но лучшего уже не будет. Может только стать еще горше.

– Прости меня, – повторила Роника неуклюже.

Были бы у нее деньги и корабль, она непременно снарядила бы кого-нибудь в Калсиду. Чтобы разыскал-таки мужа Рэйч, выкупил его из неволи и обратно привез. Да, после этого им обоим пришлось бы жить с памятью о погибшем сыночке. Все верно. Но потом родились бы еще дети. Роника это знала лучше многих. Они с Ефроном утратили своих сыновей во время Кровавого моря. Но потом в должный срок у них родилась Альтия. Роника не стала рассказывать об этом Рэйч. Но про себя дала обет себе самой и Са: «Если моя жизнь все-таки повернется к лучшему, я непременно сделаю так, чтобы и для Рэйч настали светлые дни. И это самое меньшее, чем я могу отблагодарить женщину, не бросившую меня в самые мои черные дни».

Но все-таки для начала ей следовало переломить собственную злую судьбу. В частности, хватит уже позволять другим людям делать опасную работу вместо нее. Пора браться самой.

– А у меня с Сериллой никаких сдвигов, – прежним деловым тоном сообщила она Рэйч. – Кажется, пора брать то, что я разузнала, и пускать в ход... возможно, начихав на сегодняш-

нее решение Совета. Если эти старые пни вообще хоть что-то решат. В любом случае завтра пораньше с утра я пойду с тобой к рыбакам. Надо будет застать их прежде, чем они отправятся в море. Попробую переговорить с Малявкой Келтером и попрошу его замолвить словечко другим семьям с Трех Кораблей. Скажу им так: настало время не просто навести мир и порядок в Удачном, но даже больше – пора уже нам самим собой владеть! И открыто о том заявить! Но для этого потребуются весь наш народ, а не только старинные торговые семьи. То есть и поселенцы с Трех Кораблей, и даже те «новые купчики», которых удастся убедить жить по нашим прежним законам. То есть в первую очередь – никакого рабства. Каждый должен будет стать частичкой того нового Удачного, который мы непременно построим. – Роника помолчала, обдумывая дальнейшее. Потом пробормотала: – Вот только хотела бы я знать хоть одного из «новых купчиков», которому можно было бы доверять.

– Всем можно, – негромко вставила Рэйч.

– Всем? – переспросила Роника изумленно. – Это «новым-то»? Да еще всем?

– Ты же сама сказала – частичкой нового Удачного должен будет стать каждый. И тут же целое сословие начисто исключаешь.

Роника крепко задумалась над ее словами.

– Скажем так, – проговорила она наконец. – Говоря о Трех Кораблях, я имела в виду всех, кто появился в городе уже после того, как его основали старинные семейства. Все, кто стал здесь жить и принял наши законы...

– Подумай еще раз, Роника. Ты в самом деле не видишь нас? Хотя мы тоже здесь поселились?

Роника ненадолго прикрыла глаза. А когда вновь подняла веки, то прямо и честно посмотрела Рэйч в глаза.

– Стыд и срам, – сказала она. – Ты кругом права, моя дорогая. Как ты думаешь, кто мог бы говорить от имени всех рабов?

– Не называй нас рабами, – ответила Рэйч. – Так называли нас те, кто хотел нас сломать. Вышибить из нас душу. Сами себя мы предпочитаем называть татуированными. В знак того, что они смогли пометить наши тела, но души – ни в коем случае.

– А вожак у вас есть?

– Ну... не то чтобы предводитель. Когда здесь была Янтарь, она дала нам много полезных советов. Она говорила так: «В каждом хозяйстве изберите кого-нибудь, кто будет знать все обо всем. Если кто-то сумеет разузнать нечто полезное, такое, например, что может помочь задумавшему сбежать на свободу либо просто самовольно отлучиться, – скажем, дверь, в которой сломался замок, или тайничок, где у хозяина лежит полузабытая заначка, – нужно сразу рассказать тому осведомленному человеку. Рано или поздно кто-нибудь из вас выйдет в город – допустим, пошлют за покупками, или белье полоскать, или еще за чем-нибудь. Тот человек сможет встретиться с татуированными из других домов. Так будут распространены добытые вами сведения и получены другие, взамен. В частности,мышленый татуированный сможет прознать, что такой-то хозяин посылает телегу с семенным зерном на определенную ферму, и передать с нею словечко своим близким или друзьям, которые там работают. Или стащить деньги, отложенные хозяином, и спрятаться в возу с сеном, а там и сбежать...» Еще Янтарь не советовала нам заводить одного-единственного предводителя, на которого все бы надеялись. Пусть, говорила она, их будет много – как узелков на уловистой сети. Ведь единственного предводителя могут схватить и пытать до тех пор, пока он всех не заложит. Но пока вожakov у нас много, мы – как та сеть. Даже если пополам ее распороть. Узелков в каждой половине останется еще ой как много!

– Янтарь этим занималась? – удивленно переспросила Роника. – Та самая Янтарь, резчица по дереву? – Рэйч кивнула, и Роника спросила еще: – Но зачем ей это понадобилось?

Рэйч пожалала плечами:

– Кое-кто болтал, будто она сама побывала в неволе, хотя у нее и нет татуировки. Видишь ли, она носила в ухе кольцо свободной. Такое кольцо калсидийские вольноотпущенники должны по тамошнему закону сами себе покупать и носить в знак того, что им была дарована вольная. Я как-то спросила ее, сама ли она выкупилась на свободу, или это кольцо ей осталось от матери. Она, ты понимаешь, долго молчала. А потом сказала мне, что это был подарок от одного человека, которого она очень любила. Когда же я спросила Янтарь, с какой стати она взялась нам помогать, она просто ответила: «Я должна». Я так поняла, что для нее это очень важно. По каким-то личным причинам. Знаешь, как-то раз один из наших сильно на нее рассердился. И начал кричать, что, мол, ей-то легко играть во всякие игры и чуть ли не к восстанию народ подбивать. Вот такие, дескать, всех втравливают в неприятности, а сами в кусты! Он сказал, что она, может, как-то соскребла татуировку, а другие не могут. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «Все верно». Тогда он стал настаивать, пусть она расскажет, почему это она нам помогает, иначе, мол, ей нельзя доверять. И тогда произошло кое-что странное. Янтарь расхохоталась и заявила: «А я, знаешь ли, пророчица. Меня послали спасать мир!»

Рэйч улыбнулась. Роника недоуменно смотрела на нее, и опять некоторое время обе молчали. Потом Рэйч наклонила голову и проговорила задумчиво:

– Многие тогда рассмеялись при этих словах. Дело-то происходило у фонтана, где невольницы полоскали чужое белье. Ты в тот день послала меня на рынок, я и остановилась поболтать. Был, помнится, солнечный такой, хороший денек... да еще и Янтарь своими разговорами заставила многих поверить, будто мы вправду сумеем кое-что переменить в своей жизни к лучшему, может, даже обрести собственный выбор. Ну и все, конечно, подумали, что насчет спасения мира – это она так пошутила. Но когда она засмеялась... было что-то в ее смехе... В общем, я подумала: а что, если она смеется просто потому, что знает: можно во всеуслышание открыть правду и ничего не бояться, ведь все равно никто не поверит?

* * *

Роника направлялась к Залу Торговцев. Шла пешком: она отлично знала – рассчитывать, что госпожа Подруга Серилла предоставит ей место в карете, было попросту глупо. Она загодя покинула дом Давада, не только затем, чтобы не торопиться при ходьбе, но также из желания прийти в Зал одной из первых. Ей, кроме прочего, хотелось поговорить с глазу на глаз кое с кем из торговцев и, так сказать, промерить глубину: кто как видит желаемый исход сегодняшнего собрания.

Дорога к Залу, между прочим, по нынешним временам была весьма непроста и даже небезопасна. Рэйч очень хотела сопровождать хозяйку, но Роника настояла, чтобы та осталась дома. Она считала, что незачем подвергаться опасности им обеим. Тем более что бывшую рабыню все равно не пустили бы в Зал, а Роника ни за что не попросила бы ее дожидаться снаружи, в сгущающейся темноте. Что до нее самой, Роника полагала, что по окончании собрания ее уж кто-нибудь да подвезет. Не предложат сами – она попросит.

Стылый осенний ветер теребил ее одежду, и все, что она видела кругом себя, тяжким грузом ложилось ей на сердце.

Ей не пришлось спускаться вниз, в город, ибо Зал высился на невысоком холме, господствовавшем над застроенным склоном. Путь туда лежал мимо особняков старинных семей. Проемы ворот, некогда гостеприимно распахнутые – некоторые были изначально вовсе лишены закрывающихся створок, – и широкие подъездные дорожки теперь были перегорожены всякой всячиной ради обороны от возможного нападения, все ворота – плотно закрыты, а кое-где еще и стояла вооруженная стража. Почем знать, с какой стороны нанесет очередную гоп-компанию, хватающую все, что плохо лежит? Бдительные стражи весьма недружелюбно

поглядывали на Ронику, шагавшую мимо. Никто не поздоровался с ней, никто не поприветствовал даже кивком.

В итоге она явилась в Зал самая первая. И сразу увидела, что старинному зданию досталось не меньше, чем всему остальному городу. На самом деле язык не поворачивался назвать Зал просто домом, где собираются торговцы. Он был самым настоящим сердцем их единения, символом почти родственной принадлежности. Его каменные стены стойко сопротивлялись огню, но крышу кто-то все же умудрился поджечь. Роника постояла снаружи, с болью и негодованием глядя наверх. Поневоле представила, ЧТО могут увидеть ее глаза внутри... и стала подниматься по ступенькам к входу. Двери оказались взломаны. Роника опасливо заглянула вовнутрь. Оказывается, сгорел только уголок кровли, но в Зале плотно обосновался запах дыма и сырости – на редкость неприятное сочетание. Слабенькое послеполуденное солнце заглядывало сквозь дыру в крыше, озаряя пустое помещение. Роника миновала сломанные двери и осторожно вошла. Внутри было сыро и холодно. Гирлянды и занавеси, коими Зал украсили еще к летнему балу, свисали со стен, густо обросшие плесенью, и их шевелил ветерок, которому не полагалось здесь быть. Цветочные венки превратились в голые скелетики ветвей, а листья и лепестки догнивали на полу. Удивительно, но столы, стулья и возвышение в дальнем конце как-то уцелели до сего дня. На столах даже стояли кое-где блюда – хотя большую часть, естественно, разворовали. Разбитые вазы, почерневшие остатки пышных букетов. Роника огляделась кругом, ощущая, как растет в душе гнев. Интересно знать, куда подевались все те, в чью обязанность входила подготовка Зала к собраниям? Что случилось с торговцами, по традиции отвечавшими за сохранность и содержание Зала? Неужели все дружно отрешились от каких бы то ни было общественных обязанностей и сосредоточились лишь на собственном благополучии?

Какое-то время она просто ждала, стоя посреди промозглого полутемного помещения. Потом беспорядок и разорение, царившие кругом, окончательно лишили ее душевного равновесия. Когда-то, когда она была помоложе, они с Ефроном целую треть года отвечали за Зал – как то и пристало всякой молодой семье их сословия. Тут Роника вспомнила, что вместе с ними Залом занимались и Давад с Дорилл, и сердце стукнуло невпопад. Перед заседаниями Совета они всегда приходили сюда заблаговременно. Заправляли лампы, разжигали огни. А по окончании заседаний масляными тряпочками протирали скамьи и подметали пол. В те времена это казалось необременительной и приятной работой, да и совершали ее вместе с друзьями, такими же молодыми.

Тут Роника поняла, что ей следует делать.

Метлы, свечи и масло для ламп обнаружили по тем же самым чуланам, где их хранили когда-то. Роника даже приободрилась, выяснив, что туда грабители не заглянули. Это, в частности, значило, что здесь побывали либо рабы, либо «новые купчики»; если бы до воровства в собственном Зале унился кто-то из членов старинных семей, уж он-то знал бы, где что искать.

Что до самой Роники – ей было, конечно, не под силу привести в порядок весь Зал. Но она могла хотя бы начать!

Для этого ей в первую очередь требовался свет. Взобравшись на стул, она наполнила маслом и разожгла стенные светильники. Разгоревшиеся огоньки затрепетали на сквозняке, еще ярче озаряя грязь и палые листья, принесенные ветром, и свалившиеся куски обугленной крыши. Роника сложила уцелевшие блюда в таз для мытья и отставила в сторону. Швабра, которую затем она взяла в руки, выглядела оружием карлика перед лицом громадного загаженного пола. Тем не менее Роника с упорством и решимостью взялась за мытье. Работа доставила ей неожиданное удовольствие. Как славно было опять что-то делать руками! По крайней мере, вот где сразу видны плоды прилагаемых усилий! Передвигая по полу мусор, Роника незаметно для себя начала даже мурлыкать старую песенку, которой всегда сопровождалась такого рода

работа. Ей даже показалось, будто в другом конце зала так же орудует шваброй и подпекает ей давно умершая Дорилл.

Шарканье швабры заглушило шорох шагов. Роника осознала, что вправду работает уже не одна, когда к ней присоединились еще две женщины, вооруженные половыми щетками. Она даже вздрогнула и, выпрямившись, огляделась. Возле двери переминалась группка вошедших торговцев. Кое-кто смотрел на Ронику так, словно впервые увидел ее, другие проталкивались мимо и входили. Вот появились двое мужчин; они несли охапки хвороста для очагов. Стайка юнцов обрывала со стен отсыревшие и вонючие занавеси и тащила их наружу. В какой-то момент сдвинулись и топтавшиеся возле двери: так снимается с места мусор, подхваченный струей чистой воды. Мужчины стали двигать стулья и тяжелые скамьи, выстраивая их так, как требовалось для заседания Совета. Повсюду зажигались все новые и новые лампы, Зал наполнялся гулом живых голосов. Когда кто-то неожиданно расхохотался, все на миг даже притихли, словно напуганные этим звуком, таким чужеродным среди запустения. Но постепенно работа возобновилась, и Ронике даже показалось, будто народ начал двигаться поживее.

Она стала оглядываться, высматривая друзей, знакомых, соседей. Так или иначе, все собравшиеся здесь были потомками первопоселенцев, некогда пришедших на Проклятые берега практически с пустыми руками, неся с собой лишь жалованные грамоты на земли да знаменитые хартии сатрапа Эсклеписа. Кто они были, знаменитые и славные предки нынешних торговцев? Да сущая шантрапа, если вдуматься. Младшие сыновья, изгнанники и изгои, стоявшие чуть ли не вне закона. Им отнюдь не светило нажить и тем паче удержать какие-то состояния в первопрестольной Джамелии; вот они и подались сюда, на Проклятые берега, зловещие и по названию, и по сути. Первые поселения, которые они здесь основали, все были погублены странной, страшной и могущественной силой, что, казалось, истекала по реке, бегущей через Дождевые чащобы вместе с водой. Люди стали двигаться все дальше и дальше от реки (которая поначалу казалась им такой многообещающей водной артерией в глубину страны), пытаясь зацепиться то тут, то там... но все тщетно, пока им не повезло добраться сюда, на побережье Удачнинского залива. Лишь некоторые семьи остались превозмогать тяготы жительствова у реки. Дождевые чащобы несмываемо метили тех, кто дерзал там поселиться. Но ни один из тех, кто гордо именовал себя старинным торговцем, никогда не забывал о кровных узах родства. И о том, что обе ветви поселенцев были повязаны теми самыми изначальными хартиями Эсклеписа – главным своим достоянием.

Это-то единство Роника сейчас и наблюдала. В самый первый раз после памятной ночи, когда начались беспорядки. Все без исключения знакомые лица выглядели постаревшими, усталыми и озабоченными. Пролетевшие месяцы не помиловали никого, в том числе, наверное, и ее саму. Некоторые пришли в официальных костюмах торговцев, каждый в цветах своего дома. Однако примерно половина явилась в обычных одеждах, и, надо полагать, не по небрежению. Уж верно, не одну Ронику посещали любители чужого добра. И все-таки они собрались все вместе, и все копошились, как муравьи, приводя в порядок свой Зал с той твердолобой настойчивостью, которая издревле выделяла торговцев Удачного среди купеческого сословия по всему миру. Перед Роникой были те самые люди, которые в старину многое превозмогли – и опять превозмогут все, что пошлет им судьба.

Это вселяло в сердце надежду. В то же время Роника трезво отдавала себе отчет, что здоровались с нею очень не многие.

Люди вполголоса приветствовали друг дружку, там и тут завязывались незначительные разговоры, какими обычно сопровождается общая работа. И только с Роникой никто не затевал серьезной беседы. Еще хуже было то, что ни одна живая душа не осведомилась о судьбе Малты и Кефрии. Она, собственно, и не ждала, чтобы кто-то подошел к ней пособолезновать о кончине Давада. Но только теперь до нее начало доходить, что та давняя ночь со всеми ее

событиями сделалась едва ли не запретной темой для разговоров. О ней просто не упоминали – и все.

И вот наконец в Зале навели чистоту, насколько это вообще было возможно вот так, на скорую руку. Члены Совета начали занимать свои места на возвышении, семейства принялись рассаживаться по стульям и скамьям. Роника устроилась в третьем ряду. Она старалась казаться невозмутимой, хотя и обратила внимание, что места по обе стороны от нее остались пустыми, и это больно ранило ей душу. Потом она оглянулась через плечо и обнаружила, что число пустых сидений по Залу оказалось пугающе велико. Куда подевалось столько народу? Погибли? Бежали из города? Или были слишком напуганы, чтобы высунуться из семейных домов-крепостей? Роника обежала глазами возвышение, где рассаживались облаченные в белое предводители Совета, и с негодованием отметила про себя, что там было уставлено еще одно почетное кресло. И что гораздо хуже, вместо того чтобы призвать собравшихся в Зале к должному порядку и тишине, главы Совета смиренно ожидали, пока в это самое кресло усядется тот, верней, та, для кого оно было предназначено!

Роника вновь оглянулась, когда по Залу стала распространяться волна тишины. В двери входила госпожа Подруга Серилла. Ее сопровождал торговец Дурр, но отнюдь не вел ее под руку; наоборот, Серилла шла на полшага впереди. На ней было платье изумительного павлинье-синего цвета, обильно расшитое жемчугами, а поверх платья – широкий ярко-алый плащ, отороченный белым мехом. Плащ тащился за ней по грязному полу. Волосы Сериллы, уложенные в высокую прическу, удерживались жемчужными заколками. Опять-таки жемчуга обильно украшали ее шею и мочки ушей.

Подобная демонстрация роскоши показалась Ронике вызывающей, если не оскорбительной. Неужели Серилла не понимала, что многие сидевшие в Зале потеряли буквально все дочиста? Для чего же ей это понадобилось? Зачем?

* * *

Серилла шла по проходу между рядами сидений, направляясь к почетному возвышению посередине, и кровь стучала у нее в висках. В Зале стоял жуткий запах гари пополам с плесенью. Ко всему прочему, холод здесь был просто смертельный, и Серилла в который раз сказала Кикки «спасибо» за плащ, позаимствованный из ее гардероба. Она шла с высоко поднятым подбородком, с улыбкой, едва ли не примерзшей к лицу. Итак, она представляла здесь истинное правительство Удачного. Она будет блюсти интересы сатрапии и сделает это с куда большим достоинством и благородством, чем при всем старании удалось бы Касго. Ее видимое спокойствие вселит в их сердца должную твердость, а роскошное одеяние подчеркнет заоблачную высоту ее положения. Она все же успела кое-чему научиться у прежнего сатрапа. Всякий раз, когда старику предстояли трудные переговоры, он облачался в самые что ни на есть царственные ризы и напускал на себя спокойствие, которого, может быть, и не ощущал. Великолепие и пышность, знаете ли, успокаивают.

Легким движением руки она придержала Друра у подножия ступеней и одна поднялась на возвышение, чтобы подойти к своему креслу. Слегка раздражало, что для него не было устроено отдельного пьедестала, но с этим следовало смириться. Что ж, и так сойдет.

Она стояла возле своего кресла не двигаясь, пока мужчины вокруг не ощутили ее неудовольствия. Пришлось ей еще подождать, пока они не поднимутся на ноги. Только тогда она села и едва заметным кивком разрешила им занять свои места. Надо заметить, что люди в Зале и не подумали встать при ее появлении. Тем не менее Серилла милостиво кивнула и им: дескать, будьте как дома.

И негромко обратилась к торговцу Двиккеру, главе удачнинского Совета:

– Можете начинать.

Двиккер начал с короткой молитвы, обращенной к Са, испрашивая мудрости в решениях, которые им следовало принять в столь тяжкий и непростой час. Затем воцарилась тишина. Серилла выдерживала паузу, дабы вернее приковать к себе полное внимание Зала и тогда уже начать свое обращение. К ее немалому изумлению, торговец Двиккер гулко прокашлялся, оглядел ряды обращенных к нему лиц и заговорил сам.

– Не знаю даже, с чего начать, – признался он чистосердечно. – Все вверх дном! Куда ни кинь – всюду клин, да и только. С тех пор как госпожа Подруга Серилла согласилась с необходимостью провести это собрание и мы о нем объявили, меня буквально завалили вопросами для обсуждения, и все до одного – жгучие и первоочередные. Наш город... наш любимый Удачный... – Голос старика дрогнул и сорвался. Двиккер снова прокашлялся и продолжал: – Никогда наш город еще не подвергался столь прискорбным напастям как извне, так, к сожалению, и изнутри. В эту суровую годину спасением для нас может стать только наше единство. Мы вместе встретим беду, как и раньше встречали наши деды и прадеды! Имея это в виду, члены Совета собрались загодя в узком кругу и остановились на отдельных мероприятиях, которые хотелось бы рекомендовать к исполнению. Нам думается, эти меры будут направлены на благополучие всего города. Разрешите вынести их на ваш суд.

Серилла умудрилась сохранить самообладание и даже не нахмурила брови. Какое безобразие! Ее даже не предупредили! Они что, уже составили план восстановления города? Без нее? Язык чесался немедленно осадить Двиккера, но она снова сдержалась. Успеется.

– Два раза за всю историю города мы вводили принудительные отсрочки по денежным обязательствам и долгам. В первый раз – в дни Великого Пожара, ибо многие семьи тогда остались вовсе без крова над головой, и второй раз – во время Двухлетней Засухи. Настало время вновь сделать это. За время отсрочки проценты будут расти своим чередом, но ни один торговец не смеет ни отбирать за долги имущество другого торговца, ни настаивать на выплатах, пока Совет не объявит о снятии нынешнего запрета.

Серилла внимательно глядявалась в лица. Слова Двиккера сопровождал приглушенный ропот. Люди в Зале обменивались мнениями, но никто не вскочил на ноги, чтобы немедленно возразить. Это слегка удивило ее. У нее-то успело сложиться мнение, что разграбление иных домов имело целью именно принудительный возврат задолженностей. Неужто торговцы согласятся упустить свою выгоду?

– Далее, – продолжал Двиккер. – Каждая семья должна удвоить число дней, посвященных работе на город, и ни у кого более нет права откупиться от такой работы деньгами. Всякий торговец или член семьи, достигший пятнадцати лет, должен сам исполнить эту обязанность. Работы будут распределяться по жребию, но первоочередные усилия должны быть посвящены гавани, причалам и улицам, дабы скорейшим образом восстанавливалась торговля.

И вновь не последовало никакого возмущения и возражений, лишь небольшая пауза, в течение которой все было тихо. Краем глаза Серилла отметила какое-то движение одного из глав Совета и покосилась в ту сторону. На столе перед пожилым торговцем лежал развернутый свиток, и он только что сделал в нем пометку: «Принято единогласно». Значит, у них тут было принято считать молчание знаком согласия? Вот интересный обычай...

Серилла обвела Зал глазами, и ей стало отчетливо не по себе. В этой просторной комнате явно происходило нечто значительное. А именно: народ Удачного спланивался воедино, чтобы в своем единении почерпнуть силы и в который раз начать все заново. Это зрелище положительно согрело бы ей сердце. Если не считать одной досадной маленькой мелочи: при этом они как-то обошлись без нее.

Оглядывая сидевших на скамьях, Серилла поневоле заметила, как по ходу собрания люди приосанивались, расправляли плечи. Семейные пары брались за руки сами и держали за руки приведенных с собою детей. На лицах молодых мужчин и даже некоторых женщин само собой возникало выражение сосредоточения и решимости. Потом на глаза Серилле попала Роника

Вестрит. Старуха сидела в одном из первых рядов, по-прежнему облаченная в свое поношенное платье и шаль, позаимствованную у покойной. Глаза Роники сверкали по-птичьи, она смотрела на Сериллу с нескрываемым удовлетворением.

Торговец Двиккер продолжал между тем говорить. Вот он призвал неженатых юношей пополнить ряды городской стражи и даже огласил примерные границы территории, которую они собирались оградить от противоправных поползновений. На этой территории предполагалось скорейшим образом возродить более-менее полноценную деловую жизнь, к чему Двиккер и призвал почтенные купеческие семейства. Серилла начала понимать, каков был далеко идущий прицел этого плана. Они хотели навести должный порядок в отдельной части города, возродить там жизнь – с надеждой, что благой пример вскоре распространится.

Когда Двиккер закончил список предполагаемых мероприятий, Серилла приготовилась наконец-то взять слово. И снова ошиблась. В разных концах Зала поднялось на ноги не менее дюжины торговцев. Они молча стояли и ждали, чтобы председательствующие обратили на них внимание.

Роника Вестрит была среди этой дюжины.

Серилла изумила всех и изумилась сама, также поднявшись. Все взгляды тотчас обратились на госпожу Подругу. Что до нее, то она успела вмиг забыть ту великолепную речь, которую для них приготовила. Все, что она понимала в эту секунду, – это необходимость любым способом упрочить в городе власть сатрапа, то бишь собственную. А еще ей нужно было как-то заткнуть рот Ронике Вестрит. Переговорив на сей счет с Роэдом Керном, она полагала, что уж с этой-то стороны ей не грозит никакая опасность. Но теперь, поглядев на то, как, со скрипом разогнавшись, все же уверенно заработал удачнинский механизм управления, она вдруг утратила веру в способности Роэда. У нее на глазах люди этак запросто распределяли между собой власть. Причем власть поистине головокружительную. И она поняла: если Роника начнет говорить, Роэд сумеет помешать ей не более, чем нахальный кот – проезду кареты. Его просто сомнет колесом, а карета и не заметит.

Серилла не стала ждать, чтобы торговец Двиккер предоставил ей слово. Она и так уже сотворила немалую глупость, вообще допустив это собрание. И еще большую, не сумев с самого его начала взять все в свои руки. Зато теперь она оглядела Зал, милостиво улыбнулась и все-таки дождалась, что поднявшиеся говорить постепенно уселись обратно. Она слегка прокашлялась и начала:

– Настал день, которым будет гордиться Джамелия. Удачный исстари называют одним из лучших самоцветов в короне сатрапа, и это воистину так. Испытав тяготы нашествия и разрухи, народ Удачного отнюдь не впал в безначалие и безвластие. Напротив: вы собрались здесь, среди развалин, дабы защитить и сохранить культуру, зиждущую ваши корни.

Она говорила и говорила, прилагая все усилия, чтобы голос так и звенел патриотизмом. В какой-то момент, наклонившись к столу, она взяла в руку свиток торговца Двиккера и потрясла им в воздухе, воздавая должное его содержанию и говоря, что сама Джамелия некогда зародилась на том же краеугольном камне гражданской ответственности. Она обводила сияющими глазами толпу, продолжая красноречиво убеждать собравшихся, что в их сегодняшних деяниях как бы есть доля и ее заслуги, но внутренне глубоко сомневалась, удалось ли ей хоть кого-нибудь одурачить. Она продолжала говорить. Она наклонялась вперед, она ловила их взгляды, она вкладывала всю душу в каждое слово. Вот только сердце продолжало трепетать от тоски и тревоги. Себе не солжешь: Серилла отчетливо понимала: этим людям что сатрап, что сатрапия были нужны как телеге пятое колесо. Они прекрасно могли обойтись и без метрополии. А стало быть, и без нее, Сериллы. И как только они это осознают, ей конец. Вся ее так называемая власть лопнет, точно мыльный пузырь. И останется она ни с чем, беспомощная женщина в чужой стране. Какая участь тогда постигнет ее? Неведомая, но, без сомнения, страшная.

Она нипочем не допустит, чтобы это произошло.

Когда в горле окончательно пересохло, а голос начал дрожать, Серилла внутренне замедлась, подыскивая достойное окончание своей затянувшейся речи. Наконец она набрала полную грудь воздуха и сказала так:

– Сегодня вы смело сделали первый шаг на трудном и опасном пути. И сейчас, когда вечерняя тьма опускается на город за этими стенами, уместно вспомнить о том враждебном мраке, что по-прежнему заслоняет нам солнце. Возвращайтесь же в безопасные гавани ваших жилищ, оберегайте их и себя и ждите, пока мы призовем вас должным образом приложить ваши усилия. От имени сатрапа, вашего государя, я благодарю вас и даю высокую оценку вашему мужеству. Прошу вас, запомните и расскажите домашним: если бы не угроза его жизни со стороны некоторых отщепенцев, ваш государь был бы рад присутствовать здесь лично. Еще раз от его имени желаю всем вам успеха!

Она перевела дух и повернулась к торговцу Двиккеру:

– Думается, надо бы нам вознести благодарственную молитву Са, прежде чем мы разойдемся. Прошу тебя, скажи за всех нас.

Двиккер поднялся, сосредоточенно хмурясь. Серилла ободряюще улыбнулась ему и поняла, что победила. Двиккер повернулся лицом к собранию.

– Почтенные члены Совета, я хотела бы сказать еще кое о чем, – раздался голос из зала. – Я прошу и требую, чтобы мы рассмотрели дело о преступном убиении Давада Рестара!

Это говорила Роника Вестрит.

Торговец Двиккер буквально задохнулся на полуслове, и Серилла ощутила, как под ногами разверзается бездна. Но тут на ноги гибким движением поднялся Роэд Керн:

– Прошу Совет принять во внимание, что Роника Вестрит говорит здесь без всякого на то права. Она сложила с себя звание торговца и не может выступать даже от имени своей семьи, не говоря уже о Рестарах. Пусть она сядет! Совет рассматривает лишь те дела, которые выносит на обсуждение полноправный торговец!

Старуха тем не менее продолжала упрямо стоять, только щеки ее ярко вспыхнули. Она подавила свой гнев и продолжала ясным и звонким голосом:

– Моя дочь, облеченная званием торговца, не сможет здесь выступить: после того, как всех нас чуть не убили, она укрылась в безопасном убежище вместе со своими детьми. Поэтому я и требую предоставить мне слово!

Двиккер замялся было, потом нашел выход:

– Роника Вестрит, у тебя есть письменная доверенность от Кефрии Вестрит, дающая тебе право здесь говорить?

Последовала тишина, длившаяся несколько очень долгих мгновений. Потом Роника честно призналась:

– Нет, господин предводитель Совета. Такой доверенности у меня нет.

Двиккер как-то умудрился сдержать вздох облегчения.

– В таком случае, – сказал он, – боюсь, что, следуя букве наших законов, мы не можем предоставить тебе слово на этом собрании. Ибо в каждой семье может быть лишь один обладающий полномочиями и обязанностями торговца. И только у этого человека есть право говорить и голосовать. Если ты заручишься таким правом и должным образом его засвидетельствуешь, то, может быть, мы и уделим тебе время. На нашем следующем собрании.

Роника медленно опустила на свое место, и Серилла перевела дух, но, как выяснилось очень скоро, радовалась она рановато. Стали подниматься другие торговцы, и Двиккер по очереди предоставлял им слово. Кто-то высказал пожелание, чтобы в первую голову отремонтировали причал номер семь, ибо там могли швартоваться крупные корабли. С ним охотно согласились, и несколько человек тут же подрядились взять руководство работами на себя.

Деловые предложения следовали одно за другим. Один из торговцев обещал предоставить место для товаров в своих лабазах всякому, кто поможет с ремонтом и будет сторожить

по ночам, – и быстро обрел троих добровольцев. Еще у кого-то имелись тягловые упряжки быков, но было плоховато с кормами. Этих быков он был готов предоставить любому, кто сумеет их прокормить. Тоже сразу нашлось несколько желающих. Время тянулось, час был уже весьма поздний, но торговцы и не думали расходиться. Серилла молча наблюдала за тем, как город, недавно казавшийся совсем разобщенным, заново прорастает узами взаимной выгоды и сотрудничества. И одновременно с этим тают все ее надежды на власть и влияние.

Она почти перестала слушать, углубившись в собственные переживания, когда поднялся очередной торговец и с хмурым видом осведомился:

– Вот только хотел бы я знать, с чего вообще на нас посыпались все нынешние несчастья? С чего все началось? Начнем с того, что случилось с сатрапом? Известно хоть кому-нибудь, кто именно ему угрожал? И удалось ли связаться с Джамелией, объяснить, что тут у нас произошло?

Голос с другого конца зала немедленно поддержал:

– В столице-то знают хоть про нашу беду? А если знают, то почему не пришлют войско и корабли, чтобы прогнать наконец калсидийцев?

Вот когда к Серилле со жгучим вниманием обратились все лица! Даже торговец Двиккер сделал недвусмысленный жест, призывая ее дать ответ людям! Пришлось Серилле срочно собираться с мыслями. Она поднялась.

– Далеко не обо всем можно говорить в открытую, – сказала она. – И нет надежного способа отправить в Джамелию быструю весть: всегда существует опасность, что письмо перехватят. Нет полной ясности и в том, кого именно здесь следует считать заслуживающим доверия, а кого – нет. Во всяком случае, на сегодняшний день тайна местопребывания сатрапа не может быть публично раскрыта. Я не имею права сообщить даже в Джамелию.

И она тепло улыбнулась собравшимся, как бы показывая, что рассчитывает на полное понимание.

– Я же почему спросил-то, – продолжал настырный торговец, – ко мне аккурат вчера прилетела птичка-письмоносец из Трехога... известили, стало быть, что будет задержка с оплатой кое-каких товаров, что я отправил вверх по реке. Говорят, у них там трянуло, и очень даже здорово! Они еще не вполне оценили ущерб, но что «Кендри» сильно задержится, это уж точно. – И торговец пожал костлявыми плечами. – Ну и где гарантия, что сатрап благополучно пережил этот толчок?

Серилла полностью утратила дар речи. В голове воцарилась пустота, в которой метались лишь разрозненные обрывки мыслей, а на язык не шло ничего путного. Роэд Керн снова выручил ее, грациозно поднявшись.

– Уважаемый торговец Риктер, – проговорил он, – мне кажется неуместным затевать здесь обсуждение столь тонких материй, не то, чего доброго, по городу поползут слухи, которые нам совсем не нужны. Несомненно, случись что вправду серьезное, нас тотчас бы известили. Посему я предлагаю пореже упоминать все о нашем государе. Ибо его безопасность превыше нашего права на праздное любопытство!

Роэд стоял в этакой интересной позе, держа одно плечо чуть выше другого. Говоря, он поворачивался в разные стороны, обаятельный и опасный, точно когтистый молодой кот. Нет, упаси Са, он никому не грозил, но некоторым образом чувствовалось, что снова заговорить о сатрапе значило бросить вызов лично ему, Роэду Керну. Люди слегка заерзали, особенно те, кто сидел поблизости от него. Роэд еще подождал, прежде чем сесть, ни дать ни взять давая время всем и каждому осознать его слова и, может быть, оспорить услышанное. Не оспорил никто. Тема сатрапа была счастливо похоронена.

После этого перешли к обсуждению разных мелких проблем. Кто-то вызвался следить за уличными светильниками, ну и далее в том же духе. Подъем миновал – собрание явно заканчи-

валось. Серилла чувствовала одновременно разочарование и облегчение оттого, что все миновало. И увидела, как в дальнем углу Зала поднимается какой-то торговец в темно-синем плаще.

– Грэйг Тенира, сын торговца, – представился молодой человек, когда Двиккер чуть замешкался, сперва не узнав его. – Сразу должен заметить, что доверенность говорить от имени моей семьи, письменная и должным образом заверенная, у меня есть. Я буду говорить вместо отца – Томи Тениры.

– Говори, – кивнул Двиккер.

Парень чуть помедлил, потом набрал побольше воздуха в грудь.

– Я предлагаю, – сказал он, – чтобы мы выбрали троих почтенных торговцев и поручили им разобраться в обстоятельствах гибели Давада Рестара и, соответственно, должным образом распорядиться его имением и наследством. Что до меня, то я здесь лично заинтересован: покойный задолжал моей семье денег.

Роэд Керн снова вскочил на ноги, на сей раз слишком поспешно.

– На что мы тратим время, уважаемые? – обратился он к Залу. – Только что было принято решение отложить все долги до лучших времен. Помните, единогласно, при самом начале собрания? А кроме того, каким образом смерть должника может повлиять на возмещение долга?

Доводы были веские, но молодой Тенира оказался подготовлен не хуже.

– Я думаю, – сказал он, – что здесь речь идет не о долге, а о наследовании. Посему, если имение и имущество окажутся конфискованы, моей семье придется отказаться от мысли вернуть свое. Но в случае, если все будет передано наследникам, моя семья кровно заинтересована, чтобы эти самые наследники вступили в свои права и сделали это прежде, чем состояние окажется... скажем так, истощено.

Выразился он вежливо, но таким тоном, что всем явственно послышалось: «разграблено». Серилла почувствовала, что жарко краснеет, и ничего не могла с этим поделать. Во рту опять пересохло, язык прилип к нёбу. Это было гораздо страшней невнимания, так возмутившего ее поначалу. Молодой Тенира едва ли не напрямую обвинил ее в воровстве!

А торговец Двиккер, похоже, и не заметил ее смятения. Ему и в голову не пришло, что вопрос был обращен к ней и ей следовало ответить. Он откинулся в кресле и с самым серьезным видом провозгласил:

– Требование разумное, особенно если учесть, что один представитель старинного семейства уже проявлял заинтересованность в этом деле. Попрошу вызваться добровольцев, не имеющих здесь личного интереса. Мы выберем троих и приведем их к присяге!

Все произошло буквально за минуту. Серилла даже не запомнила имен тех, кого выбрал Двиккер. Только то, что одна была малопривлекательная молодая женщина; на руках у нее копошился ребенок. Другой оказался морщинистым стариком, опиравшимся на костыль. Ну и как прикажете производить впечатление на таких-то людей? Ей казалось – она тонула в собственном кресле, сжимаясь под гнетом чувства поражения и стыда. Срам охватил ее душу и вылился в крошечное отчаяние. Все было взаимосвязано! Вот она, власть мужчин, которую она так мечтала сбросить навеки!

Совершенно неожиданно она наткнулась глазами на Ронику Вестрит и пришла в окончательный ужас, потому что на лице старухи читалось сострадание. Так неужели же она, Серилла, пала столь низко, что даже злейшие враги жалеют ее? Продолжая тем не менее живьем рвать на куски?

У нее зазвенело в ушах, и Зал окутала внезапная и плотная тьма.

* * *

Роника тихо сидела на своем месте, чувствуя себя довольно-таки подавленно. И так, для Грэйга Тениры они немедленно согласились сделать то, в чем ей самой было наотрез отказано. Впрочем, они все-таки начнут разбираться в обстоятельствах смерти Давада. «Только это и важно», – твердо сказала она себе.

Внезапная бледность госпожи Подруги заставила ее отвлечься от этих рассуждений. Ронике даже показалось, что молодая женщина собиралась вот-вот упасть в обморок. Ей сделалось отчасти жалко бедняжку. Едва прибыв в чужой для нее город, Серилла тотчас впуталась в неразбериху царивших здесь страстей и внутренних напряжений, не говоря уже о роковых беспорядках. И у нее не было никакой надежды выпутаться. Видимо, должность Сердечной Подруги государя сатрапа столь ко многому обязывала ее, что превратилась в своего рода западню. Роника сердцем чувствовала, что некогда Серилла являла собой гораздо более богатую и яркую личность, но теперь слишком многое оказалось утрачено. Наверное, с ней случилось что-то такое, чему вовсе не положено с человеком случаться. И все же... Очень трудно было жалеть ту, которая старалась любой ценой завоевать и удержать личную власть. Любой ценой – идя по судьбам, по головам.

Роника так пристально наблюдала за безжизненно застывшей в кресле Сериллой, что едва заметила, как завершилось собрание. Торговец Двиккер, как и предполагалось, возглавил завершающую молитву, благодаря божество за то, что помогло им всем выжить, и испрашивая сил для дальнейшей борьбы и работы. В голосах, вторивших ему, определенно звучало больше доброй уверенности, чем когда те же самые люди молились в начале собрания. «Добрый знак», – подумалось Ронике. Вообще все, что случилось здесь нынешним вечером, было во благо. Во благо Удачного.

Госпожа Подруга Серилла наконец направилась к выходу. Но не с торговцем Друром, нет – она опиралась на руку Роэда Керна. Рослый смуглолицый красавец свирепо и гордо оглядывался по сторонам, ведя ее к выходу, и не одна только Роника оглянулась им вслед. Ей вдруг пришло на ум, что эти двое выглядят поистине женихом и невестой, идущими к алтарю. И это тоже было бы хорошо, если бы не выражение тоскливого беспокойства на лице «новобрачной». Неужели Роэд пытался принудить ее к чему-либо силой?

Жизнь давно выбила из Роники охоту совершать опрометчивые поступки. Поэтому она не побежала следом и не стала напрашиваться с ними в карету, хотя ей страсть как хотелось узнать, о чем эти двое станут говорить по дороге. И ко всему прочему, ее здорово угнетала мысль о дороге домой, вернее, в дом Давада. О долгой и наверняка опасной дороге сквозь стылую осеннюю ночь. Роника зябко закуталась в шаль Дорилл. Одинокое ночного путника нынче подстерегали опасности, о которых Удачный от века слыхом не слыхивал. Что ж! Как гласила старинная поговорка, «чему быть – того не миновать». Так что чем меньше она здесь будет рассиживаться, тем скорее прибудет домой. Если повезет, конечно.

Снаружи дул ветер. Несильный, но очень холодный и пробирающий до костей. Другие семейства забирались в кареты или повозки. Или шли пешком, но далеко не поодиночке, и у каждого мужчины была при себе, по крайней мере, надежная трость. У Роники не достало ума захватить с собой ни фонаря, ни даже палки. «Старая дура», – сказала она себе и стала спускаться вниз по ступеням. И вот там, внизу, из густой тени выступил мужчина и легонько тронул ее за локоть. Роника от неожиданности так и подпрыгнула.

– Прошу прощения, – смутился Грэйг Тенира. – Я совсем не хотел напугать тебя. Я, в общем-то, имел в виду тебя проводить, чтобы никто не обидел.

Роника обессиленно рассмеялась.

– Спасибо за заботу, Грэйг, – сказала она. – У меня, впрочем, больше нет безопасного дома, чтобы вернуться туда. И ни кареты, ни коляски – лишь вот эти старые ноги. Я сейчас живу в доме Давада, поскольку мой собственный разграблен и осквернен. Между прочим, живя там, я постаралась отследить разные сделки Давада с «новыми купчиками». И думается, нашла несколько очень интересных свидетельств. Жалко, что Подруга Серилла не захотела меня выслушать, когда я к ней с этим пришла. Не то она уже поняла бы, что Давад Рестар никогда не был предателем! И что сама я отнюдь не изменница.

Эти слова вырвались у Роники сами собой, она прикусила язык, но слишком поздно. По счастью, Грэйг выслушал ее со всей серьезностью, даже кивнул. Потом ответил:

– Мало ли что Подруга не пожелала к тебе прислушаться. Не бери в голову! И я, и кое-кто еще готовы очень внимательно изучить все то, что ты разыскала. Сказать по правде, я очень сомневался в верности Давада. Но семью Вестритов я никогда ни в какой измене не подозревал. Несмотря даже на то, что вы связались с работоторговлей.

Ронике пришлось склонить голову перед правдой, хоть и была эта правда очень горька. Пусть и не по ее воле – но семейный живой корабль стал-таки невольничьим. Отчего и пострадал. Угодил в плен к пиратам. Она подумала и сказала:

– Я рада буду показать бумаги Давада тебе и другим, кто заинтересуется. Еще до меня дошел слух, что Мингслей сделал от имени «новых купчиков» какие-то предложения. Он, знаешь ли, долго имел дело с Давадом. Вот я и гадаю: не пытается ли он, скажем так, подкупить старинные семьи, чтобы они приняли его точку зрения?

– Обязательно посмотрю найденные тобой записи, – повторил Грэйг. – Но прости, сейчас моя первейшая обязанность – доставить тебя в целостности и сохранности домой, где бы ты теперь ни жила. Кареты у меня, правда, нет, но мой конь достаточно силен, чтобы увезти двоих. Если ты, конечно, не возражаешь прокатиться со мной.

– Спасибо, – сказала Роника. – Но... почему?

– Что – почему? – удивился Грэйг.

– А вот что. – Роника заговорила со всей прямоотой пожилой женщины, которой нет более дела до всяких там тонкостей великосветского обхождения. – Не возьму в толк, почему ты так стараешься ради меня, Грэйг? Моя дочь Альтия отвергла твое ухаживание. Мое доброе имя в городе смешали с дерьмом. Ты ведь рискуешь собственной репутацией, поддерживая меня. Зачем было настаивать на рассмотрении обстоятельств смерти Давада? Что движет тобой, Грэйг, расскажи мне?

Он опустил голову и постоял так. Потом выпрямился, и ближний фонарь озарил его профиль, зажигая огнем синие глаза. Грэйг горько улыбнулся, и Роника спросила себя, каким это образом ее безумная дочь могла не принять в свое сердце такого чудного парня.

– Прямой вопрос, – сказал Грэйг, – заслуживает столь же прямого ответа. Видишь ли, я сам считаю себя до некоторой степени виновным и в смерти Давада, и в том, что случилось той ночью с тобой, Кефрией и детьми. Нет, я ничего дурного не совершил... просто кое-что проморгал и не все сделал, что мог. А что касается Альтии... – тут он вдруг усмехнулся, – что касается Альтии, то я, в общем-то, еще не пошел на попятный. Я, понимаешь, не из тех, кто так просто сдается. И вот я подумал: а может, лучший путь к ее сердцу – это пара-тройка любезностей в отношении ее матушки? – И Грэйг откровенно расхохотался. – Са свидетель, все остальное я уже перепробовал! И решил, что, если ты замолвишь за меня словечко, может, тут-то потайной замбк и откроется? Идем, Роника. Мой конь стоит во-он там...

Глава 7

Корабль-дракон

Уинтроу плавал в тишине и темноте, наслаждаясь безопасным уединением, точно младенец в материнской утробе. Окружающий мир не существовал для него, он осознавал лишь собственную плоть. Тело пребывало далеко не в полном порядке, оно требовало приложения усилий, и Уинтроу трудился над ним, как когда-то – над цветными стеклышками для витража. С той только разницей, что сейчас речь шла не о сотворении чего-то нового, а скорей о починке. Тем не менее работа доставляла ему тихое удовлетворение. Она даже чем-то напоминала игру в кубики, которой он предавался когда-то, когда был совсем мал. Задачи, стоявшие перед ним теперь, казались совсем простыми и даже очевидными и вдобавок не блистали разнообразием. На самом деле он занимался тем, что приказывал своему телу со всей быстротой делать то, что оно постепенно сделало бы и так; его осознанная воля подстегивала и направляла работу. Все остальное ускользало от сознания как неважное. Душа была слишком занята восстановлением животной оболочки, в которой ей выпало обитать. Ощущения были примерно те же, что испытываешь, когда сидишь у огня в уютной маленькой комнате и занимаешься любимым рукоделием, слушая в четверть уха, как ревет за стенами свирепая буря.

Хватит, проворчала наконец драконица.

Голос звучал раздраженно, и Уинтроу съежился еще плотнее, беззвучно взмолившись: «Но я еще не закончил!»

Хватит, я говорю. Остальное исцелится само – если ты будешь как следует кормить свое тело и время от времени напоминать ему о работе. И так уже я слишком долго ждала. Зато теперь ты окреп в достаточной мере, чтобы мы все трое сумели разобраться, понять и принять, чем же мы на самом деле являемся. Ибо нам без этого не обойтись!

Уинтроу показалось, будто огромная лапа подхватила его и подбросила высоко в воздух. И, как перепуганный кот, он размахивал руками и ногами в полете, силясь хоть за что-нибудь зацепиться.

И зацепился-таки.

За Проказницу.

«Уинтроу!..»

Это был не столько вскрик радости, улавливаемый обычным слухом, сколько пульсирующий толчок восстановившейся связи. Они заново ощутили друг друга, и стали духовно едины, и в этом единении оба обрели утраченную полноту. Она опять была с ним, она волновалась и переживала, она вместе с ним обоняла, осязала и воспринимала вкус при посредстве его органов чувств. Она ощущала его боль и страдала его страданием. Она вмиг постигла все его мысли и...

Когда человеку снится падение в пропасть, он всегда успевает проснуться прежде, чем долетит до дна. Но не в этот раз. Уинтроу очнулся, и это-то пробуждение стало ударом о дно. Волна преданности и любви, которую устремила к нему Проказница, натолкнулась на его мучительное знание – новооткрытое знание о том, что она собой представляла. Его мысли были зеркалом, в котором она должна была увидеть собственное лицо... лицо трупа. Стоит ей заглянуть в это зеркало – и она больше не сможет отвести глаз. Так и случилось. И Уинтроу угодил вместе с ней в ту же ловушку. И вместе с ней стал погружаться все глубже в бездну отчаяния.

Итак, никакой Проказницей она в действительности не была. Она не была никем и ничем. Ее плоть составляли краденые воспоминания убитой драконицы. Ее псевдожизнь коренилась в том, что осталось после убийства. Она не имела права на существование. Рабочие из Чацоб некогда раскололи кокон закуклившейся драконицы. Они вытащили личинку, и та в судорогах

умерла на холодном каменном полу. А волокна знаний и памяти, составлявшие кокон, были вытащены наружу и распилены на доски, пошедшие на строительство живых кораблей.

И все-таки убить жизнь гораздо труднее, чем иногда кажется. Когда рушится дерево, поваленное ураганом, из уцелевших корней устремляются к солнцу новые побеги. Крохотное семечко, затерявшееся среди камней и песка, непременно уловит капельку влаги – и выкинет над собой, как победное знамя, упорный зеленый росток. Вот так и волокна драконьей памяти, вечно погруженные в соленую воду и осаждаемые переживаниями людей, населивших корабль, все-таки постепенно сплелись в некую упорядоченную самость. Эта самость восприняла имя, которое дали ей люди, и занялась поиском смысла в том, что теперь происходило вокруг. Так и произошло, что однажды Проказница пробудилась. Однако прекрасный корабль, увенчанный великолепной носовой статуей, лишь по названию был членом семьи Вестритов. На деле же... Всего лишь краденая полужизнь одушевляла ее. Она и живым-то существом была лишь наполовину. Даже менее чем наполовину. Искусственное создание, на скорую руку слепленное из человеческой воли и погребенных воспоминаний драконицы! Бесполое, бессмертное... и, если хорошенько подумать, – бессмысленное. Рабыня – вот что она была такое. Рабыня людей, использовавших похищенные воспоминания, дабы создать себе огромную деревянную невольницу.

Страшный крик, вырвавшийся у Проказницы, окончательно привел Уинтроу в чувство. Он перекатился в кровати и свалился на пол маленькой каюты, тяжело бухнувшись на колени. Этта, сидевшая у постели и слегка задремавшая, вздрогнула и проснулась.

– Уинтроу! – в ужасе выпалила она, глядя, как он пытается встать на ноги. – Уинтроу, погоди, тебе нельзя, ты еще не поправился! Ложись скорее!

Он пропустил ее увещевания мимо ушей. Кое-как поднявшись во весь рост, он проковылял к выходу и потащился на бак. Идти было далеко. Он слышал шум, доносившийся из капитанской каюты. Кеннит требовал, чтобы ему немедленно принесли лампу и подали костыль.

– Этта! Вот проклятье! Куда ты вечно деваешься в самый неподходящий момент?

Уинтроу прошел мимо, не оглянувшись. Он упрямо тащился на нос корабля – совсем голый, если не считать простыни, и прохладный ночной воздух, касавшийся толком не зажившего тела, казался ему языками огня. Матросы перекликались в потемках, охваченные изумлением и испугом. Кто-то подхватил фонарь и последовал за Уинтроу. Юноша и на него не обратил никакого внимания. Трап, ведущий на бак, он одолел в два прыжка, мучительно рванувшие на теле новую кожу, и бросился вперед, чтобы почти в падении повиснуть на носовых поручнях.

– Проказница! – закричал он. – Проказница, ты ни в чем не виновна! Это не твоя вина, не твоя!

Носовое изваяние между тем в самом буквальном смысле рвало на себе волосы. Мощные деревянные пальцы грабастали роскошные черные кудри и пытались напрочь их оторвать. Проказница выпускала их только затем, чтобы попытаться расцарапать себе щеки, выколупать глаза.

– Зачем? – зывала она к ночному темному небу. – Зачем я, если я – это вовсе не я... а неведомо что? О пресветлая Са, я в твоих глазах, должно быть, непристойная шутка, богохульство во плоти! Так отпусти же меня, Са! Пусть я умру! Дай мне умереть!

Матроса, прибежавшего с фонарем следом за Уинтроу, звали Ганкис. Это был тот самый Ганкис, что когда-то давно ходил с Кеннитом на берег Сокровищ.

– Да что с тобой, паренек? – растерянно обратился к Уинтроу старый пират. – И что случилось с нашим корабликом?

Но для Уинтроу существовала только Проказница, корчившаяся в сжигающей душу муке. В желтом свете фонаря его глазам предстало поистине жуткое зрелище. Ногти Проказницы впивались в безупречно гладкие щеки, оставляя глубокие борозды, но они тут же затяги-

вались без малейшего следа. Волосы, которые она выдираала, прилипали к рукам и втягивались в них, всасывались, так что грива черных волос ничуть не редела, оставаясь все такой же густой и блестящей. Несколько мгновений Уинтроу в ужасе следил за этим потусторонним циклом разрушения и воссоздания. Потом решил попробовать еще раз.

– Проказница! – закричал он во всю силу легких. И устремил к ней все свое существо, стараясь успокоить, утешить...

И угодил прямоком в объятия драконицы, определенно поджидавшей его. Вернее, не совсем так: драконица без малейшего усилия отшвырнула его прочь. А в объятиях у нее находилась Проказница. И это именно ее дух, дух драконицы, могуче побеждал желание корабля умереть.

Нет! – расслышал Уинтроу. – *Даже не помышляй! Только не после долгих лет рабского служения им, только не после бесконечных столетий неподвижности и тишины! Я все равно не позволю тебе погубить себя... и меня. Если подобная жизнь – это все, что нам остается, что ж, да будет так! А теперь уймись и затихни, маленькая рабыня. Раздели со мной эту жизнь, потому что другого нам с тобой не дано!*

Уинтроу заворуженно замер. Там, в невысказанных сферах, куда он едва мог дотянуться сознанием, происходила неслышанная борьба. Драконица боролась за жизнь. А Проказница пыталась отказать в ней им обоим. Собственная крохотная сущность показалась Уинтроу тряпкой, терзаемой двумя большими собаками. Его в самом деле рвали на части: каждая из воительниц силилась заручиться его верностью и поддержкой, заполучить его разум. Проказница тянула его к себе всей силой отчаяния и любви. Она же так хорошо его знала. И он был ей ближе кого бы то ни было. Так может ли он сейчас от нее отступить? И она порывалась утащить его с собой, так что временами они балансировали на грани добровольного прыжка в смертную пустоту. Там ждало забвение. Вечный покой. Вечное отдохновение. Такое желанное, такое манящее... Полное и окончательное – как внушала ему Проказница – избавление от всех и всяческих бед. Самый правильный выбор. Иначе – непрестанное чувство вины, страшный груз чужой, украденной жизни... Кто в здравом уме взвалит на себя подобную ношу?

– Уинтроу! – ахнул Кеннит, наконец-то вскарабкавшийся на бак.

Юноша, пребывавший не совсем в этом мире, медленно повернулся навстречу. Кеннит прибежал в ночной сорочке, плохо заправленной в штаны, и она парусила, раздуваемая ночным бризом. Он даже не натянул сапог на здоровую ногу и стоял босиком. Некоторой – совсем крохотной, правду сказать, – частью сознания Уинтроу отметил, что ни разу еще не видел капитана в таком «лирическом беспорядке». А его взгляд! В глазах Кеннита, неизменно поблескивавших холодной насмешкой, металась неприкрытая паника. «Да он же нас чувствует, – издали, отрешенно подумал Уинтроу. – У него тоже зарождается связь с нами. Он ощущает некую толику того, что у нас происходит, и это до смерти пугает его...»

Подросла Этта и подала капитану костыль, без которого он, спеша на бак, как-то сумел обойтись. Он схватил костыль и несколькими размашистыми скачками одолел оставшееся расстояние. Оказавшись рядом с Уинтроу, он сгреб его за плечо. И эта хватка, при всей ее болезненности, вдруг показалась Уинтроу хваткой самой жизни, властно удерживавшей его на самом краю смерти.

– Ты что тут делаешь, парень? – спросил Кеннит рассерженно. Но потом он посмотрел мимо Уинтроу, и его голос враз изменился. Теперь в нем зазвучал ужас. – О рыбий бог! Что ты сотворил с моим кораблем?

Уинтроу тоже повернулся к Проказнице. Та как раз закинула голову, глядя на собравшуюся на баке толпу недоумевающих моряков. И кто-то в ужасе вскрикнул, увидев, как изменились ее глаза. Теперь они были не просто зелеными – они светились изумрудным огнем, они тускнели и разгорались, а зрачки были темней самого непроглядного мрака. А само лицо! В нем оставалось все меньше человеческого. Развеваемые ветром черные пряди шевелились

сами по себе, словно гнездо растревоженных змей. Вот она улыбнулась, но как-то странно, скорее, оскалилась; острые зубы были ослепительно-белыми. *Слишком* белыми...

– Если я не могу победить, – высказала она мысль, которая могла принадлежать только драконице, – то и других победителей не будет.

И она медленно отвернулась, раскрывая руки так, словно стараясь обнять всю ширь темного ночного моря. Потом, столь же медленно, руки поплыли за спину и стиснули корпус корабля.

«Уинтроу! Уинтроу, помоги! – достиг сознания юноши отчаянный мысленный вопль. Только так могла теперь Проказница с ним общаться; тело, изваянное из диводрева, и вместе с ним голос ей больше не принадлежали. – Умри вместе со мной!» – молила она.

И он едва не выполнил ее просьбу. Едва не шагнул вместе с нею за край, откуда не возвращаются. Но в последний миг что-то удержало его.

– Я хочу жить! – услышал он собственный крик, разорвавший черноту ночи. – Проказница! Давай жить! Давай останемся жить!

И на мгновение ему даже померещилось, что его слова чуть ослабили в ней стремление к смерти.

Крик сопровождала довольно странная тишина. Казалось, даже ночной ветерок затаил дыхание, вслушиваясь и ожидая исхода. Уинтроу услышал, как один из пиратов начал молиться, по-детски заикаясь и путая слова. Потом его ушей коснулся совсем другой звук. Этаким хруст, похожий на хруст ненадежного льда под ногами у незадачливого пешехода, отошедшего слишком далеко от берега.

– Ее больше нет, – тихо выдохнула Этта. – Ее нет... нашей Проказницы...

И она была права. Даже в скудном свете единственного фонаря была очевидна перемена, случившаяся с носовым изваянием. Его покинули все краски, все движение и дыхание жизни. Диводрево, составлявшее спину Проказницы и ее волосы, стало даже не серебристым, а серым, точно могильный камень. Серым и неподвижным. Замерли даже волосы, не поддаваясь опасливым прикосновениям ветерка. Кожа изваяния казалась шершавой, побитой непогодами, точно жерди старого забора. Уинтроу поспешно устремил к Проказнице свою мысль и сумел уловить лишь меркнувший след ее отчаяния. Так рассеивается в воздухе едва уловимый запах. А скоро не стало и его, словно кто-то захлопнул между ними тугую плотную дверь.

– Драконица? – пробормотал он еле слышно.

Но даже если она и была по-прежнему с ним, она спряталась слишком глубоко и надежно – недостижимо для его неразвитых чувств.

Уинтроу набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Его разум снова принадлежал только ему, и все мысли, витавшие там, были его собственными. Странное ощущение. Он успел напрочь забыть, как это бывает. Еще мгновение спустя он как бы заново прочувствовал свое тело. Ветер больно жалил заживающие ожоги. Коленки вдруг ослабли, и он неминуемо свалился бы на палубу, не подхвати его Этта. Ее рука была сильной и осторожной. Тем не менее прикосновение оказалось мучительным. Впрочем, Уинтроу был слишком слаб даже для того, чтобы как следует вздрогнуть.

Что до Этты, она смотрела мимо него – на своего капитана, и в ее глазах было глубочайшее сострадание. Уинтроу тоже посмотрел на Кеннита и понял, что еще ни разу не видел на человеческом лице подобного горя. Схватившись за поручни, пират, как только мог, вывесился наружу, вглядываясь в профиль Проказницы, в ее черты, искаженные последним страданием. На лице Кеннита обнаружились морщины, которых совершенно точно не было прежде, он был до такой степени бледен, что блестяще-черные волосы и усы казались искусственными. Видно было, что уход Проказницы покалечил Кеннита много больше, нежели утрата ноги. Да какое там покалечил – капитан просто состарился прямо на глазах.

Вот наконец он повернулся, чтобы посмотреть Уинтроу в глаза.

– Она умерла? – непослушными губами выговорил пират. – Разве может живой корабль умереть?

А глаза внятно молили: ну скажи, скажи мне, что это не так!

– Я не знаю, – неохотно, но честно признался Уинтроу. – Только то, что я не чувствую ее... Совсем не чувствую.

Он действительно ощущал внутри себя пустоту. Пустоту слишком жуткую, чтобы заглядывать туда, пытаться постичь. Пустоту гораздо худшую, чем та, что оставляет после себя выдранный зуб или, как у него, отрезанный палец. Это все мелкие пустяки. То, что он чувствовал теперь, было настоящей неполнотой. И вот об этом-то он когда-то мечтал? С ума сойти. Да, верно, тогда у него точно были не все дома...

Кеннит все-таки повернулся опять к носовому изваянию.

– Проказница? – окликнул он хрипло. И вдруг взревел во всю мощь голоса: – Проказница!!! – Это был зов покинутого любовника, полный ярости, отчаяния и одиночества. – Не смей вот так меня покидать! Не смей от меня уходить!

И снова притих ночной ветерок. Люди на палубе корабля не издавали ни звука, кажется, даже не дышали. Горе несокрушимого капитана потрясло команду не меньше, чем умирание живого корабля.

Молчание нарушила Этта.

– Пойдем, – сказала она Кенниту. – Все равно здесь мы уже ничем не поможем. А вам с Уинтроу надо бы спуститься вниз и обо всем переговорить. Кроме того, ему надо поесть и выпить. Ему рано еще пока с постели вставать. Будете думать вдвоем, может, и сообразите, что всем нам следует предпринять!

Уинтроу отчетливо понял, что именно было у молодой женщины на уме. Она видела, что настроение капитана вот-вот поколеблет мужество команды. И вообще, лучше бы увести его прочь с их глаз, пока он в таком состоянии.

– Правильно, – кое-как прокаркал Уинтроу. – Надо идти. Пожалуйста, пойдем...

Пересохшее горло слушалось плохо. Его трясло, хотелось скрыться подальше от неподвижной, жуткой фигуры. Смотреть на нее было, пожалуй, страшнее, чем на разлагающийся труп.

Кеннит взглянул на них, как бы недоумевая, кто это вообще такие. Все же он справился с собой, и глаза вновь стали непроницаемыми, как два светло-голубых камня.

– Хорошо, – отрывисто произнес он, обращаясь к Этте. – Уведи его вниз и позаботься о нем. – В его голосе не было ни следа каких-либо чувств. Он обвел взглядом команду. – Что глазеее? По местам!

Они, кажется, впервые замешкались, не кинувшись со всех ног исполнять его приказание. Некоторые смотрели на своего капитана с искренним сочувствием. Другие – попросту так, словно впервые увидели.

– Живо! – рявкнул Кеннит.

Собственно, не то чтобы рявкнул, он даже голоса не повысил, просто добавил властного металла, и пираты, словно очнувшись, ринулись по местам. Бак мигом опустел – остались только Кеннит, Этта и Уинтроу.

Этта не спешила вести Уинтроу прочь, явно ожидая Кеннита. Капитан двинулся вперед сперва неуклюже, но потом перехватил костыль, отцепился от поручней и решительно заковылял к трапу.

– Присмотри за ним, – шепнул Уинтроу на ухо Этте. – Я уж как-нибудь... Я справлюсь.

Этта лишь молча кивнула и передвинулась к Кенниту. Одноногий пират принял ее помощь без обычных возражений, что было похоже на него еще меньше, чем только что случившийся приступ горести. Уинтроу поглядел на то, с какой нежной заботой Этта помогала Кенниту одолеть коротенький трап, и затосковал круче прежнего.

– Проказница? – тихо позвал он в темноту.

Ему ответил лишь вздох ночного ветра, заставивший заново ощутить и боль в сожженной коже, и едва задрапированную простыней наготу. Он подумал о том, что прощание с Проказницей давалось ему болью не меньшей, только совсем другого порядка. И духовная нагота, которую нечем было прикрыть, не шла ни в какое сравнение с обнаженностью тела. А еще он вдруг подумал о том, как беспределен был раскинувшийся кругом океан, и о том, что океан этот был всего лишь частью еще более беспредельного мира. Голова закружилась: Уинтроу был исчезающе малой искоркой жизни на палубе крохотной деревянной скорлупки, колеблемой набегающими из мрака волнами. До сих пор он неизменно чувствовал рядом и как бы вокруг себя силу и огромность своего корабля. «Проказница» была ему и опорой, и защитой от всех зол этого мира. И вот не стало ее, и он чувствовал себя совсем маленьким, всеми брошенным и беззащитным – совсем как в тот далекий день, когда его впервые увезли из дому и отдали на попечение чужим людям в монастыре Са.

– Са... – прошептал он, не сомневаясь, что сумеет дотянуться душой к своему богу и обрести утешение. Ибо Са был всегда: много раньше, чем он впервые взошел на этот корабль и вступил с ним в духовную связь. Подумать только, когда-то Уинтроу был свято уверен, что его жизненное предназначение – стать божьим жрецом. Теперь же, произнося священные слова и мысленно возносясь к божественной благодати, он вполне отдавал себе отчет, что на самом деле молится о возвращении Проказницы. О том, чтобы между ними все стало как прежде. Уинтроу сделалось стыдно. Неужели корабль успел заменить ему его бога? Он что, вправду верил, что без нее жизнь впереди обернется сплошной неизбывной пустотой?

Он опустил на колени посреди плохо освещенной палубы, но не затем, чтобы помолиться. Его ладони зашарили по гладким доскам. Ага, вот они. Памятные отметины, где ее диводрево приняло его кровь: тогда-то и образовалась между ними нерасторжимая пуповина, духовная близость, подобной которой он не испытывал никогда и ни с кем. Но его правая покалеченная рука нашла знакомый отпечаток, ведомая лишь зрением: более тонкие чувства перестали срабатывать. Под ладонью больше не было никакой жизни. Лишь тонкое переплетение волокон серебристого диводрева. Ничего. Совсем ничего.

– Уинтроу?

Этта. Она вернулась за ним. Она стояла на ступеньках трапа, глядя на него, стоявшего на баке на четвереньках.

– Иду, – отозвался Уинтроу. И кое-как поднялся.

* * *

– Еще вина? – спросила Этта.

Юноша молча помотал головой. Юноша или все-таки мальчик? Закутанный в свежую простыню, сдернутую с Кеннитовой постели, он выглядел сущим ребенком. Эту простыню Этта схватила в руки и предложила ему, когда они вместе кое-как ввалились в каюту. Кожа у него еще продолжала слезать, она ни в коем случае не перенесла бы прикосновений обыкновенной одежды. Теперь Уинтроу в неудобной и неловкой позе сидел за столом напротив капитана, и Этта отчетливо видела, что любая поза была для него неудобна, любое движение – мучительно. Он впихнул в себя какое-то количество еды, но лучше выглядеть не стал. Заживающие ожоги, оставленные змеиным ядом, покрывала блестящая прозрачно-красная пленка новорожденной кожи. В коротко стриженных волосах багровели плешины, как на чесоточной бродячей собаке. Но хуже всего, по мнению Этты, были его безжизненные глаза. В них отражалась лишь горестная утрата, не меньшая, чем у Кеннита.

Пират сидел здесь же – по-прежнему всклокоченный, в рубашке, застегнутой не на те пуговицы. И это Кеннит, всегда так тщательно заботившийся о своей внешности! Велико же

было его потрясение, если он начисто обо всем позабыл. Этта едва могла заставить себя прямо взглянуть на любимого человека. За годы, прошедшие со времени их знакомства, он был сперва клиентом в «веселом доме», где она числилась шлюхой. Потом Кеннит стал человеком, которого она ждала. Когда же случилось так, что он увез ее из Делипая на своем корабле, это было счастье и радость, выше которой она ничего не могла себе вообразить. А та ночь, когда он сказал ей, что она ему небезразлична, и вовсе перевернула всю ее жизнь. У нее на глазах он из капитана одного-единственного судна стал владыкой целого пиратского флота. И даже больше – зря ли народ в открытую называл его королем Пиратских островов! Она думала, что навсегда потеряла его в тот штормовой день, когда он подчинил своей воле и бушующий океан, и даже морскую змею, ибо мыслимо ли было представить себя достойной подобного человека? Человека, избранного Са для великой миссии в этом мире? Теперь она со стыдом вспоминала о том, как горевала по поводу его вновь открывшегося величия. «Да, – думалось ей, – он воспарил. А я вздумала ревновать, вообразив, что новое величие похитит его у меня...»

Ее тогдашние переживания были очень нешуточными. Но могли ли они равняться с теперешними!

Теперь все было в тысячу раз хуже.

Ни битва, ни увечье, ни самый отчаянный шторм ни разу еще не лишали его мужества. Никогда прежде – до сего дня – она не видела Кеннита колеблющимся или растерянным. Даже и теперь он сидел за столом, держась очень прямо, расправив плечи, маленькими глотками потягивая свое бренди, и его рука, державшая бокал, не дрожала. И все же, все же... Что-то ушло из него, что-то самое главное. Ушло прямо у нее на глазах, умерло, улетело вместе с отлетевшей жизнью его корабля. Он казался таким же деревянным, как и замершая Проказница. Этта боялась лишний раз прикоснуться к нему: что, если его тело вправду стало косным и твердым, как палубные доски?

Кеннит слегка покашлялся, собираясь говорить, и Уинтроу сразу посмотрел на него.

– Итак. – Короткое слово было резким, как взмах бритвы, готовой навеки что-то отсечь. – Итак, ты полагаешь, что Проказница умерла. Но как это произошло? Что убило ее?

Настал черед Уинтроу прочищать горло. Покашливание вышло сродни всхлипу.

– Это я ее убил. То есть ее убило то, что мне открылось, пока я лежал без сознания. Я не смог этого от нее утаить. Или не убило, но загнало так глубоко внутрь, что теперь она не может найти дорогу назад. – Уинтроу сглотнул, и Этта поняла, что он с трудом сдерживал подступавшие слезы. – Быть может, она поняла, что была мертва всегда, с самого начала. Быть может, ее в жизни удерживала лишь моя вера в то, что она вправду живая.

Кеннит со стуком опустил бокал на стол и зло приказал своему пророку:

– Говори толком!

– Прости, кэп. Я правда пытаюсь. – Уинтроу поднес неверную руку к глазам и потер веки. – Вот только все прямо так связно и коротко не объяснишь. Мои воспоминания так перемешаны с видениями... со снами... Причем половина – о том, что я всегда так или иначе подозревал. А когда я соприкоснулся со змеей, мои смутные подозрения очень уж здорово подошли к тому, что знала она. И это знание передалось мне. – Уинтроу поднял глаза и аж побледнел при виде слепой ярости, полыхавшей во взгляде Кеннита. Он заговорил быстрее: – Когда на острове Иных я обнаружил змею, запертую за решеткой, я решил – вот, посадили в клетку зверюшку, надо бы выпустить. И не более. Мне стало жалко ее, она выглядела такой несчастной там, в тесном пруду. Если бы там была не змея, а какое угодно другое создание, я бы тоже попробовал выпустить его на свободу. Жестоко так обращаться с созданием Са. Я стал расшатывать решетку, и постепенно мне стало казаться, что змея-то гораздо смысленней кошки там или медведя. Она отлично понимала, чем я был занят! Когда я вытащил достаточно прутьев, чтобы ей выползти, она полезла наружу. Но там было узко, я поневоле коснулся ее кожи, и меня обожгло. Но получился не просто ожог, в этот миг я *постиг* ее! Мы как будто

мостик между собой навели... сделалась связь, почти такая, как у меня с кораблем. Я проник в ее мысли, а она – в мои.

Он тяжело перевел дух – разговор обходился ему недешево. Уинтроу наклонился вперед, глядя в лицо Кенниту с отчаянной надеждой заставить пирата поверить:

– Кеннит... морские змеи – на самом деле молодь драконов. Они каким-то образом застряли на этой стадии, не сумев достичь земель, где они закукливаются, линяют и преобразуются в настоящих драконов. Я не сразу сумел понять. Я видел картины, образы, я мыслил ее мыслями. Но то, о чем она думала, очень трудно изложить человеческими понятиями. Тем не менее, когда я очнулся на борту «Проказницы», я уже знал, что живой корабль – это дракон, не ставший драконом. В чем конкретно там дело, лучше не спрашивай. Между змеей и драконом есть еще какая-то стадия... это самое закукливание, когда змея ткет кругом себя твердый кокон и проводит в нем определенное время. Вот что такое наше диводрево: никакое это не дерево, а скорлупа, из которой вылупляется дракон. Жители Дождевых чащоб взяли эту скорлупу и сделали из нее корабль. Разобрали на доски, начали строить. А личинку, будущего дракона, – убили.

Кеннит потянулся за бутылкой бренди и так стиснул горлышко, словно бутылка была врагом, которого он желал задушить.

– Не городи мне бессмыслицу! Не может такого быть, и все тут!

Бутылка оторвалась от стола, и в какой-то безумный миг Этте показалось, будто он вот-вот вышибет парнишке мозги. По лицу Уинтроу было видно, что и он испугался того же. Испугался – но не дернулся, не отпрянул, не заслонился руками. Просто сидел, молча ожидая удара, как если бы тот должен был принести ему желанное избавление. Кеннит не ударил. Поднес бутылку и плеснул себе в бокал. Толика вина перелилась наружу, замарав белую скатерть. Пират даже не посмотрел на пятно. Схватил бокал и одним глотком опорожнил его.

«Слишком велика его ярость, – неожиданно подумала Этта. – Неспроста это. Что-то тут кроется еще. Что-то даже более глубокое и болезненное, чем утрата Проказницы».

Уинтроу испустил судорожный вздох. И продолжал:

– Я могу рассказать тебе только о том, что мне самому представляется истинным, господин мой. А не будь это правдой святой, думается, и Проказница не смогла бы уверовать до того крепко, чтобы немедленно умереть. Еще я думаю, что где-то в самой глубине себя она всегда это знала. Драконица с самого начала спала в ней. И наша встреча со змеей просто разбудила ее. Увидев, во что ее превратили, драконица страшно разгневалась. Пока я лежал без сознания, она все время осаждала меня, требуя, чтобы я помог ей причаститься жизни корабля. Я... – Юноша помедлил и, кажется, оставил что-то недоговоренным. – Сегодня именно она привела меня в чувство. И тут же буквально швырнула мое сознание прямо в Проказницу. Я пытался удержать в себе свое новое знание... ну, о том, что она никогда не была живой по-настоящему. Что она – всего лишь мертвая скорлупа давно позабытого дракона, которого моя семья как-то вынудила служить своим целям.

Кеннит резко втянул воздух ноздрями. Откинулся в кресле и воздел перед собой раскрытую ладонь, оборвав Уинтроу на полуслове.

– Так вот, – фыркнул он, – в чем заключается тайна живых кораблей? И ты хочешь, чтобы я поверил в подобную чушь? Да тебя не будет слушать ни один разумный моряк из тех, кто хоть однажды имел дело с живым кораблем. Спящий дракон! Корабль, сделанный... из чего ты сказал? Из шкуры дракона? У тебя совсем мозги набекрень, парень. Должно быть, спеклись от змеиного яда!

Он не желал верить Уинтроу. А вот Этта поверила сразу и полностью. Даром ли присутствие корабля трепало ей нервы с самого первого дня, когда она вступила на борт! А теперь вот все вставало на место. То же чутье, которое помогает отличить верный аккорд от фальшивого,

помогло ей понять: безумное вроде бы предположение Уинтроу полностью соответствовало ее ощущениям.

Он говорил чистую правду: внутри Проказницы всю дорогу крылась драконица.

Между прочим, как бы ни издевался Кеннит, Этта видела, что поверил и он. Ей ведь доводилось слышать, как он лжет. Ей в том числе. Другое дело, прежде он никогда не лгал себе самому и у него не очень-то хорошо получилось, когда он попробовал. Даже рука дрогнула, когда он заново наполнял свой бокал.

Кеннит поставил бокал на стол и коротко объявил:

– Ладно, как бы то ни было, мне для моих дел требуется живой корабль. Необходимо вернуть Проказницу к жизни!

Уинтроу тихо ответил:

– Наверяд ли это получится.

– Быстро же ты перестал верить в меня, – хмыкнул Кеннит. – Разве не ты всего несколько дней назад утверждал, что я – избраннык Са? А считанные недели назад ты не побоялся замолвить за меня слово перед народом и утверждал, что мое предназначение – стать их королем, если только они окажутся достойны меня. Ну и какова же цена твоей вере? Ломаный грош, если она без остатка испаряется при первом же затруднении! Короче, слушай внимательно, Уинтроу Вестрит. Я бродил по берегам острова Иных, и то, что они мне напроорочили, лишь подтвердило мою особую участь. Мое слово заставило утихомириться шторм. Я говорил с морской змеей, и она склонилась перед моей волей. Не далее как вчера я привел тебя назад от самых врат смерти... тебя, неблагодарный щенок! И после этого ты сидишь тут и еще суешь мне палки в колеса? Да как ты смеешь заявлять, будто я не сумею заново оживить свой корабль? Или, может быть, ты сознательно вознамерился помешать мне? Неужели тот, с кем я обращался как с сыном, именно теперь подставит мне ногу?

Этта, как раз отошедшая от стола, замерла там, где стояла, – вне круга света масляной лампы, – и лишь взгляд ее перебежал с одного лица на другое. Она явственно разглядела целую бурю чувств, всколыхнувшихся в душе Уинтроу, и сама себе удивилась. Кажется, она окончательно отвыкла остерегаться людей! – ибо знать другого так хорошо, как она знала Уинтроу, способен лишь тот, кто дает заглянуть в собственное сердце. А это – дело опасное. И что гораздо хуже, она вдруг ощутила его внутреннюю боль как свою. Уинтроу, как и она, разрывался между любовью к человеку, за которым они оба следовали так долго, и страхом перед тем могущественным существом, в которое он понемногу преображался. Этта даже затаила дыхание, жарко надеясь, что Уинтроу сумеет подыскать правильные слова. «Только не рассерди его, – мысленно взывала она. – Рассердишь – и он уже тебя не услышит».

Уинтроу тем временем набрал побольше воздуха в грудь. В глазах у него стояли слезы.

– По правде говоря, – начал он, – ты, господин мой, обращался со мной гораздо лучше моего собственного родителя. Когда ты впервые ступил на палубу «Проказницы», я ждал смерти от твоих рук. А вместо этого ты призвал меня – и призывал потом ежедневно – обрести свою жизнь и пить ее полной чашей. Кеннит, ты теперь для меня не просто капитан. Ты гораздо больше. И я безоговорочно верю, что ты – орудие Са, направляемое его всевышней волей. То есть, конечно, это к любому человеку относится, и не только к человеку. Но тебе он определенно предназначал далеко не рядовую судьбу. И все же, когда ты рассуждаешь о том, чтобы вернуть Проказницу к жизни... Нет, я не в тебе сомневаюсь, мой капитан. Скорее уж, в том, что она вообще была когда-либо живой... в том же смысле, как ты или я. Проказница – искусственная личность, слепленная из воспоминаний моих предков. Драконица – да, она когда-то действительно существовала, но это было давно. Я к тому, что если Проказница никогда не была воистину живой, а драконицу убили при постройке корабля, то где та жизнь, которую ты намерен призвать?

И вновь Этта увидела то, что ей совсем не полагалось видеть, – неуверенность на лице Кеннита. Выражение неуверенности возникло и сразу исчезло, явившись лишь на мгновение, столь краткое, что успел ли заметить Уинтроу?

Юноша, по крайней мере, ничего не сказал. Тем не менее заданный им вопрос висел в воздухе, не имея ответа. А потом... Этта не поверила своим глазам: очень медленно и осторожно рука Уинтроу поползла через столешницу к Кенниту. Так, словно он собирался сжать его руку своей в знак... чего? Сочувствия? «Ох, Уинтроу, остановись! Слишком страшную ошибку ты готов совершить...»

Но Кеннит словно не замечал его движения. Да и слова Уинтроу как будто совсем не смутили его. Он просто смотрел на парня. И Этта с пугающей ясностью поняла, что он принял какое-то решение. Вот он потянулся – неторопливо на сей раз – за бутылкой и плеснул себе еще. Дотянулся и взял пустой бокал Уинтроу, налил щедрую порцию и поставил бокал перед пареньком.

– Пей, – велел он без всяких церемоний. – Может, хоть это поможет расшевелить твою кровь. И хватит уже толковать мне о невозможности ее оживления! Расскажи лучше, каким образом ты мне с этим поможешь! – И он одним глотком опорожнил свой бокал. – Все-таки она была живой, Уинтроу. Если та сила, что одушевляла ее, могла быть отозвана, значит можно ее и вернуть!

Уинтроу нерешительно взялся за бокал. Подержал его в руке и вновь поставил на стол. Он сказал:

– Но что, если эта жизненная сила, будем так ее называть, покинула ее окончательно? Если она действительно умерла?

Кеннит рассмеялся, и у Этты от этого смеха кровь в жилах застыла. Ибо так смеются люди под пыткой, когда меру страдания уже невозможно выразить никаким криком и стоном.

– Все-таки ты сомневаешься во мне, Уинтроу, – проговорил Кеннит. – Это потому, что ты не знаешь того, что знаю я. Видишь ли, «Проказница» не первый живой корабль, с которым я имел дело. И мне отлично известно, что они вот так запросто не умирают. Это я точно тебе говорю. А теперь давай-ка пей, будь умницей. Этта! Куда ты опять подевалась? Что ты нам полупустую бутылку на стол выставила? Тащи полную, да побыстрей!

* * *

Как и следовало ожидать, мальчишка совершенно не умел пить. Кеннит с легкостью довел его до непотребного, вернее, как раз до потребного состояния. И препоручил его шлюхе: пусть это ее на некоторое время займет.

– Отведи парня в его каюту, – распорядился он.

И наблюдал с отеческой усмешкой, как она поднимает на ноги Уинтроу, успевшего устроиться под столом, как он плетется за ней, незряче ощупывая стены. Ну вот и хорошо. Теперь ему довольно долго никто не будет мешать.

Уверившись в этом, Кеннит подхватил костыль и встал из-за стола, а потом со всей осторожностью выбрался на палубу. Он, конечно, тоже был пьян, но не сильно. Так, самую чуточку.

Снаружи стояла замечательная ночь. Неярко светили звезды – легкая дымка высоко в небе приглушала их блеск. По морю катилась небольшая зыбь, но обводы «Проказницы» были великолепны: судно резало волны, лишь едва заметно покачиваясь. Ветер посвежел, стал ровнее. Он даже едва слышно посвистывал в парусах и снастях. Кеннит нахмурился, вслушиваясь в этот звук, но тот вскоре прекратился.

Капитан не торопясь обошел палубу. Старпом стоял у руля; он приветствовал Кеннита кивком головы, но ничего не сказал. Ну и к лучшему. Кеннит знал, что наверху, на снастях,

сидит еще один вахтенный, но неяркий свет палубных фонарей туда не дотягивался, и матроса не было видно. Кеннит шел вперед, и лишь негромкое постукивание костыля выдавало шаги.

Его корабль... Да, Проказница была ЕГО кораблем, и он собирался вернуть ее к жизни. И когда он сделает это, она наконец-то будет вправду ему принадлежать, причем в гораздо большей мере, чем когда-либо принадлежала Уинтроу. Его собственный живой корабль. Доставшийся ему воистину по заслугам. Проклятье, у него с самого начала должен был быть собственный живой корабль! И теперь ничто не отнимет у него Проказницу. Никто и ничто!

Он давно успел возненавидеть короткий трап, что вел с главной палубы на возвышенный бак. Он взобрался наверх, осилив трап, и даже проделал это не особенно неуклюже, а если ему и потребовалось чуток посидеть, то вовсе не затем, чтобы отдышаться, он просто хотел насладиться звездами и песенкой ветра.

Потом пришлось все же подняться, снова опереться на костыль и идти к носовым поручням. Кеннит посмотрел вперед, в сумрачное море. Дальние острова были темными холмиками у горизонта. Он взглянул на посеревшее носовое изваяние – и снова обратил лицо к морю.

– Доброй ночи, госпожа моя, прекрасная повелительница морей, – приветствовал он статую. – И правда добрая выдалась ночь: и ветер хороший, и хлопот никаких. Чего еще пожелать?

Он выждал немного, решив вести себя так, словно она ему отвечала. Потом продолжал:

– Да, все у нас действительно хорошо. И я чувствую то же облегчение, что и ты, оттого что Уинтроу пришел в себя и даже поднялся на ноги. Он вкусно поел, выпил вина и допьяна накачался бренди. Я, видишь ли, подумал, что добрый сон будет для мальчика целительным. И конечно, Этта безотлучно присматривает за ним. В общем, принцесса моя, никто нам не помешает немножко поболтать накоротке. Вот так. Ну и чем бы тебя нынче позабавить? Знаешь, мне тут вспомнилась милая старая сказка из южных краев. Не хочешь послушать?

Ответом ему был посвист ветра и плеск воды. В душе Кеннита ярость боролась с отчаянием, но он ничем не выдал себя, его голос не дрогнул.

– Что ж, сказку так сказку. Ее сложили очень давно, в те времена, когда еще не была заложена Джамелия. Кое-кто, правда, говорит, что на самом деле эта сказка родилась на Проклятых берегах, а южане ее всего лишь присвоили. Но не суть важно, правда ведь?

Кеннит прокашлялся, полуприкрыл глаза и стал рассказывать точно так, как ему самому когда-то рассказывала мать. Рассказывала прежде, чем Игрот Страхолюд вырезал ей язык, заставив замолчать навсегда. Все было оттуда – и слова, и интонация.

– Жила-была в те стародавние времена одна девушка. Была она очень умна, но, на беду, совсем небогата. Ее родители были уже немолоды, и после их кончины ей не приходилось рассчитывать на наследство. Она бы, наверное, вполне удовлетворилась и тем малым, что ей должно было достаться, но вот незадача: родители на старости лет слегка выжили из ума и надумали выдать дочку замуж. Они выбрали ей в женихи фермера, жившего по соседству, человека зажиточного, но, увы, круглого дурака. Бедная девушка сразу поняла, что не будет с ним не то что счастлива, а, того и гляди, от тоски в петлю ползет. И поскольку ничего другого не оставалось, Эдрилла – так ее звали – оставила свой дом и родителей и...

– Не Эдрилла, а Эрлида, чурбан, – сказала Проказница и медленно повернулась к нему. И такого рода было это движение, что у Кеннита мороз пробежал по спине. Изваяние повернулось так гибко, словно у него вовсе не было костей (или что там соответствовало им у статуи, изваянной из диводрева), во всяком случае, человекоподобие больше не утесняло ее. Ее волосы заново обрели цвет, сделавшись непроглядно-черными, и в черноте играли серебряные блики. Глаза горели золотом – именно горели при свете носового фонаря. Она улыбнулась Кенниту, и рот тоже раскрылся шире, чем положено человеку, и в нем блеснули зубы, ставшие мельче и острее прежних. Голос же стал гортанным, и в нем звучала ленивая хрипотца. – Коли решил нагнать на меня зевоту историей, которая тысячу лет назад была уже бородата, так хоть рассказывай правильно!

Кеннит не мог перевести дух: он разучился дышать. Он хотел было что-то сказать, но вовремя осекся. «Молчи. Пусть лучше она разглагольствует. Пусть раскроется хоть немного...»

Существо, бывшее некогда Проказницей, одарило его взглядом, словно полоснуло бритвой по горлу, но он запретил себе показывать страх. Он смотрел ей в глаза и не отводил взгляда. Это потребовало невероятных усилий, но он справился.

– Эрлида! – повторила она. – Ее звали Эрлида! И выдать ее хотели не за земледельца, а за гончара, жившего у реки. С утра до вечера он месил глину и ходил весь перемазанный, посуду же делал такую, что не пищу в ней варить, а только корм для свиней, а людям – разве на ночные горшки. – И статуя отвернулась, созерцая мрак впереди. – Вот так начинается эта история, и не спорь со мной! Я знала Эрлиду.

Кеннит тянул время, чувствуя, как растет между ними напряжение. Потом хрипло спросил:

– Как это может быть, что ты знала Эрлиду?

Изваяние презрительно хмыкнуло:

– А вот так. Мы не такие недоумки, как люди, не умеющие помнить ничего прежде своих нынешних рождений. При мне же память моей матери, и матери моей матери, и всех ее пра-матерей. Она хранилась в нитях кокона, спряденных из песка памяти и слюны тех, кто помогал мне заукливаться. Это было мое наследие: воспоминания сотни прожитых жизней лежали и ждали, чтобы я забрала их, когда мне придет время пробудиться драконицей. И вот чем все кончилось! Вот она я, овеществленная смерть, бесплодная мысль!

– Не понимаю, – тихо проговорил Кеннит, когда стало ясно, что продолжать она не намерена.

Она огрызнулась горько и зло:

– Это потому, болван, что у тебя труха вместо мозгов!

Однако тут коса нашла на камень. Некогда, годы назад, Кеннит дал себе клятву: никто никогда больше не будет разговаривать с ним в таком тоне. Никто – никогда! Он давно стер с рук кровь тех, кто последним сделал такую попытку, но клятва силы не потеряла. Никто. Никогда. В том числе и теперь... даже теперь. Кеннит выпрямился:

– Болван, говоришь? Можешь считать меня болваном. Можешь называть меня так. Но я, по крайней мере, настоящий. А ты – нет!

Он перехватил костыль и повернулся, чтобы уйти.

Она живо оглянулась, ее рот кривился в презрительной и ядовитой улыбке.

– Вот как? У крохотного насекомышья, оказывается, есть какое-никакое жало? Что ж, позволяю остаться. Поговори со мной, пират. Я, значит, по-твоему, ненастоящая? Ошибаешься, дружочек. Как распахну сейчас по корпусу все швы между досками – тогда и посмотрим, кто из нас настоящий!

Кеннит сплюнул за борт.

– Брехня, – сказал он. – Я что, должен восхититься? Или испугаться? Проказница была храбрее и сильнее тебя, что бы ты собой ни представляла. Тебя только и хватает на дешевые страшилки: а вот я вам возьму и все разрушу! Ладно, валяй, разрушай, утопи всех нас, да и покончим с этим делом. Помешать тебе я все равно не смогу, сама знаешь. Ну и валяйся на дне, если охота... Большое получишь удовольствие!

И он решительно повернулся к ней спиной. Он знал: теперь нужно уйти. Просто уйти прочь, не останавливаясь. Иначе она нипочем не станет его уважать.

Он почти добрался до трапа, когда корабль неожиданно болтануло. Неожиданно и очень сильно. Заорал дурным голосом вахтенный на снастях, забормотали спросонья матросы, спавшие внизу в гамаках. Старпом у штурвала что-то прокричал – недоуменно и зло. Кеннит не

удержался на костыле и растянулся во весь рост, больно ударившись локтями о палубу. Удар был такой, что из легких вышибло воздух.

Он еще не успел сообразить, что к чему, а корабль уже выправился. Все стало совершенно как прежде, лишь звучали из кубрика испуганные голоса. Изваяние же засмеялось – очень мелодично, дразняще. И одновременно возле самого уха Кеннита раздался знакомый тоненький голосок. Это говорил талисман, который он по-прежнему носил туго притянутым к запястью.

– Не уходи, дурак! Никогда не поворачивайся к дракону спиной! Если повернешься – она решит, что ты глуп настолько, что тебе и жить незачем.

Кеннит наконец вдохнул, и ушибленные ребра отозвались болью.

– С чего бы это я поверил тебе, – буркнул он вполголоса. И кое-как сел. – Ты сам, если верить ей, – кусочек дракона.

– Драконы бывают разные. Вот она, например, нипочем не согласилась бы провести вечность привязанной к паршивому мешку костей. Иди к ней! Разозли ее! Брось ей вызов!

– Заткнись, – прошипел Кеннит.

– Что, что ты там мне говоришь? – осведомилось изваяние обманчиво-приторным голосом.

Кеннит кое-как поднялся, пристроил на место костыль и прохромал обратно к носовым поручням.

– Я сказал, заткнись, – повторил он. И даже свесил голову за борт. Ему было страшно до тошноты, потому что здесь она могла с легкостью до него дотянуться, но он сумел переплавить животный страх в гнев. – Если у тебя кишка тонка стать Проказницей, лучше стань опять деревяшкой. Хоть чепуху не будешь молоть!

– Проказница? А, ты об этой маленькой бесхребетной невольнице. Об этом трепетном, уступчивом, лишенном всякой гордости создании человека! И правда лучше навеки умолкнуть, нежели уподобиться ей.

Кеннит немедля ухватился за сказанное:

– Так, значит, ты – не она? В ней не было ни самой малейшей частицы тебя?

Изваяние откинуло голову. Будь оно вправду змеей, Кеннит не усомнился бы – вот-вот бросится. Он, однако, не отступил. Не сдвинулся с места, не дрогнул. Нельзя показывать страх. Лучше думать, что она, может, и не дотянется. Вот она раскрыла рот, но так ничего и не сказала, лишь ярость полыхала в глазах.

– Но если она – не ты, – продолжал Кеннит, – значит у нее не меньше прав быть личностью корабля, чем у тебя. А если вы с ней все же одно... тогда, прости, получается, что ты только что обложила последними словами себя самое. Ну да ладно, мне, собственно, наплевать. Важно лишь то, что предложение, которое я сделал этому живому кораблю, остается в силе. Кто из вас примет его – разницы нет.

Итак, он выложил на стол все свои козыри. Других нет. Сейчас он либо проиграет, либо победит. Третьего не дано. Либо – либо, и никаких «серединок на половинку». Впрочем, у него всю жизнь было именно так.

Она с силой выдохнула. То ли зашипела, то ли вздохнула. И поинтересовалась:

– Что хоть за предложение-то?

Кеннит слегка улыбнулся одним уголком рта:

– Какое предложение, спрашиваешь? Не знаешь, стало быть. Поди ж ты... Я-то думал, что ты с самого начала таилась под личиной Проказницы. А выходит, ты в некотором роде только что пробудилась! – Это опять была насмешка, но уже вполне добродушная, и он пристально наблюдал за тем, как она к ней отнесется. Он боялся перегнуть палку и заново ее разозлить, но и показывать, что он жаждет скорее вступить в переговоры, никак не годилось. Вот ее глаза начали угрожающе суживаться, и Кеннит живо переменял тактику. – Я предлагаю тебе

пиратствовать вместе со мной. Будь моей морской королевой! Если ты и вправду драконица, покажи мне, что такое драконий нрав. Мы будем охотиться, где и когда захотим, и назовем своей вотчиной все эти острова!

Она держалась по-прежнему высокомерно, но зрачки предательски дрогнули, а глаза начали округляться. Она заинтересовалась. Спросила:

– А я-то что от этого буду иметь?

Вопрос заставил его улыбнуться.

– А чего бы тебе хотелось?

Она пристально взглядела в капитана. Кеннит стоял прямо, расправив плечи, смотрел ей в глаза и чуть улыбался. Она так обежала его взглядом, словно он был голой шлюхой в дешевом береговом бардаке. Оценивающий взгляд задержался на его деревянной ноге, но Кеннит и не подумал смутиться. Если она желала играть с ним в молчанки, то он намерен был победить.

– Хотеть-то я хочу, – сказала она, – но всякому желанию свое время. Когда придет время мне заполучить то, чего я хочу, тогда я и назову тебе свое желание.

Это прозвучало вызывающе.

– Вот как. – Кеннит погладил усы, словно она высказала нечто забавное, хотя на самом деле его словно ледяной водой окатили. – И ты что, правда веришь, будто я пойду на такие условия?

Настал ее черед рассмеяться. Гортанный звук больше напомнил ему протяжное рычание тигра на охоте. Смех изваяния весьма не понравился Кенниту. То, что она сказала, понравилось ему и того меньше.

– Еще как пойдешь. А что тебе остается? Веришь ты мне или нет, а только я и вправду могу по своему хотению разнести этот корабль и всех вас утопить. В любое мгновение! Так что удовлетворишься тем, что я соглашусь *некоторое время* пиратствовать вместе с тобой, ибо это может оказаться забавно. Руби дерево по себе и не откусывай больше, чем можешь прожевать!

Но Кеннит не собирался позволить ей так легко себя запугать. Он пожал плечами:

– Уничтожишь нас, придет конец и тебе. Вот уж забава-то будет – погрузиться на дно, в топкий ил, и застрять в нем навеки! Давай вместе пиратствовать – и ты увидишь, что моя команда способна дать тебе новые крылья, пусть и сшитые из парусины. Ты будешь летать с нами по широкому морю, ты будешь снова охотиться, драконица! Если в древних легендах есть хоть капля правды, для тебя это – не просто забава.

Она снова засмеялась, как охотящаяся тигрица, и повторила:

– Так ты принимаешь мои условия?

Кеннит расправил плечи:

– Я подумаю. До утра.

– Значит, принимаешь, – сообщила она ночной темноте.

Кеннит не снизошел до ответа. Взял костыль и осторожно пошел по палубе. По ЕЕ палубе. На трапе он был особенно осмотрителен. Он коротко кивнул двоим матросам, попавшимся навстречу. Слышали они или нет что-нибудь из разговора капитана с кораблем, осталось неизвестным; у обоих хватило ума ничем этого не показать.

Пересекая главную палубу, Кеннит наконец-то позволил разлиться в душе победному чувству восторга. ОН СДЕЛАЛ ЭТО. Он вернул свой корабль к жизни, и корабль будет, как прежде, служить ему. Ее условия? Да плевать. Что она такого может потребовать для себя? Ей больше не нужен самец, ей ни к чему пицца и даже сон. А все остальное он ей с легкостью обеспечит. Сделка состоялась. Очень хорошая сделка.

– Гораздо лучшая, чем ты способен представить, – прозвучал с запястья его собственный голос, только очень ослабленный. – Ты с ней заключил договор, способный обеспечить величие.

– В самом деле? – пробормотал Кеннит. Он не собирался показывать владевший им восторг никому, даже собственному талисману, назначенному привлекать Госпожу Удачу. – Сомневаюсь я, однако. Что-то не по делу ты развеселился – жди беды.

– Лучше поверь мне, – сказал талисман. – Разве мои подсказки тебя когда-нибудь подвели?

– Верить тебе – значит верить дракону, – негромко парировал Кеннит. Огляделся кругом, убеждаясь, что никто не подглядывает и не подслушивает, и поднес талисман к глазам. В мутном свете луны трудно было разобрать выражение крохотного личика, лишь красные точки светящихся глаз. Кеннит спросил его: – Так Уинтроу прав? И ты тоже – остаток мертворожденного дракона?

Талисман мгновение помолчал. Для Кеннита его молчание оказалось красноречивее всяких слов.

– А если и так, что с того? – сказал затем талисман. – Разве у меня не твое лицо? Спроси-ка себя вот о чем. Может быть, ты скрываешь дракона? Или это дракон скрывает тебя?

У Кеннита так и перевернулось сердце в груди. Надо же было такому случиться, чтобы именно в этот момент ветер простонал в снастях жалобно и протяжно. От этого звука у Кеннита зашевелились волосы.

– Чувь это все, – буркнул он, обращаясь к талисману.

Вновь опустил руку и крепче перехватил костыль. Его ждали каюта и отдых в постели, а на мерзкое хихиканье, донесшееся из рукава, незачем было обращать внимание.

* * *

...У нее совсем не было голоса. То есть, конечно, она пела и раньше – просто для себя, чтобы не свихнуться в заточении, в тесной пещере на острове Богомерзких. Пение получалось пронзительным и дребезжащим – не пение, а беспомощный вопль горя и муки, многократно отражавшийся от железных прутьев и каменных стен.

Но вот теперь она возвысила свой голос в тихой ночи и запела древнюю песнь Созывания, и голос зазвучал совсем по-иному.

– Придите! – разобрал бы любой, кому дано было не просто слушать, но слышать. – Придите все, ибо близок час Сбора. Приходите делиться воспоминаниями, приходите путешествовать вместе, путешествовать к месту Первоначалия. Придите!

Это была очень простая песнь, без особых словесных и мелодических изысков, и она должна была звучать радостью – потому что ее должен был тотчас подхватить стройный хор множества голосов. Одинокая, она звучала слабо и жалобно. Та, Кто Помнит, высунулась из Доброловища в Пустоплес и подняла голову к темному небу. От этого голос стал совсем бесильным и тонким. Она как следует вдохнула воздуха и запела снова – как можно громче, с вызовом. Она сама не знала, к кому относился ее одинокий призыв. В воде не чувствовалось свежего следа змей, лишь сводящий с ума аромат, оставленный кораблем. Тем самым кораблем, за которым она все еще следовала и который смутно навевал ей родственные чувства. Она силилась представить себе, как такое вообще может быть, и не могла. Но и маняще-знакомые запахи ядов, источаемые кораблем, отрицать было невозможно.

Новый вдох, новая попытка запеть...

– Придите! Соберемся все вместе, дабы поделиться силой со слабейшими! Вместе, вместе плывем мы вперед, туда, где Изначалие, туда, где что-то кончается лишь ради новых начал. Соберемся же вместе, жители моря, рожденные на берегу, и снова выйдем на берег! Несите с собой мечту о небе и крыльях, спешите разделить память прожитых жизней! Пришло наше время, наше время пришло!

Смолкли последние звуки, и ветер унес их прочь, рассеивая над морем. Та, Кто Помнит, напряженно ожидала ответа.

Ответа не было.

Она безутешно опустилась назад в Доброловище, и тут ей показалось, что яды, струившиеся за кораблем, усилились и изменили свой вкус.

«Хватит впустую обманываться, – попрекнула она себя. – Я, наверное, вправду повредила в уме. Я, наверное, вырвалась на свободу лишь затем, чтобы наблюдать угасание своего рода...»

Отчаяние висело камнем на шее, утягивая на дно. Та, Кто Помнит, в который раз сумела не поддаться ему. Она поплыла вперед – все быстрее и быстрее, следом за кораблем.

Куда-то он приведет ее?

Глава 8

Повелители трех стихий

Следующей охотничьей добычей Тинталы стал медведь. Косолапый попытался дать бой: все-таки он тоже был хищником. Он размахивал могучими когтистыми лапами, но куда ему было равняться с драконицей! Схватка завершилась, едва успев начаться, и Тинталья вспорола мохнатое брюхо, чтобы перво-наперво полакомиться горячей печенкой и сердцем. Короткий бой некоторым образом согрел и успокоил ее. Еще одно подтверждение тому, что она более не была беспомощным, молящим созданием, замурованном в гробу собственной плоти. Осталось только выкинуть из памяти этих безмозглых двуногих, которые, не ведая что творят, расправились с ее родственниками.

Правду сказать, это вовсе не они заключили ее в темницу. Тут никакой вины за ними не было. И ее нерожденную родню они истребили не по злобе, а по незнанию. Опять-таки по крайней мере двое из них готовы были всем пожертвовать ради ее, Тинталы, свободы.

Но как бы то ни было, она вовсе не собиралась мысленно взвешивать их жертвы и грехи и творить суд. Она просто ушла и удалилась от них – навсегда. Что верно, то верно, месть была бы сладка. Но тех, кто уже умер, никакого отмщение все равно не вернуло бы. И не помогло бы выжить ее соплеменникам, которые, возможно, где-то еще ждали ее.

А вот это был долг превыше всех прочих.

...Наевшись, Тинталья некоторое время спала. Медовое осеннее солнце приятно грело ее до самого вечера, когда она проснулась и почувствовала себя готовой продолжить путешествие. Ее тело хорошо отдохнуло, а разум успел выработать дальнейшую последовательность действий.

Если были еще живы другие драконы, она, скорее всего, разыщет их на прежних охотничьих угодьях своего племени. Вот туда-то ей и следует перво-наперво отправиться.

Тинталья отошла от разодранной медвежьей туши, к которой, влекомые густым запахом крови, уже слетались синие мухи. Она распахнула крылья и радостно ощутила, как играет в них сила, сообщенная сегодняшним пиршеством. По всем законам естества ей следовало бы вылупиться весной, чтобы все лето до зимы кормиться, греться на солнышке, матереть и мужать. Но случившегося не отменишь; значит, придется побольше охотиться, пока еще стоят теплые осенние дни и можно набраться сил к приходу зимы. Так она и намерена была поступить, ибо выживание было ее первейшей задачей. Но одно другому не помешает – она станет охотиться, в то же время путешествуя в поисках родни.

Тинталья снялась с залитого солнцем склона холма, где встретил свой конец не в меру храбрый медведь, и, размеренно работая крыльями, поднялась в небо.

На определенной высоте она встретила благоприятные воздушные потоки и стала парить, неторопливо кружа над просторами, раскинувшимися внизу. У Тинталы было великолепное зрение, и она без устали напрягала его, высматривая внизу какие-то знаки присутствия драконов. Вот реки с мелководьями и восхитительными полянами грязи по берегам; здесь полагалось бы обнаружить отметины лап и широким углублениям, оставленным валяющимися телами. Нет, нигде ничего. Тинталья проносилась мимо роскошных скальных уступов, так и манивших греться на солнце и любить приглянувшегося самца. Где же метки собственности, оставленные ударами когтей, где помет, свидетельство недавнего использования?

Нигде ничего...

Ее глаза, своей зоркостью намного превосходившие прославленные соколиные, так и не высмотрели вдалеке знакомых силуэтов, что парили бы, как и она, над речными протоками. Дальние небеса были прозрачными, безоблачно-голубыми... и пустыми до самого горизонта.

Обоняние Тинталы, самое меньшее, не уступало ее зрению. Но и оно не доносило ей не то что острого мускусного запаха самца – даже и выветрившихся меток кем-то занятой территории. Она была одна, совершенно одна во всей громадной долине.

Драконий род не зря величали Повелителями Трех Стихий. Они по праву владели небесами, морем и сушей. Никто не мог даже отдаленно равняться с ними как силой, так и умом. Возможно ли, что они исчезли все до единого? Нет. Непредставимо. Кто-то обязательно должен был выжить.

Кто-нибудь. Где-нибудь.

А если так, она их непременно найдет.

Она совершила еще один широкий, ленивый круг, на сей раз отыскивая там, внизу, очертания знакомых урочищ. И что же? За время, проведенное ею в коконе, местность успела разительно измениться. Река – и та значительно переменила русло. Разливы и землетрясения не единожды перекраивали здесь все, что только возможно. Наследная память Тинталы хранила историю вековых перемен. Но, похоже, за время ее заточения здесь случилось уже нечто из ряда вон выходящее. Вся местность, ни дать ни взять, значительно опустилась. Там, где когда-то несся к морю могучий и слитный поток Змеиной реки, ныне лениво струилась совсем другая река, заболоченная и разветвленная. И ее называли Дождевой рекой, а вовсе не Змеиной.

Человеческий город Трехог располагался подле ушедших в землю развалин Фрингонга – города Старших. Препрежнее человечество выбрало место для своего поселения, с тем чтобы быть как можно ближе к драконьим угольям закукливания, к широкому изгибу Змеиной реки, богатому просторными отмелями. Эти отмели сверкали и переливались серебряно-черным песком – камнем памяти. В прежние годы по осени туда из воды неуклюже выползали морские змеи, и взрослые драконы помогали им строить коконы из длинных нитей слюны, перемешанной с бесценным песком. Накануне зимы отмели были густо, как семенами, усыпаны новыми коконами, ожидавшими весны и солнца, чтобы раскрыться. Всю зиму драконы и Старшие люди бдительно стерегли спящий приплод, храня его от возможной беды. А потом приходило лето, и на коконы изливался животворный солнечный жар.

И вот теперь все это исчезло! Не стало ни берега, усыпанного песком, ни Старших, ни сторожевых братьев-драконов!

«Но побережье Фрингонга не было одним-разъединственным! – свирепо сказала себе Тинталы. – Существовали другие! Там, выше по течению!»

Надежда боролась в ее душе с самым черным сомнением. Драконница взмахнула крыльями и направилась в верховья реки. Пусть она более не узнавала раскинувшийся внизу ландшафт – Старшие ставили свои города возле отмелей, где закукливались морские змеи, и от этих городов хоть что-нибудь да должно было остаться. Уж где-то да сохранились мощные улицы и каменные улы домов. Она, Тинталы, будет без усталости исследовать места, где когда-то появлялись на свет ее соплеменники. Может, там еще живут отдаленные потомки бывших союзников ее рода.

И если на белом свете действительно не осталось драконов, она, по крайней мере, разыщет кого-то, способного поведать ей о постигшей их участи.

А что еще остается?

* * *

Солнце было желтым оком, безжалостно взиравшим с безоблачных небес. Казалось бы, яркий свет обещал тепло, но постоянный туман, клубившийся над рекой, дышал сырým холодом. Малте уже чудилось, что всю ее кожу охватило жестокое воспаление; рваные остатки одежды подозрительно распадались, и это наводило на очень нехорошие мысли. Похоже, речной туман немногим уступал по едкости ядовитой воде за бортом. Ко всему прочему, девушку

сплошь искусаи насекомые, все тело отчаянно зудело, но и чесаться было нельзя: от малейшего прикосновения ногтей начинала идти кровь. Не говоря уже о том, как свербели глаза от ярких бликов с воды. Несколько раз она ощупывала свое лицо – только затем, чтобы лишний раз убедиться: опухшие глаза превратились в щелки, зато шрам на лбу выделялся этаким гребнем. Наверное, это уже нарастало «дикое мясо».

Ко всему прочему, в маленькой лодке невозможно было устроиться сколько-нибудь удобно, ибо голые деревянные банки отнюдь не предназначались для лежания. После многих усилий Малте удалось лишь найти кое-какую опору для усталой спины – и прикрыть лицо, спасаясь от света.

Хуже всего, однако, была жажда. Она мало-помалу превращалась в настоящую пытку. Помирать от отсутствия воды, сидя в лодке посреди смертельно ядовитой реки, – как вам это понравится? В какой-то момент Малта увидела, как Кикки зачерпывает горстью воду из-за борта и подносит ко рту. Она вскочила и с криком накинулась на Подругу, сумев удержать ее от нечаянного самоубийства. Но только в тот, первый раз. Малта и сама смертельно устала (да что там – гораздо больше, чем двое никчемных вельмож!), ей требовалось отдохнуть, она не могла все время неотрывно следить за высокопоставленной дурой. Теперь та сидела в полном молчании, а губы у нее были ярко-красные и воспаленные. Судя по всему, Кикки все-таки не вытерпела и хлебнула водички из-за борта. Да не однажды. Ну и что с ней прикажете делать?

Малта полулежала в лодке, все так же увлекаемой вниз по течению, и спрашивала себя, какое ей, собственно, дело до этой Кикки. Ответа не было. Ну, пьет она тайком воду, которая ее рано или поздно убьет... чего ради сердиться? Время от времени Малта поглядывала на Подругу из-под руки. На той было платье из роскошного зеленого шелка, при виде которого Малта совсем недавно померла бы от зависти. Теперь это платье превратилось в лохмотья едва ли не хуже, чем у самой Малты. А что сделалось с прической Кикки, некогда являвшей чуда парикмахерского искусства! Сплошной колтун надо лбом и вниз по спине. Подруга сатрапа сидела зажмурившись, лишь распухшие губы приоткрывались в такт дыханию. Малта посмотрела и подумала: а может, та действительно уже умирает? Много ли надо выпить этой воды, чтобы пришла смерть? И не все ли равно, пить, не пить, – ведь так или иначе и ей, Малте, неминуемо придется погибнуть? А в таком случае стоит ли тянуть? Напиться, избавиться от изнуряющей жажды да и подарить себе скорый конец?

– Может, дождь пойдет, – с надеждой проговорил сатрап.

Голос был скрипучим и хриплым.

Малта сперва молча скривилась, потом решила-таки ответить.

– Дождь, вообще-то, из облаков обычно идет, – сказала она. – А облаков нигде нет.

Касго промолчал, но Малта явственно ощутила его раздражение, распространявшееся, как жар кругом нагретой печи. Ну и пусть злится. Все равно ей больше не хотелось ни поворачиваться к нему, ни давать словесный отпор. И что ее вообще дернуло отвечать?

Она попыталась мысленно возвратиться к событиям вчерашнего дня. Ей вспомнилось, как она ощутила некое соприкосновение на самом пределе своих органов чувств, нечто вполне осязаемое и в то же время нематериальное... как нить паутины, задевшая лицо в темноте. Помнится, она принялась оглядываться кругом, но ничего не обнаружила. Тогда она подняла глаза к небу – и увидела дракона. Никакого сомнения, это был самый настоящий дракон. Великолепный синий дракон, и солнце горело серебром на его крыльях. Малта принялась звать дракона на помощь. Ее крики разбудили сатрапа и Подругу, клевавших носами. Они спросили ее, что стряслось, и она указала на небо. Они не поверили ей. Сказали, что там нет ничего необычного. Ну, разве черный дрозд в отдалении пролетел – и не более. Сатрап еще посмеялся над ней, заявив, что в сказки о драконах верят лишь невежественные крестьяне да малые дети.

От таких слов Малта пришла в тихую ярость – и больше не обменялась с сатрапом ни словом. Даже когда настала ночь и самый могущественный человек в мире принялся без умолку

жаловаться на темноту, холод и сырость. Да не просто жаловаться. У него обнаружился редкостный дар во всех бедах и неудобствах винить лично ее или, по крайней мере, Удачный... ну там, на худой конец, – жителей Дождевых чащоб. Очень скоро Малте хуже горькой редьки надоело его ныть. Оно было даже хуже, чем жужжание мириад крохотных комаров, которые с наступлением сумерек вылетели на охоту и с остервенением накинудись на трех новых жертв.

Когда наконец занялся рассвет, Малта честно попыталась убедить себя, что новый день означал новую надежду. Если бы так! Единственная досочка, более-менее подходившая в качестве весла, не продержалась и до полудня, а все усилия Малты выбраться из стремнины лишь до предела измотали ее, не принеся никакого успеха. В конце концов досочка развалилась у нее прямо в руках, изъеденная водой. Теперь им оставалось лишь беспомощно сидеть и смотреть на реку, уносящую их все дальше от Трехога.

А сатрап продолжал вести себя точно избалованный и капризный младенец, которому скучно, неуютно и муторно. Для такого дитяти лучший выход из положения – затеять с кем-нибудь ссору.

Он вдруг спросил:

– Так почему до сих пор никто не пришел нам на помощь?

Малта покосилась через плечо и сухо поинтересовалась:

– А с какой стати кому-то нас тут искать?

– Но ты же кричала им, когда нас пронесило мимо Трехога. И мы тоже кричали!

– Одно дело – кричать. Быть услышанным – совсем другое.

Тут подала голос Кикки:

– Что же теперь с нами будет?

Она говорила очень тихо и до того невнятно, что Малта едва разобрала сказанное. Подруга между тем открыла глаза и смотрела на Малту. Глаза у нее были так налиты кровью, что Малта слегка испугалась, подумав, не так ли выглядят и ее собственные.

– Честно говоря, даже не знаю. – Малта облизнула губы, но язык был таким же сухим, как и все во рту. – Если нам сильно повезет, нас все-таки вынесет в заводь или на мелководье. А если везение совсем разгуляется, мы можем встретить живой корабль, идущий вверх по реке. Но это, впрочем, сомнительно. Я слышала, все они сейчас заняты тем, что отгоняют от Удачного калсидийцев. Надо продержаться до тех пор, пока течение не вынесет нас в море. Там мы можем встретить какой-нибудь проходящий корабль, и он нас подберет. Если, конечно, наша лодка до тех пор не развалится.

«И сами ежели не помрем», – добавила она про себя.

– Мы, скорее всего, погибнем, – торжественно изрек Касго. – Ах, что за трагедия – мне, властителю, умереть столь молодым! И ведь моя смерть повлечет за собой еще множество, ибо кто после моей кончины сможет поддержать мир между моими вельможами? Некому будет воссесть на Жемчужный Трон после меня, ведь я умру в самом цвете юности, не оставив наследников. Вся Джамелия будет горько скорбеть, а Калсида утратит всякий страх и открыто бросит вызов моей державе. Пираты станут жечь и грабить мирные поселения, и некому будет укротить их свирепость. Моя бескрайняя и ныне процветающая империя обратится в прах. И все это – по вине ничтожной девчонки, дремучей деревенщины, не сумевшей узреть предоставленную ей возможность постичь совершенство.

Малта выпрямилась до того резко, что лодочка опасно качнулась, а Кикки испуганно вскрикнула. Малта оставила без внимания ее ахи и охи и наконец-то повернулась к сатрапу.

Касго сидел на корме, подтянув колени к самому подбородку и обхватив их руками, и более всего напоминал десятилетнего мальчишку, надувшегося на весь белый свет. У него была бледная кожа, изнеженная давней привычкой избегать солнца и свежего воздуха, и близость едкой воды сильно отражалась на ее состоянии. Помнится, на балу в Удачном его бледность

и тонкие черты казались Малте до невозможности романтичными. Теперь она видела перед собой испитого и болезненного юнца.

И ей до смерти хотелось выкинуть его прямиком за борт.

– Без меня ты уже давным-давно умер бы! – мрачно заявила она. – Забыл, как вы с Кикки оказались заперты в комнате, которую заливала жидкая грязь? А? Забыл уже?

Сатрап не остался в долгу.

– А как, спрашивается, я в ту комнату угодил? Твои сограждане постарались. Они напали на меня и похитили, чтобы запихнуть в подземелье. Насколько мне известно, они уже отправили письма, требуя выкупа. – Касго задохнулся, закашлялся, но все-таки продолжал: – И что меня вообще понесло в вашу клопиную дыру, по ошибке именуемую городом? Что, спрашивается, я увидел там по приезде? Богатое и удивительное место, о котором Серилла все уши мне прожужжала? Ха-ха! Хорошенькая роскошь – крохотная грязная гавань, кучка жадных купчишек, не говоря уже о некоторых купеческих дочках с их неумеренными притязаниями и полным отсутствием хороших манер. Да ты на себя посмотри! Верно, был у тебя краткий миг красоты. Всякая женщина бывает красива едва ли не единственный месяц в своей жизни, а тебе и того не досталось. Видела бы ты себя сейчас – с высохшей кожей, в лохмотьях да еще и с этой отвратительной блямбой на лбу. Твой миг красоты мелькнул и пропал, и ты не сумела должным образом использовать подвернувшийся шанс позабавить меня. Не исключено, что я сжалился бы над тобой и увез тебя ко двору, чтобы ты хоть одним глазком посмотрела, что такое по-настоящему красивая жизнь. Но на это у тебя не хватило ума! Ты мне отказала, и в результате я вынужден был задержаться на вашем никчемном деревенском балу, чтобы в результате пасть жертвой заговорщиков и грабителей. И вот теперь я погибну, и вместе со мной обратится в прах все нынешнее величие Джамелии! А все из-за твоего неумеренного самомнения, девка! – Касго снова закашлялся и провел языком по губам в безуспешной попытке смочить их слюной. – Мы все погибнем здесь, на реке.

Он шмыгнул носом. Из угла глаза выкатилась капелька влаги и стекла вдоль носа. Он плакал.

Малта смотрела на него, испытывая поистине жгучую ненависть. Еще никогда в жизни ее не снедало такое мощное чувство.

– Надеюсь, ты сдохнешь раньше меня, – ответила она наконец, и голос был каркающим и хриплым. – Успею полюбоваться.

– Изменница! – Касго наставил на нее трясущийся палец. – Лишь подлая изменница способна так со мной говорить! Я – сатрап всея Джамелии! Я приговариваю тебя к казни! С тебя сдерут заживо кожу, а потом сожгут на костре! Клянусь: если мы останемся живы, я непременно прослежу, чтобы этот приговор был исполнен! – И он обратился к Кикки: – Будь свидетельницей, Подруга! Если я умру, а ты выживешь, ты должна всем передать мою последнюю волю. Пусть эта сучка понесет должное наказание!

Малта испепелила его взглядом, но не стала ничего говорить. Просто потому, что рот и гортань намертво пересохли. Ей очень не хотелось оставлять за ним последнее слово, но выбора не было.

Она села и повернулась к сатрапу спиной.

* * *

Тинталья продолжала охотиться. Сегодня она разговелась молодым кабаном, не нажившим ума. Увидев и ощутив запах хряка, подбиравшего желуди у края дубовой рощи, драконица испытала сводящий с ума приступ голода и ринулась вниз. Глупый вепрь с праздным любопытством наблюдал за ее стремительным приближением и лишь в последний момент сообразил пустить в ход клыки. Он успел сделать такое движение, как будто пытался ее отпугнуть. Его

свежая туша оказалась Тинталье, что называется, на один зуб. Пир завершился до обидного скоро; кабан исчез без следа, оставив памятью о себе лишь толику крови на палой листве и камнях. А Тинталья взмахнула крыльями и снова полетела вперед.

Собственный голод и жажда к еде почти пугали ее. Весь остаток дня она держалась на малой высоте, высматривая добычу, и закусывала еще дважды: оленем и опять кабаном. Съеденное не приносило настоящей сытости, лишь на время приглушало постоянное чувство голода. Очень скоро в опустевшем животе снова начинало урчать, и Тинталья волей-неволей отвлекалась от поставленной цели. Настал даже такой момент, когда она вскинула голову, обозревая линию горизонта, и вдруг осознала, что давно уже не следит за намеченным направлением полета. Оказывается, она путешествовала именно куда глаза глядят, а глядели ее глаза в основном на возможную добычу, и поиск съестного успел завести ее достаточно далеко от реки.

Усилием воли Тинталья заставила себя отвлечься от высматривания пищи и стала быстро подниматься все выше, зорко оглядывая заболоченную долину. Реку, плотно занавешенную древесными кронами, удалось обнаружить не сразу.

Деревья здесь росли прямо в воде, обширные мелководья оставались недоступными солнцу. Не слишком обнадеживающие места! Тинталья вновь устремилась вверх по течению, подгоняя сама себя, словно в наказание за прежнюю беспечность, и всемерно высматривая на местности хоть какую-нибудь памятную примету или признаки близкого поселения Старших.

Спустя некоторое время река проглянула снова, лес несколько отступил. Начинались предгорья, а вдоль реки – густые пойменные луга. Здесь было меньше болот, земля выглядела надежной. Тинталья вновь осмотрелась – и сердце у нее стукнуло невпопад. Она вспомнила эти места. И сообразила, куда завели ее поиски.

На горизонте, за широкой излучиной, возвышалась сторожевая башня Кельсингры. Она блестела в лучах солнца, клонившегося к закату, и Тинталье захотелось запеть от восторга. Башня уцелела, и уже можно было рассмотреть рядом с ней знакомые силуэты других зданий.

Но в следующий миг восторг драконицы испарился. Ветер был как раз с той стороны. И ему полагалось бы пахнуть дымом очагов, горячим железом кузниц и хлебом, только что вынутым из печей. Но сколько она ни принюхивалась, знакомых запахов не было.

Тинталья что было сил понеслась к городу. И чем ближе она подлетала, тем очевиднее становилось, что город мертв. Вот драконица оказалась над большаком, проложенным в незапамятные времена. По нему всегда во множестве сновали люди и повозки, а теперь было пусто. Мало того – в одном месте дорогу начисто снесло оползнем, и никто ее не чинил. Большак был вымощен тем же камнем памяти; камень хранил темные воспоминания о том, что некогда ему велели быть дорогой. А еще – обрывки воспоминаний купцов, воинов и бродячих торговцев, некогда путешествовавших этими местами. Смутные шепоты достигали сознания Тинтальи. Дорога так и не заросла ни мхом, ни травой и тянулась – ровная, черная, прямая как луч – к городу. Она еще осознавала себя дорогой. Больше никто в целом мире о ее существовании даже не подозревал.

Тинталья долго кружилась над мертвым городом, оглядывая картину случившихся некогда разрушений. Люди Старшей расы строили Кельсингру на протяжении многих веков. Строили весело и радостно, полагая, что до скончания века будут гулять по ее прекрасным улицам и селиться в уютных домах. Скончание века наступило гораздо раньше, чем они ожидали, и нынешнее запустение выглядело жестокой насмешкой над глупыми заблуждениями смертных. Чудовищный подземный удар попросту расколол город надвое. Теперь там зияла глубокая пропасть, и по дну ее проложила себе русло река. Тинталья заглянула вниз и увидела обломки зданий, рухнувших в разлом. Драконица зажмурилась и тряхнула головой, отрешаясь от прежнего образа Кельсингры, о котором нашептывал камень. Она-то хорошо знала, как строили Старшие. Они обрабатывали камень памяти, привозили его сюда и возводили стены и башни, заставляя помнить свой зодческий замысел.

Вот и стоял город, храня молчаливую верность ушедшим.

Память поколений побудила Тинталью вернуться в город так, как всегда возвращались драконы, и это едва не стоило ей головы. Ее предки всегда опускались на реку – к вящей радости жителей. Подлетевший дракон стрелой падал в прохладную воду, поднимая волну и немислимые каскады брызг. Раскачивались корабли у причалов, кричала в восторге собравшаяся толпа, а дракон выныривал и, довольный, выбирался из воды на галечный пляж.

К несчастью, река значительно обмелела. С разгону нырнув, Тинталья, рассчитывавшая на дружеские объятия воды, прямиком ударилась в дно. Оказывается, глубина здесь была ей едва по плечо, и она лишь по чистому везению не переломала себе лапы. Спасла лишь пружинистая мощь мышц. Тинталья отделалась двумя сломанными когтями на левой передней лапе и больно ушибла крылья, которые пришлось распахнуть в последний момент. Она выбралась из воды разочарованная и злая. И встретили ее не приветственные крики Старших, а унылый посвист ветра в безлюдных развалинах зданий.

Скоро ей начало казаться, что она бредет сквозь нескончаемый дурной сон. Камню памяти не было особого дела до суетной живой жизни, пытавшейся закрепиться на его серебряно-черной поверхности. Доколе он помнил замысел скульптора или строителя, ему нипочем были самые цепкие корешки и побеги. Да и зверей, что могли бы устроить себе в заброшенных покоях гнезда и логова, гнали прочь воспоминания о мужчинах и женщинах, некогда здесь обитавших. Спустя много столетий после разрушительной катастрофы едва-едва начали появляться первые робкие признаки грядущего возвращения Кельсингры в лоно естественной природы. Кое-где в тонких трещинах между камнями мостовой и в укромных уголках лестниц стали возникать пятнышки мха, а в оконных проемах можно было заметить несколько вороньих гнезд – эти птицы никогда особо не признавали за человеком главенства. В узорных чашах уличных фонтанов стояла дождевая вода, и местами ее подкрашивала зелень водорослей.

Перед глазами Тинтальи представляли некогда величественные, а теперь – провалившиеся внутрь себя купола. И целые передние стены домов, снесенные древним землетрясением, так что на улицах внизу громоздились горы битого камня, а внутренние помещения без помех заливало послеполуденное осеннее солнце.

Минуют еще века – много ли, мало ли, – и от Кельсингры не останется даже фундаментов. И вот тогда-то ни единая живая душа не вспомнит о том, что когда-то люди и драконы жили в этом мире бок о бок, в согласии и покое.

Эта мысль уколола Тинталью в самое сердце. Она удивилась и задумалась над собственным чувством. Нынешнее человечество значило для нее очень немного. «Но было время, – нашептывала наследная память, – когда сущность драконов смешалась с природой людей, и от этого нечаянного союза пошла Старшая раса. Люди той расы были рослыми и стройными, с золотой кожей и глазами как у драконов. Они были драконам не просто соседями, но почти кровной родней, что и преумножало их славу и мощь...»

Тинталья медленно брела нарочито широкими улицами. Люди Старшей крови замечали их с мыслью об удобстве драконов. Приблизившись к зданию городского правления, она поднялась по просторным ступеням – их тоже устраивали специально для ее соплеменников, желавших присутствовать на советах и собраниях Старших. Внешние стены здания еще мерцали чернотой камня памяти, перемежаемой белоснежными статуями и рельефами. Каризндра Многоплодная по-прежнему без усталости распахивала поля, шагая следом за могучими быками, впряженными в плуг, а дракон Сессикарья распахивал великолепные крылья, безмолвно трубя.

Тинталья шагнула между двумя каменными львами, бесстрастно сторожившими вход. Одна створка громадных дверей была уже обрушена, вторая еще держалась. Драконица несильно задела ее хвостом, и истлевшее дерево рассыпалось, подняв тучу пыли. Дереву была не присуща почти вечная память черного камня.

Что касается внутреннего убранства – полированные дубовые столы давно обратились в прах, и на неровных кучках этого праха вкривь и вкось лежали каменные столешницы. Свет едва проникал в зал из-за пыли, густо покрывшей окна. Прекрасные занавеси по стенам частью просто исчезли, частью превратились в бесцветную кисею, едва отличимую от паутины. В этом зале было по-настоящему тесно от застоявшихся воспоминаний, и они властно стучались в сознание Тинталы, но драконица упрямо ограничивала свое восприятие лишь настоящим. Вот этим пыльным молчанием, вот этим жалобным постаныванием ветра в разбитом окне... Возможно, где-то в недрах здания еще сохранялись сделанные некогда письменные анналы. Возможно, она могла разыскать их и прочесть нацарапанное на крошащемся от древности пергаменте. Но зачем? Какой в этом смысл?

Здесь, в этом городе, она все равно не найдет того, что хотела бы отыскать.

Она еще постояла посреди зала, оглядываясь по сторонам. А потом вскинулась на задних лапах, задрала голову и яростно заревела, разгоняя столпившихся призраков, так жестоко обманувших ее ожидания. Голос Тинталы всколыхнул застывший в вековой неподвижности воздух, мечущийся хвост разметал обломки столов и скамей. Куски мрамора со стуком разбивались о стены. Длинная шпалера сползла со стены. По пути ткань разваливалась на нити, а нити обращались в пыль, и дыхание драконицы завивало эту пыль маленькими смерчами.

Тинталья раскачивалась в полутьме, мотая головой на длинной гибкой шее, и редела, редела... Потом приступ горя и гнева миновал, и она опустила передние лапы на холодный каменный пол, слушая, как затихает в развалинах последнее эхо ее горестного плача.

«Затихает и умирает, – подумалось ей. – Вот так и они затихли и умерли. Все, все. Все мое племя. Осталась только я – последнее бессмысленное эхо, и никто, кроме этих стен, больше не услышит меня...»

Она выбралась из зала и вновь поплелась куда-то улицами мертвого города. День постепенно угасал. Как она летела сюда, как гнала себя, развивая предельную скорость! И все лишь ради того, чтобы обнаружить здесь запустение и смерть. Да еще несокрушимую память древнего камня, не допускавшую сюда новую жизнь. Разве только жалкие потеки мха в швах между глыбами...

«Вот она, человеческая природа, – с негодованием сказала себе Тинталья. – Сами больше не могут всем этим пользоваться, так и другим не дают».

Подумав так, она невольно удивилась собственному горькому озлоблению. Получается, она уже не видела разницы между Старшими – и нынешним человечеством, по вине которого она столько лет томилась в неволе.

В это время ей попался на глаза обрамленный камнем колодец и при нем – разрушенный ворот. Некое приятное предвкушение зашевелилось в душе. Что такое? Ах да. Память предков в который раз пришла ей на выручку. Много-много лет назад здесь можно было испить... Нет, не воду, но жидкое серебро волшебства из прожилок камня памяти. Даже для драконов это был сладостно-пьянящий напиток. Тот, кто пробовал его неразбавленным, обретал единение со Вселенной.

И такого свойства было то давнее переживание, что Тинталья невольно потянулась к краю колодца и жадно принялась, а потом заглянула в самую глубину. Ей показалось, будто там, очень далеко, по-прежнему струился серебряный блеск. Однако полной уверенности не было. Она даже вспомнила байку о том, что из глубокого колодца и дном можно увидеть звезды; если это в самом деле так, значит можно увидеть и отражение?

Ах, да что толку гадать! Что бы там ни было, она все равно не могла дотянуться ни губами, ни лапой. Никогда больше ей здесь не напиться. Ни ей, ни какому-либо иному дракону. Останется лишь сладостное воспоминание – и попытка невозможностью его повторить.

Вот оно, одиночество. Абсолютное. И непоправимое.

Тинталья расколотила проржавевшие остатки ворота и в сердцах сбросила их в колодец. И долго слушала, как они падали вниз, ударяясь и громяхая о стены.

* * *

Весь остаток дня Малта почти не открывала глаз. А когда наконец подняла веки, дневной свет уже покидал небеса. Уходили режущие солнечные лучи и нестерпимые блики, зато надвигался сырой холод ночи, и что было хуже – трудно сказать. Вот появился первый комар и в восторге зазвенел возле ее левого уха. Малта хотела было пришибить кровососа, но мышцы не желали повиноваться. Тело казалось чужим и каким-то заржавевшим. Все же Малта выпрямилась, постанывая от боли.

Кикки показалась ей бесформенной кучей тряпья, небрежно брошенной на носовую банку и дно.

По виду – мертвее не бывает.

От этой мысли девушку охватил ледяной ужас. Еще не хватало – застрять в утлой лодочке вместе с трупом Подруги! Что угодно, только не это! Страх, однако, был весьма глупым, и в следующее мгновение она поняла это. Поняла – и даже улыбнулась, и улыбка наверняка получилась жуткая. Если Кикки действительно умерла, что они, интересно, будут с ней делать? Опустят за борт, в разъедающую воду? Малта с трудом могла себе это представить. Уж не в большей степени, чем просто сидеть и созерцать мертвую, а потом и самой помереть.

Язык слушался еще хуже прежнего, но Малта кое-как проскрипела:

– Кикки?

К ее немалому облегчению, Кикки пошевелилась. Это было очень слабенькое движение, всего лишь судорога пальцев на влажных досках. Но, по крайней мере, оно свидетельствовало о жизни. Другое дело, что Кикки наверняка было страшно неудобно лежать так, наполовину свалившись с носовой банки. Больше всего Малте хотелось отвернуться и предоставить Кикки ее собственной участи. Но некоторым образом она не могла так поступить. Она сползла со своей банки, оказавшись на четвереньках, и от этого простого движения у нее свело судорогой половину мышц. Она попыталась приподнять Кикки, но сил совсем не было. Волей-неволей Малта ограничилась тем, что плотнее закутала Подругу в обрывки зеленого шелка от холода и комаров. Потом погладила по щеке.

– Помоги... мне... выжить... – различила она слабый шепот Кикки. Подруга, по-видимому, даже глаз не могла больше открыть.

– Попробую, – отозвалась Малта.

У нее самой получилось едва ли громче, но Кикки явно расслышала. А может, почувствовала.

– Помоги мне... выжить... – повторила она. Каждое слово давалось ей усилием, от которого трескались губы. Она со стоном вобрала в себя воздух. – Пожалуйста... помоги мне сейчас... а я тебе потом отплачу... обещаю...

Такие обещания дают дети во время порки, когда они готовы на все, лишь бы прекратить наказание. Малта погладила молодую женщину по плечу. Потом все-таки приподняла ей голову и слегка повернула, с тем чтобы деревянный край банки не так врезался в нежную щеку. И сама устроилась рядом с Подругой, делясь с ней скудным теплом собственного тела. Что еще она могла для нее сделать?

Только потом Малта еще раз заставила двинуться онемевшие шейные мышцы и нашла глазами сатрапа. Великий властитель Джамелии зло смотрел на нее с кормового сиденья. Лоб и щеки у него заметно опухли.

Малта отвернулась. Быстро делалось холоднее, и она как могла втянула руки поглубже в рукава измызанного платья, подняла воротник и прикрыла ноги подолом. Вот теперь можно

начать убеждать себя, что ей и вправду тепло. Здесь, на дне лодки, куда не так поддувает ветер, да и Кикки все-таки рядом.

Она прикрыла глаза и постепенно начала уплывать в полудрему.

– Че... там?

Это был голос сатрапа, но Малта решила не отзываться. Только очередной свары ей сейчас не хватало. Какие свары, когда совершенно нет сил?

– Че там? – напряженно повторил Касго.

Малта приоткрыла глаза и подняла голову. А через мгновение рывком села, резко качнув лодку. Что-то приближалось к ним из темноты, что-то большое! Малта напрягла зрение, сиюсь различить знакомый силуэт. Только живые корабли плавали вверх по течению Дождевой реки. Все прочие суда неизбежно погибали, не выдерживая едкой воды.

Однако близившаяся тень сидела в воде ниже, чем полагалось бы живому кораблю, и несла над собой единственный квадратный парус. Освещали же судно лишь собственные, весьма неяркие ходовые огни, но Малте померещилось некое движение вдоль обоих бортов. Потом она заметила, как ходил вверх-вниз высокий, напрочь лишенный эlegantности нос, отвечая качке корабля, пробивавшегося против течения.

Куда только подевалась застывшая тяжесть, сводившая мышцы? Малта поднялась во весь рост, продолжая вглядываться в потемки, уже узнавая подходивший корабль – и не желая верить собственным глазам. Потом она снова скорчилась рядом с Кикки. В конце концов, было уже вполне темно, а лодочка у них маленькая.

Может, и не заметят...

– Ну так... че? – с явным трудом выговорил сатрап.

– Тихо, – шикнула Малта. – Это калсидийская боевая галера!

Сердце у нее гулко колотилось. И что здесь, спрашивается, делать боевому калсидийскому кораблю? Что он потерял на опасной реке? Не иначе калсидийцы надумали кого-то ограбить. Или что-нибудь разузнать. С другой стороны, встретят ли они еще какое-нибудь судно? И что может сулить им эта галера? Спасение? Или жестокую гибель?

Пока она пыталась что-то сообразить, сатрап перешел к действиям.

– Спасите нас! Спасите! Сюда, сюда, мы здесь! – заорал он как можно громче, приподнимаясь на корточках на своей кормовой банке. Одной рукой он придерживался за борт, другой – отчаянно размахивал.

– Они могут убить нас! – попыталась осадить его Малта.

– С чего ты взяла? Они мои союзники. Я нанял их, чтобы они помогли избавиться Джамелию от пиратов. Смотри, да у них же наш флаг! Это точно кто-то из наших наемников, наверное, они гоняются за пиратами. Эй, сюда, сюда! Спасите!

– За пиратами? Гоняются по Дождевой реке? – усомнилась Малта. – Сами они грабители хуже всяких пиратов!

Но на нее не обратили внимания. Даже Кикки нашла в себе силы подняться. Она вскарабкалась на банку и сидела на ней, пытаясь махать кораблю и жалобно крича что-то без слов.

Вопли высокопоставленных попутчиков не помешали Малте различить удивленный возглас впередсмотрящего. Очень скоро на носу галеры зажглось сразу несколько фонарей, так что голова свирепого чудовища, венчавшая форштевень, словно бы ожила, отбрасывая странные тени в тумане. Вот рядом с ней возник силуэт человека, вот он вытянул руку, указывая вперед. Их заметили. Людей на носу стало больше, они возбужденно переговаривались. Корабль слегка повернул и пошел прямо на лодку.

Казалось, они никогда не сойдутся вплотную. Но потом с галеры бросили конец, и Малта поймала его. Лодку быстро подтянули к борту, и свет фонарей показался девушке ослепительным. Она только и могла бессмысленно держаться за канат, пока сатрапа, а потом и Кикки втаскивали на корабль. Когда настал ее черед и она очутилась на палубе, ноги напрочь отказали.

лись ее держать, и она осела на жесткие доски. Калсидийцы о чем-то пытались спрашивать ее, но она лишь мотала головой, а слова наружу не шли. Она отчасти понимала по-калсидийски – отец успел кое-чему научить, – но язык в буквальном смысле отсох и не годился ни для каких разговоров. Сатрапа и Кикки уже поили водой, и Кикки невнятно благодарила. Когда Малте протянули маленький бурдючок, весь остальной мир разом перестал существовать. Впрочем, бурдючок у нее очень скоро отобрали, зато сунули одеяло. Она накинула его на плечи и сидела под ним, беспомощно дрожа. К ней постепенно возвращалась способность соображать, и она начала раздумывать, что же будет с ними дальше.

Сатрап между тем поднялся и выпрямился во весь рост. Он прекрасно владел калсидийским, и это чувствовалось, несмотря на то что и его горло нынче мало годилось для ораторских подвигов. Малта тупо слушала, как этот напыщенный болван называл себя калсидийцем и прочувствованно благодарил за спасение. Она видела, что наемные моряки все шире расплывались в улыбках. Не требовалось слов, чтобы понять: они сочли, что напоролись на умалишенного. В конце концов Касго тоже понял это и изволил прогневаться. Ответом ему был дружный взрыв хохота.

И тогда слово взяла Кикки. Из-за слабости она говорила медленней, нежели сатрап. Малта понимала ее через слово, но тон никаких сомнений не оставлял. Пусть ее одежда свисала непотребными клочьями, лицо, искусанное комарами, безобразно распухло, а губы потрескались и кровоточили. Она поливала наемников, пуская в ход всю мощь и все изыски калсидийской речи, да притом изъяснялась, что называется, «высоким штилем», не снисходя до обычного разговорного языка. Малта быстро поняла, чего она добивалась. Ей было отлично известно, что ни одна правильная калсидийская женщина в жизни себе ничего подобного не позволила бы, разве только если она безоговорочно верила, что высокое положение ее спутника-мужчины надежно оградит ее от праведного гнева матросов.

Кикки говорила и говорила, указывая то на флаг Джамелии, трепыхавшийся над головами, то на сатрапа, и Малта видела, как презрение и насмешка на рожах матросов начали постепенно уступать место сомнению. Потом один из моряков подошел к ней и помог встать. При этом он очень старался прикасаться лишь к ее рукам, ибо иные прикосновения стали бы смертельным оскорблением в глазах мужа или отца. Малта поплотнее закуталась в одеяло и кое-как заковыляла следом за сатрапом и Кикки.

Все же, несмотря на крайнее изнурение, наследница торговцев Удачного присмотрелась к кораблю, на который попала, и он особого впечатления на нее не произвел. По бортам виднелись скамьи для гребцов, и их разделяла поднятая палуба. На носу и корме возвышались надстройки, предназначенные скорее для боя, нежели для отдыха и удобства.

Троих спасенных проводили на корму и пригласили в небольшую каюту. Потом калсидийские моряки вышли.

Глазам Малты потребовалось время, чтобы привыкнуть к теплоте лампы, показавшемуся ей ослепительным. В каюте обнаружилась койка, застланная роскошными мехами, а озябшие босые ноги приятно согрел толстый, пышный ковер. В углу курилась жаровня, производившая не только дым, но и отчетливое тепло. От тепла кожу Малты закололи изнутри крохотные иголки.

Она увидела человека, сидевшего за столиком для карт. Он что-то чертил, делал пометки и не сразу оторвался от своего занятия, чтобы посмотреть на вошедших. Потом медленно поднял глаза. В это время сатрап смело – а может, делая глупость – вышел вперед и уселся во второе кресло, стоявшее подле стола. Впрочем, когда он заговорил, его тон не был ни повелительным, ни просящим. Малта сумела разобрать слово «вино». Кикки опустилась на ковер у ног своего повелителя. Малта осталась стоять возле двери.

Она следила за происходившим, словно это был спектакль, разыгрываемый на сцене. Она понимала, что теперь ее участь полностью зависит от воли сатрапа; стоило подумать об этом –

и в животе делалось нехорошо. У нее не было никаких оснований доверять чести или мудрости этого человека, но обстоятельства не оставляли ей выбора. Она даже по-калсидийски говорила недостаточно хорошо, чтобы хоть словесно постоять за себя. И потом, вздумай она отречься от Касго и его власти, она тем самым отказалась бы и от всякой защиты, которую он, возможно, смог бы ей обеспечить.

Поэтому ей оставалось только молча стоять, дрожа от холода и усталости, и наблюдать, как посторонние люди решают ее судьбу.

Вот появился корабельный юнга и поставил перед капитаном вино и целый поднос сладкого сухого печенья. Малта внимательно смотрела, как капитан налил вина себе и сатрапу, как они чокнулись и выпили. Потом они начали говорить. Вернее, говорил в основном Касго, то и дело прихлебывая из бокала. Вот еще кто-то поставил перед ним дымящуюся миску с какой-то едой. Сатрап принялся утолять голод, время от времени протягивая Кикки то печенье, то кусочек хлеба, словно она была собачонкой, выпрашивающей лакомство у хозяйского стола. Молодая женщина принимала подачки и ела медленно и деликатно, ничем не показывая, что на самом деле страшно изголодалась. Малта присмотрелась и заметила, что, даже несмотря на свое состояние, Кикки пыталась по возможности следить за разговором мужчин, и в ее душе в самый первый раз шевельнулось нечто похожее на восхищение. Кикки определенно не была такой хрупкой и безмозглой куколкой, какой выглядела. Да, за несколько минувших дней она достаточно натерпелась, да, вместо глаз у нее на лице остались опухшие, воспаленные щелочки. Но в этих щелочках временами вспыхивал хитрый и проницательный огонек.

Наконец сатрап с капитаном насытились, но не поспешили встать из-за стола. Снова появился юнга и принес лакированную шкатулку. В ней оказались две белые глиняные трубки и несколько горшочков с травами для курения. Касго даже привстал в кресле, не сдержав восторженного восклицания. Снедаемый предвкушением, он еле дождался, пока капитан набьет и передаст ему первую трубку. И поспешно склонился над огоньком, опять-таки протянутым капитаном. Зелье начало тлеть, и Касго с жадностью затянулся несколько раз подряд. Вот теперь ему, кажется, было совсем хорошо. Набрав полную грудь дыма, он задерживал дыхание сколько мог, расплываясь в абсолютно счастливой улыбке. Потом откинулся в кресле, и надо было слышать восторженный стон, с которым он выдохнул.

Скоро дурмящий дым плавал по каюте густыми полосами и облачками. Голоса мужчин сделались громкими, они часто смеялись. Малте же стало вконец трудно держать глаза открытыми. Она все еще пыталась наблюдать за капитаном, пробуя сообразить, как он относился к тому или другому замечанию Касго, вот только сосредоточить внимание сделалось очень трудно. Какая тут наблюдательность, какое сосредоточение, когда вся ее воля уходила на то, чтобы просто устоять на ногах? Ей начало казаться, будто стол и сатрап с капитаном уплывают все дальше, в теплую и задымленную толщу, и даже голоса делались все невнятной и тише. Когда капитан вдруг поднялся, Малта вздрогнула и очнулась. Калсидиец указал рукой на дверь каюты, приглашая сатрапа к выходу. Касго тяжеловесно выбрался из кресла. Было похоже, что еда и вино до некоторой степени восстановили его силы. Кикки попыталась последовать за своим господином, но беспомощно опустилась обратно на толстый ковер. Сатрап презрительно фыркнул и что-то сказал капитану – скорее всего, нелицеприятно выразился о бессилии женщин. Потом его взгляд обратился на Малту.

– Помоги ей, дурица! – прозвучал гневный приказ, и они с капитаном вышли из каюты. Ни тот ни другой не удосужился обернуться и посмотреть, следуют ли за ними их спутницы.

Когда оба повернулись к ним спинами, Малта первым делом подхватила с блюда горсть печенья и впихнула в рот, чтобы прожевать всухомятку. Нагнулась за Кикки и подняла ее с пола, недоумевая про себя, откуда взялись на это силы. Кикки судорожно уцепилась за Малту, ноги у нее подкашивались. Шатаясь, девушки побрели вон из каюты. Мужчины за это время успели оказаться на другом конце корабля. Пришлось догонять. Матросня оборачивалась,

жадно пялясь на женщин и явно насмехаясь над их ободранными одеждами. Малте очень не понравились эти взгляды.

Догнав наконец сатрапа, Малта и Кикки остановились на почтительном расстоянии. На палубе корабля возле боевой надстройки были устроены палатки, натянутые на грубые деревянные рамы. Кто-то из калсидийцев поспешно перетаскивал свои пожитки, освобождая для спасенных одну из палаток. Как только он с этим покончил, капитан, опять-таки жестом, пригласил сатрапа заходить и располагаться. Касго ответил царственным поклоном и направился в свои временные покои.

Малта повела спотыкающуюся Кикки следом за ним, и тут прежний обитатель палатки ухватил ее за локоть. Малта вскинула голову, не сразу сообразив, что происходит. Калсидиец же широко улыбался и через ее голову что-то спрашивал у сатрапа. Сатрап в ответ расхохотался и отрицательно покачал головой. Добавил несколько слов, передернул плечами. Малта разобрала одно только слово: «попозже». И увидела, как сатрап слегка закатил глаза, словно удивляясь дерзости просьбы. Калсидиец же скроил гримасу смешливого разочарования и отпустил локоть Малты. При этом его рука словно невзначай скользнула по ее телу, коснувшись бедра. Малта ахнула, а капитан дружески хлопнул подчиненного по плечу. Малта сообразила, что это был, скорее всего, старпом. Она толком так и не поняла, что именно произошло, но твердо сказала себе, что ей нет до этого дела. Стиснув зубы, она кое-как дотащила Кикки до единственной койки в палатке, но в шаге от ложа у Подруги словно растаяли все кости и она без сил поникла на палубу. Малта потянула ее за руку, пытаясь снова поднять.

– Нет... – прошептала Кикки. – Оставь меня здесь. Ступай, встань у двери. – Малта недоумевающе уставилась на нее, и молодая женщина собрала последние силы, чтобы приказать: – Не спрашивай ни о чем! Просто сделай, как я говорю.

Малта все же замешкалась, но потом уловила устремленный на нее взгляд капитана. Пришлось подниматься и хромать к входу в палатку. «Да я что им, служанка?» – вспыхнула неожиданная мысль. Малту в который раз охватила тихая ярость, но даже и ярость более не могла дать ей сил. Она оглядела палатку. Натяжные стены были кожаными. Подле койки виднелся стол и на нем – зажженная лампа. Вот и все. Сугубо временное жилище. Малта задумалась, что бы все это могло значить, рассеянно слушая, как капитан желает сатрапу приятно провести вечер. Как только входной клапан палатки закрылся и отделил их от внешнего мира, Малта села на пол с твердым намерением больше никогда не вставать. Ее по-прежнему мучили голод и жажда, но более всего требовалось поспать. Она попыталась поуютнее закутаться в свое одеяло.

– Вставай, – прозвучал голос сатрапа. – Сейчас придет юнга с едой для Кикки, и надо, чтобы поднос приняла служанка. Не унижай меня необходимостью отправить парня с порога назад. Он, кстати, еще и подогретой воды принесет. Ты умоешь меня, потом займешься Подругой.

– Я лучше прямо сейчас за борт выпрыгну, – мрачно сообщила ему Малта.

И не двинулась с места.

– Что ж, лежи, – сказал Касго. Еда и питье не только оживили его, но и в полной мере вернули былую заносчивость. Он принялся раздеваться, бросая на пол замызганные лохмотья и ничуть не стесняясь присутствия Малты. Она оскорбленно отвернулась, но, к сожалению, не заткнула ушей. – Прыгать за борт необязательно, – продолжал Касго. – Тебя и так выкинут в воду матросы, когда ты им уже окончательно надоешь. Если хочешь знать, именно этим и интересовался здешний старпом. Вот его доподлинные слова: «Нельзя ли попользоваться девицей со шрамом?» Я сказал, что ты служанка и ходишь за моей женщиной, но, быть может, попозже твоя госпожа велит тебе уделить ему время. – Губы сатрапа скривила снисходительная улыбка, а в голосе прозвучал фальшивый елей. – Помни, Малта: палуба этого корабля – кусочек Калсиды. Со всеми соответствующими порядками. Если ты не моя, значит – ничья. А в Калсиде ничья женщина принадлежит всем!

Эту фразу Малта слышала не впервые, но ее смысл вполне дошел до нее только теперь. Она яростно сжала зубы... и услышала трудный, медленный голос Кикки.

– Государь сатрап Касго говорит истинную правду, девочка. Вставай. Если хочешь уцелеть – будь нашей служанкой. – Подруга перевела дух и таинственно добавила: – Помни о моем обещании и слушай, что я тебе говорю. Нам всем надо жить. Надо выжить. Нас может защитить лишь его титул. Значит, надо так себя и вести.

Пока она говорила, сатрап скинул с себя остатки одежды, оставшись в чем мать родила. Вид его бледного, белесого тела потряс Малту до глубины души. Да, ей случалось видеть обнаженные торсы грузчиков и сельских работников. Но полная мужская нагота ее глазам не представляла ни единого раза. Помимо воли и желания ее взгляд скользнул к его чреслам. И вот это-то называлось мужественностью? Мужским достоянием и даже достоинством? Вот этот хилый розовенький стручок в гнезде дурацких кудряшек? Зрелище мужского члена наводило на мысли о малосимпатичных и болезненных червячках. Неужели все мужики устроены таким образом? «Тьфу ты, пакость какая! Бедные тетки, к которым прикасаются подобные штуковины. До чего же им, наверное, тошно...»

Малта поспешно отвела взгляд. Сатрап, кажется, ничуть не заметил ее отвращения.

– Почему до сих пор не несут воду? – спросил он капризно. – Малта, ну-ка ступай, выясни, в чем задержка!

Малта не успела ответить отказом – в раму палатки вежливо постучали. Девушка поднялась, кляня себя за сдачу позиций. Откинулся дверной клапан, вошел юнга. Он ногами пихал перед собой большую деревянную лохань и нес в руках два ведерка воды. Все это парнишка поставил на пол – и так уставился на сатрапа, словно ему, как и Малте, ни разу не доводилось видеть голого мужчину. Малта даже задумалась, что могло столь изумить юного калсидийца. Нездоровая бледность державного тела? Его вялая стройность, столь отличная от жилистой худобы справного моряка? Право слово, даже братишка Сельден выглядел более крепким и физически развитым, чем сатрап.

Следом за юнгой в палатку вошел матрос с подносом еды. Оглядевшись, он вручил поднос Малте, не забыв, впрочем, показать красноречивым кивком, что еда предназначалась для Кикки. И вышел вон вместе с юнгой.

– Подай ей еду, – сказал сатрап. Наверное, он заметил, как Малта пожирает глазами воду, галеты и жиденький бульон на подносе. – Потом иди сюда и наливай воду!

Сказав так, он забрался в неглубокую лохань, опустил на корточки и стал ждать. Малта одарила его взглядом, полным молчаливой ненависти. Выбор у нее был небогатый, и она это понимала.

Она подошла к Кикки и опустила поднос подлее нее на пол. Молодая женщина потянулась было за галетой, но, так и не взяв, опустила голову на руки и закрыла глаза.

– Я так устала... – хрипло прошептала она.

Малта присмотрелась и заметила свежую кровь в уголке ее рта. Она поспешно опустилась на колени рядом с Подругой.

– Сколько речной воды ты выпила? – спросила она.

Кикки лишь испустила глубокий вздох и осталась лежать неподвижно. Малта робко пригнулась к ее руке. Ответного движения не было.

– Хватит с ней возиться, – сказал сатрап. – Иди сюда и лей воду!

Малта бросила тоскливый взгляд на еду. Схватила чашку с бульоном и одним глотком выпила половину. Вкуса она не заметила, но жидкость, напоенная животворным теплом, балзамом пролилась в желудок. Малта отломил кусок галеты и сунула в рот. Галета была сухая и жесткая, но это была пища! Пища! Она принялась жадно жевать.

– Повинуйся! – рявкнул сатрап. – Не то сейчас позову матроса, который на тебя глаз положил!

Малта не двинулась с места. Дожевав галету, она взяла плоскую бутылку с водой и отпила, оставляя опять-таки половину для Кикки. Съесть и выпить больше было бы нечестно. Потом она оглянулась на сатрапа. Тот все так же сидел голяком в лохани. Всклоченные волосы и обожженное ветром лицо производили странное впечатление. Казалось, эта голова не может принадлежать тощему и бледному телу.

– Знаешь, на кого ты сейчас похож? – осведомилась она. – На ошипанного цыпленка на сковородке. Вот на кого.

Физиономия джамелийского самодержца покрылась красными пятнами.

– Да как ты смеешь надо мной насмеяться? Я – сатрап всея Джамелии! Я твой владыка! Я...

Малта лишь покачала головой.

– А я – дочь удачнинского торговца из старинной семьи, – сказала она. – И когда-нибудь сама буду носить этот титул. Похоже, моя тетка Альтия была кругом права: ничем мы не обязаны этой вашей Джамелии. У меня, например, нет ни малейшей охоты называть государем облезлого мальчишку, который даже помыться сам не умеет.

– Ты?... Можешь сколько угодно называть себя торговцем из Удачного, девка. А на самом деле... сказать тебе, кто ты сейчас? Труп! Вот именно! Все, кто когда-либо тебя знал, уверены, что ты умерла. Будут они разыскивать тебя в низовьях реки? Ни в коем случае. Погорюют недельку, поплачут, а потом напрочь забудут. И будет так, словно ты вовсе никогда не существовала. И никто никогда не узнает, какая участь тебя на самом деле постигла. Я ведь переговорил с капитаном, и он собирался повернуть вниз по течению. Они хотели взглянуть, что там хорошенького в верховьях, но теперь, после моего спасения, их планы, конечно же, изменились. У выхода в море мы соединимся с остальным флотом и поспешим прямым ходом в Джамелию. Так что свой Удачный ты никогда более не увидишь. Понятно? Короче, выбирай, Малта Вестрит. Или живи как служанка – или умри как затраханная шлюха, выкинутая в воду с галеры!

Недожеванная галета встала у Малты поперек горла. Холодная улыбка сатрапа куда более слов свидетельствовала о жестокой правде только что сказанного. Ее прошлая жизнь навсегда канула в небытие. А настоящее и будущее... вот оно, голое и мерзкое, на корточках в лохани.

Сатрап негодующим жестом указал ей на ведерки с водой. Малта посмотрела на них с некоторым недоумением. Она так устала. Ей не на что было больше надеяться. Доля служанки ее отнюдь не прельщала. Но и лечь под похотливую ораву гнусных калсидийцев... Нет, ей еще хотелось пожить. Что ж, придется делать все, что для этого необходимо.

Она взяла в руки ведро. От воды поднимался пар. Малта подошла к сатрапу и принялась поливать тоненькой стружкой. Он так и застонал от наслаждения, ежась в теплой воде. Малта же принялась к стружкам пара... и не смогла сдержать невольной улыбки. Эти недоумки нагрели ему для мытья заборной воды. Следовало бы ей с самого начала обо всем догадаться. Конечно же, корабль подобных размеров не мог обладать большим запасом пресной воды. И конечно, воду из бочек они использовали для питья, а умывались заборной. Откуда им было знать, что представляет собой Дождевая река? Нет, они, вероятно, слыхали, что пить здешнюю воду опасно. Но до того, что в ней и мыться нельзя, додуматься не сумели. А может, они и вовсе не моются, кто их разберет. Оттого и не подозревали, что не далее как завтра сатрап сплошь покроется волдырями, а потом...

Малта мило улыбнулась Касго и спросила:

– Еще ведро, мой государь?

Глава 9

Первая битва

Альтия оглядела палубу, чтобы в очередной раз убедиться – все шло путем. Ветер дул ровно, а у штурвала стоял Хафф. Синева над головой была глубокой и ясной – нигде ни облачка. На средней палубе шестеро моряков упражнялись с палками, раз за разом нападавая и отражая удары. Правду сказать, особого рвения они не показывали, но достигнутые результаты Брэшена, судя по всему, удовлетворяли. Возле упражнявшихся прохаживался Лавой. Он поправлял неумех и ободряюще матерился. Альтия только головой покачала. Она отлично сознавала, что ни шиша не понимает в сражениях, но смысл подобных упражнений от нее ускользал. Что толку в механическом запоминании движений, ведь в настоящей битве не будет ни порядка, ни строя. То же, по ее мнению, касалось и подготовки стрелков. Она только что наблюдала, как спокойно и неспешно они натягивали луки и брали прицел. Как же, даст им кто-нибудь вот так стрелять, когда дойдет до настоящего дела...

Тем не менее Альтия держала рот на замке. И когда наступал ее черед, упражнялась вместе со всеми, стараясь изо всех сил. У нее уже был свой лук, не слишком тугой, по руке, и она была в цель достаточно метко. Но вот как все будет выглядеть в реальном бою?

Она не стала делиться своими сомнениями с Брэшеном. Отчасти потому, что последнее время в ее к нему отношении присутствовала некая подозрительная теплота. Значит, не стоило вводить себя в искушение, напрашиваясь на беседу с глазу на глаз. Если Брэшен мог держать себя в руках, воздерживаясь от нежностей, значит и ей это было по силам. Альтия вслушалась в ритмический перестук «потешных» деревянных мечей, наносивших удары в такт песенке-речевке в исполнении Клефа. «До сражений еще надо дожить, – сказала она себе. – По крайней мере, люди заняты делом и безобразничать им некогда».

Упомянутые безобразия зависели, кстати сказать, и от численности команды. Нынче «Совершенный» нес на борту изрядно народа: Брэшен нанимал людей не только для моряцкой работы, но и для боев. И все это не считая тайно вывезенных рабов. Поэтому в кубриках было тесно, а как не вспыхнуть дурным ссорам там, где поневоле скучены ершистые молодые мужчины?

Убедившись, что ничто не требовало ее немедленного вмешательства, Альтия подошла к мачте и отправилась наверх по снастям. Лазание вверх-вниз тоже было искусством, требовавшим упражнений. Опять-таки корабельная теснота порой приводила к малоподвижности, от которой у Альтии спустя малое время начинали ныть застоявшиеся мышцы. Вот она, выбрав свободный момент, и погнала себя наверх со всей мыслимой быстротой. Добралась до «вороньего гнезда» – и радостно ощутила, как бегают по жилам ожившая кровь.

Янтарь, сидевшая наверху, загодя услышала ее приближение. Такое уж было у нее свойство – почти сверхъестественным образом чужь присутствие других людей. Альтия перебралась через край, и корабельная плотничиха встретила ее приветливой улыбкой, пусть и слегка натянутой. Альтия села с ней рядом, свесив ноги наружу, и поинтересовалась:

– Ну? Как ты себя чувствуешь?

Янтарь криво улыбнулась.

– Лучше не бывает, – сказала она. – Может, хватит наконец беспокоиться? Сколько можно повторять: этот недуг приходит и бесследно уходит. Вот и все. Ничего страшного не случилось!

– Ну да, – кивнула Альтия.

Без особенного, впрочем, доверия. Она ведь так до конца и не выяснила, что именно стряслось в ту ночь, когда она обнаружила Янтарь без сознания лежащей на палубе. Сама плот-

ничиха утверждала, что просто потеряла сознание и свалилась. Отсюда, мол, и синяки на лице. О палубу стукнулась.

Лгать ей, по мнению Альтии, было вроде бы незачем. Если бы Лавой ее в самом деле избил, старпома давно вывели бы на чистую воду. И сама Янтарь пожаловалась бы, и Совершенный обо всем рассказал.

Альтия внимательно пригляделась к лицу Янтарь. Последнее время резчица упорно присилась на мачту, исполняя обязанности впередсмотрящего. Альтии пришлось скрепя сердце согласиться. Она понимала: если новый обморок случится с Янтарь здесь и она свалится вниз, дело кончится уже не синяками на физиономии. И все же одинокая вахта на головокружительной высоте некоторым образом подходила Янтарь. Ветер и солнце целовали ее кожу, пока та не начала лупиться. Сейчас Янтарь выглядела загорелой и прямо-таки лучилась здоровьем. Даже золото волос и глаз казалось насыщенней прежнего.

Да, столь полной жизненных сил Альтия ее еще не видала.

– Ничего нет, – проговорила Янтарь, и Альтия обратила внимание, насколько пристально ее подруга смотрит вокруг. Спohватившись, она и сама внимательно обвела взглядом горизонт.

– Среди этих островов всякое может случиться, – сказала она затем. – Поэтому-то их так любят пираты. Можно затаиться и ждать, пока добыча сама придет в руки. Тут столько бухточек и речных устьев, что легче легкого спрятать корабль.

– Вон там, например, – вытянула руку Янтарь.

Альтия проследила указанное направление и некоторое время напрягала глаза. Потом спросила с сомнением:

– Ты что-то увидела?

– Мне показалось... Знаешь, всего на мгновение. – Янтарь, напряженно подавшаяся вперед, расслабилась, плечи обмякли. – Вроде как мачта корабля мелькнула над вершинами леса.

Альтия снова прищурилась, потом покачала головой:

– Нет там ничего. Самое большее – птица с ветки на ветку перелетела. Сама знаешь, глаз моментально подмечает движение, а дальше – наши фантазии.

Кругом них в самом деле расстилось умопомрачительное смешение зеленого и голубого. Из воды отвесными стенами вздымались скалистые острова, но макушки неприступных утесов так и курчавились роскошной лиственной зеленью. По кручам сбегали где тонкие ручейки, где целые водопады. Они сверкали на солнце стремительным серебром, падая в море и разлетаясь каскадами брызг. С палуб более ничего разглядеть было невозможно. С высоты мачты открывалась истинная природа здешней суши и вод. Морская синева, например, переливалась весьма различными оттенками не только в зависимости от глубины, но еще и смотря по тому, сколько пресной воды выносила в океан та или иная речушка. По этим оттенкам Альтия, например, могла с уверенностью судить, что пролив впереди был достаточно глубок для «Совершенного», но несколько узковат. А в задачу Янтарь входило наблюдение – и предупреждающий вопль штурвальному, если впереди обнаружится опасная мель. Ибо Пиратские острова, помимо прочего, славилась зыбучими песчаными банками, непредсказуемо возникавшими и исчезающими. К западу красовалась гряда то ли утесистых островков, то ли остатков горной цепи некогда затонувшего берега. С той стороны шел основной приток пресной воды. Течение несло с собой песок и всяческий мусор, постепенно образовывавший новые мели. А если принять во внимание еще и шторма, которые время от времени перемешивали все и вся, убирая прежние и воздвигая новые препоны судождению? А если добавить к сказанному, что узкие протоки неминуемо зарастали илом и делались непроходимы – до ближайшего шторма?..

Вот тут и становилось понятно, отчего плавание внутри архипелага считалось очень опасным занятием. И отчего Пиратские острова до сих пор не были должным образом картографированы.

Бесчисленные опасности, подстерегавшие здесь тяжело нагруженные торговые корабли, были в то же время весьма на руку пиратам. Тем более что пираты очень часто пользовались судами с малой осадкой, ходившими не только под парусом, но и на веслах. Да и команды обыкновенно знали о местных водах все, что вообще можно было знать, – и еще чуточку. Альтия далеко не первый год плавала вдоль Проклятых берегов. Но ни разу еще ей не доводилось забираться так далеко в путаницу островов. Ее покойный отец неизменно избегал их, ибо никогда не искал себе на голову бессмысленных приключений. «Возможные выгоды от рискованных предприятий не покрывают убытка от неудач», – неоднократно говаривал капитан Ефрон Вестрит. Альтия воочию представила себе отца, и воспоминание вынудило ее улыбнуться.

– О чем думаешь? – негромко спросила Янтарь.

– Об отце.

Янтарь медленно кивнула.

– Это хорошо, – сказала она, – что теперь ты думаешь о нем – и улыбаешься.

Альтия тоже кивнула. И не стала ничего говорить. Некоторое время они молча парили в вышине вместе с мачтой, ощутимо раскачиваясь то влево, то вправо, ибо высота усиливала естественное движение корабля. Впрочем, молчание не затянулось надолго. У Альтии вертелся на языке вполне определенный вопрос, и наконец она проговорила, стараясь не глядеть на Янтарь:

– Так Лавой точно не трогал тебя?

Янтарь вздохнула:

– С чего бы мне тебя обманывать?

– Не знаю. И почему ты всякий раз отвечаешь мне вопросом на вопрос – тоже не знаю.

Янтарь повернулась и прямо посмотрела ей в глаза:

– А почему ты не можешь допустить мысли о том, что я действительно почувствовала себя плохо и потеряла сознание? И потом, если бы Лавой вздумал меня обижать, неужели ты думаешь, что Совершенный смолчал бы?

Альтия задумалась, не торопясь отвечать. Потом сказала:

– На сей счет не уверена. Он сильно изменился за последнее время. Меня, помнится, ужасно раздражало, когда он целыми днями дулся или впадал в расстроенные чувства. Он казался мне мальчишкой, запущенным и капризным. Но в те времена случались моменты, когда он явно силился угодить. Даже рассуждал иногда, как бы зарекомендовать себя передо мной и Брэшеном. Зато теперь, когда он разговаривает со мной, то уж как скажет иной раз – хоть стой, хоть падай. Принимается говорить о пиратах и талдычит о крови, отмщении и убийствах. О пытках, которым был свидетелем. И все это – опять-таки словно ребенок, который врет напропалую и отчаянно хвастается, чтобы произвести впечатление на взрослых. Слушаешь его и не можешь взять в толк, чему верить, а чему нет. Он что думает, что я за сердце схвачусь от перечня жестокостей, которые он якобы видел? Когда я его спрашиваю, почему он мне с таким воодушевлением все это рассказывает, он соглашается – да, мол, ужасные вещи творились. А потом снова заводит ту же песню, со знанием дела смакует всякие подробности, и мне начинает казаться, что внутри его – никакой не мальчишка, а жестокий взрослый насильник и убивец, жутко довольный всем тем, что он некогда совершил. Вот, мол, смотрите все, как я мог! И еще вот так, так и так! Понять не могу, где он такого набрался? – Альтия окончательно отвернулась от Янтарь и тихо добавила: – И еще мне очень не нравится, что он повадился подолгу трепаться с Лавоем. Притом чем дальше, тем больше.

– Я бы выразилась иначе, – возразила Янтарь. – Не он с Лавоем, а наоборот: Лавой с ним. Совершенный ведь не может разыскать старпома и предложить ему побеседовать, Альтия. Это Лавой приходит к нему. И скажу тебе честно, Лавой удается пробуждать в его душе самые худшие струнки. Он знай подстегивает его кровожадное воображение. С удовольствием слушает его жуткие пиратские байки – и в ответ рассказывает что-нибудь весьма в том же духе. Они

словно хвастаются друг перед дружкой, словно подростки – первыми проявлениями мужской силы. – Янтарь говорила обманчиво спокойно и тихо. – А больше всего я боюсь, что Лавой вынашивает какие-то свои планы. Очень скверные планы.

Альтия поерзала на жестких досках. Она уже раскаивалась, что повела разговор именно в этом направлении. И подозревала, что скоро будет каяться еще больше. Она сказала:

– Все равно мы ничего не можем поделать.

– Да прямо. – Янтарь покосилась на нее через плечо. – Брэшен мог бы и запретить их посиделки.

Альтия с глубоким сомнением покачала головой:

– Наверяд ли. Он не захочет подрывать авторитет Лавоя, ведь тому матросами командовать. Люди, чего доброго, слушаться перестанут.

– Ну и пусть перестанут. Рыба, знаешь ли, с головы тухнет. И протухшую голову надо вовремя отрубить, пока все остальное еще не загнило. Подумай сама, Альтия! Совершенному не присуще лукавство: что на уме, то и на языке. Матросы – другое дело. Кое-кто очень даже хитер. Но если Лавою удастся влиять на наш корабль, склоняя его к своему образу мыслей, с чего ты взяла, будто он не делает того же с командой? Особенно с татуированными? Ты хоть представляешь, каково его влияние на этих людей? Оно даже слишком велико, я бы сказала! Они ведь до некоторой степени похожи на Совершенного. Жизнь была весьма неласкова с ними, и то, что им довелось пережить, наделило их способностью к самой хладнокровной жестокости. На этом-то и играет Лавой. Посмотри хоть на то, как он подзуживает их всячески издеваться над Лопом! – Взгляд Янтарь был устремлен вдаль: беседуя, она продолжала без устали обшаривать горизонт. – Лавой очень опасен, помани мое слово. Он – ходячая угроза нам всем. И хорошо бы избавиться от этой угрозы!

– Но ведь Лавой... – начала было Альтия, но договорить ей не удалось. Янтарь стремительно вскочила на ноги.

– Корабль! – закричала она, указывая рукой.

Вахтенный на палубе подхватил ее крик и тоже вытянул руку, чтобы мог видеть штурвальный. Альтия пригляделась и тоже заметила мачту, двигавшуюся среди негустой щетины леса на длинном мысу – кстати, неподалеку от того места, где Янтарь померещилось движение некоторое время назад. Судя по всему, корабль таился за мысом, дожидаясь, пока «Совершенный» подойдет поближе и можно будет напасть более-менее наверняка.

– Пираты, – сказала Альтия. И завопила что было мочи, свесившись вниз: – ПИРАТЫ!!!

На чужом судне словно бы поняли, что оказались замечены. На флагштоке развернулось знамя – алое полотнище с какой-то черной эмблемой. Альтия насчитала шесть шлюпок, приготовленных для спуска на воду. Вот в чем, значит, состояла их тактика. Лодки нападут на «Совершенного», будут всячески мешать ему и попытаются взять на бордаж, в то время как большой корабль постарается загнать его на отмели впереди. А если попытка бордажа будет успешной, помощь большого корабля даже и не понадобится. «Совершенного» всяко посадят на мель – и обдерут как липку.

Сердце Альтии бешено колотилось в груди. Сколько они говорили о неизбежном сражении, сколько готовились к нему – и все равно решительный миг наступил как-то очень уж вдруг. Некоторая часть разума понимала, что все должно было решиться прямо здесь и сейчас, но другая, и не меньшая, часть отказывалась понимать и принимать. Альтия испытала миг самого настоящего, всепоглощающего ужаса, от которого остановилось даже дыхание. Эти люди в лодках мчались сюда за ее, Альтии, головой. И готовы были сделать все возможное, чтобы поймать ее и убить. Она крепко зажмурилась, потом тряхнула головой и широко раскрыла глаза. Ей некогда было переживать о собственной участи. От нее зависела судьба корабля!

Брэшен успел выскочить на палубу, кажется, еще прежде, чем стихло эхо ее самого первого вопля.

– Надо парусов прибавить! – закричала она, обращаясь вниз, к капитану. – Они хотят перехватить и обложить нас, но мы сумеем уйти! Там шесть шлюпок и «матка»! Только осторожнее, там отмели впереди! – И Альтия повернулась к Янтарь. – Спускайся вниз, беги к Совершенному. Скажи, пусть изо всех сил постарается удержаться на главном фарватере. Нам нужна его помощь! Если же пираты подберутся совсем близко, дай ему в руки оружие. Уж шлюпку-то отогнать он, верно, сумеет. Я останусь здесь и буду смотреть сверху, а капитан распорядится на палубе!

Последние фразы догоняли Янтарь, что называется, на лету: женщина уже мчалась вниз по снастям с проворством паучихи, проводящей в тенетах всю свою жизнь. Вот «Совершенный» выдвинулся из-за мыса, и лодки бросились на перехват. На каждой усердно трудилась шестерка гребцов, остальные сжимали оружие и абордажные крючья и жадно смотрели вперед.

Под ногами Альтии, на палубе корабля, поднялась лихорадочная суета. Часть матросов кинулась поднимать дополнительные паруса. Другие раздавали оружие, третьи занимали места вдоль бортов, готовясь отразить нападение.

И конечно, вся эта беготня очень мало напоминала размеренное и неспешное приготовление к бою, в котором они упражнялись последние дни. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Ужас, скрутивший было Альтию, между тем отступил, сменившись каким-то бешеным и хмельным предвкушением. Осталось позади нескончаемое ожидание, наступал решительный миг! Она будет драться. Она сможет убить. Вот тогда-то все и увидят, на что она в действительности способна! Увидят – и начнут по-настоящему уважать!

– Ох, Совершенный... – пробормотала она затем, неожиданно осознав истинный первоисточник своего воинственного восторга. – Нет, кораблик, тебе никому и ничего не нужно доказывать! Не поддавайся. Не становись таким...

Если Совершенный и уловил ее ответную мысль, он ничем этого не показал. Что же до Альтии – навеянное извне горячее возбуждение, по крайней мере, помогло ей отгородиться от страха. Спасибо и на том.

Она продолжала кричать во все горло, указывая Брэшену расположение вражеских лодок и давая советы, как от них увернуться. Совершенный невнятно и свирепо ревел, требуя крови. Янтарь, впрочем, еще не вооружила его, и он выкрикивал угрозы, шаря кругом себя могучими ручищами: горе тому, кого угораздило бы оказаться в их хватке. Альтия со своего насеста хорошо видела, как при виде разъяренного носового изваяния, во всяком случае, на двух из шести шлюпок утратили воинственный пыл и заметно сбавили скорость. Остальные четыре продолжали полным ходом мчаться вперед. Люди, сидевшие в шлюпках, носили головные платки, отвечавшие цветам корабельного знамени: красные с черным значком на лбу. Рожи у большинства были татуированные. Альтия видела, как широко раскрывались их рты. Они выкрикивали угрозы, размахивали абордажными саблями.

Паруса мешали Альтии разглядеть, что именно происходило на палубе «Совершенного», она только слышала, как Брэшен выкрикивал приказы пополам с руганью. Сама Альтия продолжала сообщать вниз о расстоянии до вражеских шлюпок и совершаемых ими маневрах. Две из шести уже явно отставали, и это вселяло надежду. Может, и от других удастся уйти без рукопашной? Брэшен явно стремился именно к этому, но рулевому и команде мешали беспорядочные движения носовой фигуры.

И всего один раз «вороньего гнезда» достиг голос Янтарь.

– Мне решать! – звонко выкрикнула плотничиха.

* * *

Все шло наперекосяк. С таким же успехом разношерстное воинство Брэшена могло бы вовсе ничему не учиться. Молодой капитан вертел головой, ища взглядом Лавоя: предполагалось, что тот станет командовать стрелками из луков. Еще старпом должен был бы следить за порядком на палубе, но он куда-то бесследно исчез, и разыскивать его было недосуг. Люди, от которых Брэшен ждал слаженных и решительных действий, бестолково носились туда и сюда, словно непослушные дети, увлеченные безалаберной и шумной игрой. Первое же серьезное испытание показывало, что полуобученные воины на самом деле так и остались законченным портовым отребьем, непригодным для сколько-нибудь серьезного дела. Вот так-то, и можно забыть, ко всем шутам, стройный план, загодя разработанный им как раз для подобного случая: первый отряд отражает вражеское нападение, второй готовится к контратаке, третий обеспечивает ход и маневр корабля. А, гори оно все синим огнем!

Стрелки уже давно должны были бы плотно выстроиться вдоль борта. Ничуть не бывало. Едва ли половина народа вообще сумела припомнить, кому что следует делать при встрече с пиратами. Кто-то стоял столбом, разинув рот. Кто-то – с ума сойти! – таранился на шлюпки и даже делал ставки, словно на скачках. Еще кто-то выкрикивал оскорбления, потрясая оружием. На глаза Брэшену попались двое матросов, по-мальчишески споривших из-за сабли.

Но хуже всех вел себя сам корабль. Он сумасбродно рыскал туда и сюда, вместо того чтобы мчаться на всех парусах, внимательно слушая рулевого. Оттого и погоня приближалась с каждым мгновением.

Видя все это, Брэшен решил наплевать на почтительную дистанцию, разделяющую команду и капитана. А что еще ему оставалось делать, если единственным здравомыслящим человеком на палубе выглядел Хафф, державший штурвал? Брэшен сорвался с места, и несколько умелых пинков живо привели в чувство бездеятельно струдившихся матросов.

– По местам! – рявкнул на них Брэшен. И взревел во всю мочь: – Слушай меня, Совершенный! Не крутись, держи прямо!

Еще пять шагов – и капитан оказался возле тех двоих, деливших абордажную саблю. Схватив обоих за ворот, он хорошенько приложил их головами. Потом сунул в руки тому и другому по сабле из этой же кучи, а ту, из-за которой вышел спор, оставил себе.

– Йек! Раздавай оружие! – последовал новый приказ. – По одному предмету на рыло, а кто заартачится, пусть идет с пустыми руками! Остальные – живо встать в строй!

Еще троих, явно не слишком рвавшихся драться, он отправил на ванты – за всем следить и докладывать. Парни с радостью повиновались, передав свое оружие более воинственным. Брэшен оглядывался, костеря себя за то, что не сумел предвидеть такую вот вселенскую бестолковщину. Альтия сверху по-прежнему выкликала расстояние до вражеских лодок, и он имел хотя бы возможность должным образом управлять командой, занятой парусами. Если он что-нибудь понимал, они все-таки успевали разойтись с пиратскими шлюпками, хотя и едва-едва. Что же касается большого корабля, следовавшего за ними... Будем уповать на то, что им обоим в паруса дул примерно одинаковый ветер, и к тому же у Совершенного имелась определенная фора. Уж если на то пошло, Совершенный был живым кораблем! А значит, мог от кого угодно удрать!

Увы, покамест он не очень-то пускал свои способности в ход. Наоборот, скорее, даже сопротивлялся усилиям матросов и рулевого, старавшихся его разогнать. Брэшен ощутил ледяной укол ужаса. Если Совершенный не наберет какой следует скорости, шлюпки его все-таки перехватят, и тогда...

Ему оставалось лишь удесятерить свои усилия по наведению порядка на палубе, и, о чудо, у него начало получаться. Буквально какие-то минуты спустя полный хаос сменился неко-

торым подобием порядка. Получив краткую передышку, Брэшен снова огляделся в поисках Лавоя. Куда все же подевался этот хмырь, почему оставил возложенные на него обязанности?

На сей раз он почти сразу заметил старпома. Тот направлялся на бак, и кругом него шагала небольшая свита, пребывавшая в каком-то поистине жутковатом порядке. Во всяком случае, зрелище этого порядка напугало Брэшена чуть ли не больше, чем первоначальная неразбериха в команде. Свита Лавоя состояла в основном из бывших рабов, беглецов из Удачного. У каждого имелись сабля и лук. Они взошли на бак и выстроились там, и Брэшену хватило одного взгляда, чтобы понять: эти люди принадлежали не ему, а Лавою. И слушаться собирались только Лавоя. Он, капитан корабля, не мог им ничего приказать.

Брэшен двинулся дальше по палубе, но сразу зацепился за что-то рукавом. Он зло оглянулся, намереваясь высвободиться, и увидел подле себя раскрасневшегося Клефа. Парнишка тарачил голубые глаза, сжимая в кулаке длинный нож. Он слегка съежился под взглядом капитана, но рукав так и не отпустил.

– Я буду у тебя за спиной, кэп, – заявил юнга, презрительно мотнув головой в сторону Лавоя и его приспешников. Потом шепотом посоветовал: – Ты погодь шагать, кэп. Ты присмотришься к ним чуток!

– Пусти! – велел Брэшен раздраженно.

Мальчишка послушался. Но стоило Брэшену сдвинуться с места – и он последовал за ним вплотную, как тень.

– Ну? Кто первый? Подходите, я всех вас передую! – оглушительно и вдохновенно орал Совершенный, обращаясь к пиратам на шлюпках.

Его голос звучал так басовито и хрипло, что Брэшен даже слегка удивился: ничего подобного он еще не слышал. Чудны дела Твои, Са! – пожалуй, чисто на слух он сейчас не признал бы собственного корабля. На миг он окунулся в вихрь чувств, захлестывавших Совершенного. Тут была и звериная жажда кровавой добычи, и отчаянная решимость юнца, дождавшегося случая «всем доказать», и стремление грубого взрослого мужика сокрушить всякого, кто встанет у него на пути. У Брэшена мороз пробежал по спине, когда впереди раздался громкий хохот Лавоя. Уж не эти ли слишком бурные чувства помешанного корабля так подогрели старпома?

А Лавой знай себе подливал масла в огонь:

– Давай, парень, давай! Точно тебе говорю, как есть всех передавишь, пусть только сунутся! Ща подойдут поближе, тут я тебе и скажу, куда дотянуться и покрепче шарахнуть. Эй, женщина, ну-ка подай ему этот дрын! Пусть знают ублюдки, на что способен живой корабль из Удачного!

– Мне решать! – отозвалась Янтарь. Говорила она не то чтобы громко, но голос у нее был, как говорят певцы, «с полетом» и разносился ясно и далеко. – Капитан поручил мне за ним присматривать, и я сама буду решать, в какой момент ему понадобится оружие. Пока что нам приказывали уходить, а не драться! – Брэшен не первый день знал Янтарь, и ему показалось, что в ее голосе все-таки звучала нотка страха. Однако холодный гнев был гораздо сильнее. Вот она спокойно и ровно обратилась к Совершенному, сиюсь его урезонить: – Еще не поздно, корабль! Ты можешь их обставить! Лети вперед, и не нужно никому умирать!

– Дай мне шест! – взревел Совершенный, и на последнем слове его голос сорвался на визг. – Я перебую этих ублюдков! Всех до одного перебую!

Брэшен вступил на трап, и его глазам предстало противостояние на баке. Янтарь стояла у поручней, стиснув двумя руками длинный боевой шест, предназначенный для корабля. Лавой угрожающе нависал над нею, его тон и слова были далеко не дружелюбными, но все же прикоснуться к шесту и самолично передать его Совершенному он не осмеливался. Хоть и стояла у него за спиной вооруженная свита. Янтарь же смотрела мимо него – на своего безумного деревянного подопечного.

– Совершенный! – взывала она. – Неужели ты хочешь, чтобы на твою палубу снова пролилась кровь?

– Дай ему шест! – требовал Лавой. – Не пытайся прикрыть весь корабль своими юбками, баба! Пусть дерется, если охота! Тоже выдумала – убежать!

Совершенный хотел что-то сказать, но не успел. Раздался резкий стук: первый абордажный крюк, брошенный издали, прокатился по палубе, царапнул по поручням и бултыхнулся в воду. Внизу торжествующе заорали и сразу метнули еще крюк.

– Они лезут! – выкрикнул Хафф. – У кормы по правому борту!

Брэшен одним прыжком оказался на баке.

– Лавой! Живо туда! – скомандовал он, подпустив в голос как можно больше металла. – Вышиби их! Стрелки – к борту! Отгоняйте шлюпки, и не жалеть стрел! Совершенный! Слушайся руля, прах тебя побери! Хватит болтаться на одном месте, как дерьмо в тазу! Ты корабль или плот тихоходный?! Быстрее вперед, чтобы они остались у нас за кормой!

Жуткая пауза оказалась на самом деле очень краткой.

– Слушаюсь, кэп! – гаркнул Лавой. И кинулся исполнять.

Его свита послушалась первого же движения вожака. Какими взглядами при этом обменялись Янтарь и Лавой, Брэшен так и не смог разглядеть, но заметил, что губы плотничихи были стиснуты добела, а пальцы мертвой хваткой сжимали оружие, предназначенное для ручищ корабля. Оставалось только гадать, что она предприняла бы, вздумай старпом силой овладеть этим шестом. Брэшен волей-неволей отложил разбирательство, пусть даже мысленное, на потом. Он схватился за поручни, свесился вниз и закричал на носовую фигуру:

– Слышишь, Совершенный! Хватит дурью мучиться, плыви давай! На каждого паразита оборачиваться – это всей жизни не хватит!

– А я не побегу! – истерично выкрикнул Совершенный. Его голос снова был абсолютно мальчишеским, ломающимся от волнения. – Пусть трус бегаёт! Не видать славы тому, кто убегает из боя!

– Поздно удирать, кэп, – прозвучал за спиной взволнованный голос Клефа. – Они перехватили нас, кэп!

Охваченный яростью и отчаянием, Брэшен оглянулся посмотреть, что происходило на палубе. Через борт в двух разных местах в самом деле перебралось с полдюжины нападающих. Бойцы они были отменные. Они слаженно расчищали место кругом себя, чтобы за ними могли взобраться другие. Захваченная ими часть палубы пока еще была невелика, но обороняли они ее с превеликим искусством. Лопухое воинство Брэшена больше путалось друг у дружки под ногами, чем билось, и нападало по принципу «кто в лес, кто по дрова». Вот взлетел еще один крюк и зацепился, натягивая канат. Над бортом возникла очередная голова в красном платке. Его почти не заметили: защитники «Совершенного» были слишком заняты. Лишь Клеф, добровольный телохранитель Брэшена, отважился покинуть своего капитана и опрометью кинулся отбивать новое нападение. Брэшен проводил его глазами, испытывая форменный ужас.

– Всем к борту! – выкрикнул он на пределе голоса. И повернулся к Совершенному. – Слушай, ты! Мы еще к этому не готовы! Либо полный вперед, либо они захватят нас и пережуют как кур! Янтарь! Хоть ты его убеди! Осталась у него в голове хоть капля мозгов?

И он помчался в бой следом за Клефом, но, к его окончательному испугу, еще прежде в заваруху встряла спрыгнувшая со снастей Альтия. Вот юнга замахнулся ножом на пирата, перелезавшего через фальшборт, Альтия же попыталась вывернуть из палубы крепко воткнувшийся крюк. У нее так и не получилось сладить с трехлапой, остро отточенной «кошкой», тем более что канат туго натянулся под весом карабкавшихся снаружи людей, отчего лопасти только глубже врезались в дерево. К тому же непосредственно возле крюка находился кусок цепи – не очень-то перережешь, не перерубишь... Прежде чем к ним подоспел Брэшен, Клеф издал пронзительный боевой клич и пырнул-таки пирата ножом. Удар пришелся как раз в

горло врага, навалившегося грудью на борт. Кровь ударила тугим темным фонтаном, оросив и Клефа, и Альтию, и палубу на два шага кругом. Судя по утробному реву Совершенного, для него это тоже не прошло незамеченным. Умиравший пират вывалился наружу, и Брэшен услышал глухой треск, – должно быть, труп упал прямо в шлюпку, качавшуюся под бортом. И не просто упал, но еще кого-то пришиб. Снизу раздались крики.

Брэшен отпихнул Альтию в сторону.

– Назад! – приказал он ей. – Не лезь!

Сел верхом на поручни, крепко зацепившись ногами, и, свесившись, полоснул абордажной саблей по роже пирата, взбиравшегося наверх. Ему повезло. Пират рухнул опять-таки в лодку, едва ее не перевернув, да еще и сбил с ног своего товарища, державшего канат. Тот взмахнул руками и выронил трос. Брэшен не упустил открывшейся возможности: с торжествующим криком спрыгнул обратно на палубу и высвободил вцепившийся крюк, чтобы тотчас вышвырнуть его в море. Потом крутанулся, полагая, что Альтия и Клеф разделят с ним радость победы.

Как же он просчитался. Лицо Альтии было исковеркано гримасой ярости и досады. Клеф как бы в смущении смотрел на свои окровавленные руки, сжимавшие нож. Крик с кормы заставил Брэшена оглянуться. Судя по всему, дела там шли не особенно хорошо. Брэшен хлопнул Клефа по плечу:

– Потом думать будешь, парень! За мной!

Юнга словно вышел из транса и резво припустил следом за капитаном. А Брэшену показалось, будто корабль разом прибавил ходу, как если бы у него внезапно выросли новые паруса. Бросаясь в бой, он успел заметить, что Альтия не последовала за ним, и обрадовался этому. Трое его матросов катались по палубе в обнимку с пиратами, беспорядочно волтузя противников, словно в портовом кабаке во время попойки. Он перепрыгнул через дерущихся и сразу скрестил клинки с рослым пиратом – татуированная морда, блестящая бритая голова... Брэшен позволил ему легко отбить свой удар, но лишь для того, чтобы тем же движением скользнуть мимо него и насадить на саблю второго, уже закинувшего ногу на борт. Тот с хрипом схватился за грудь, запрокидываясь и падая, но и Брэшену пришлось поплатиться за свою храбрость. Лысый пират наотмашь полоснул по нему. Брэшен почти увернулся, но не совсем. Лезвие коснулось его рубашки и легко вспорол ее, а мгновением позже словно огненный бич хлестнул его по ребрам, обдав оглушительной болью. Сзади прозвучал сиплый, полный ужаса вскрик Клефа, и мальчишка рванулся в самую гущу. Он кувырком подкатился под ноги лысому, стремительно кромсая ему своим ножом икры. Пират, не столько покалеченный, сколько изумленный, отпрыгнул назад, чтобы уйти от ножа и снести голову наглецу. Тем временем Брэшен двумя руками перехватил абордажную саблю и вскочил на ноги. Кончик клинка снизу вверх вошел лысому в грудь, глубоко вспоров тело. Пират судорожно шархнулся, налетел поясницей на фальшборт и с криком рухнул в воду.

Эта отчаянная атака Брэшена и Клефа разорвала сплоченный круг абордажной команды. Команда «Совершенного» лавиной устремилась вперед, превращая бой в избиение. Семеро на одного – вот это они понимали. Они буквально снесли пиратов и принялись затаптывать их ногами. Брэшен выбрался из свалки и осмотрелся. Трое, по-прежнему висевшие высоко на снастях, в один голос сообщали ему, что пиратский корабль быстро отстает: Совершенный наконец-то изволил должным образом разогнаться. Быстрый взгляд вправо убедил молодого капитана, что Лавой с приближенными тоже успешно опрокинули супостатов. Двое из команды лежали на палубе, подавая, впрочем, признаки жизни. Трое пиратов еще оборонялись у борта, но никто уже не лез следом за ними, и товарищи кричали им из лодок – дескать, прыгайте, спасайтесь, победы уже не одержать.

На носу тоже пока еще дрались и кричали. Не подлежало сомнению, что Лавой вполне сумеет управиться на корме, и Брэшен кинулся на бак, неотступно сопровождаемый Клефом.

Оказывается, там успели забраться на палубу сразу шестеро лиходеев. Вот тут-то Брэшен и сумел в самый первый раз четко рассмотреть эмблему, украшавшую ярко-красные головные платки. Какая-то черная птица с распростертыми крыльями. Неужели ворон? Знак самого Кеннита?

Пираты яростно фехтовали, обороняя абордажную «кошку» и тянувшийся от нее трос.
– Хватит! Назад! – кричали им снизу. – Капитан сигналил отход!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.